

4

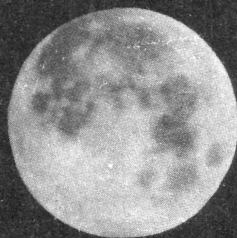
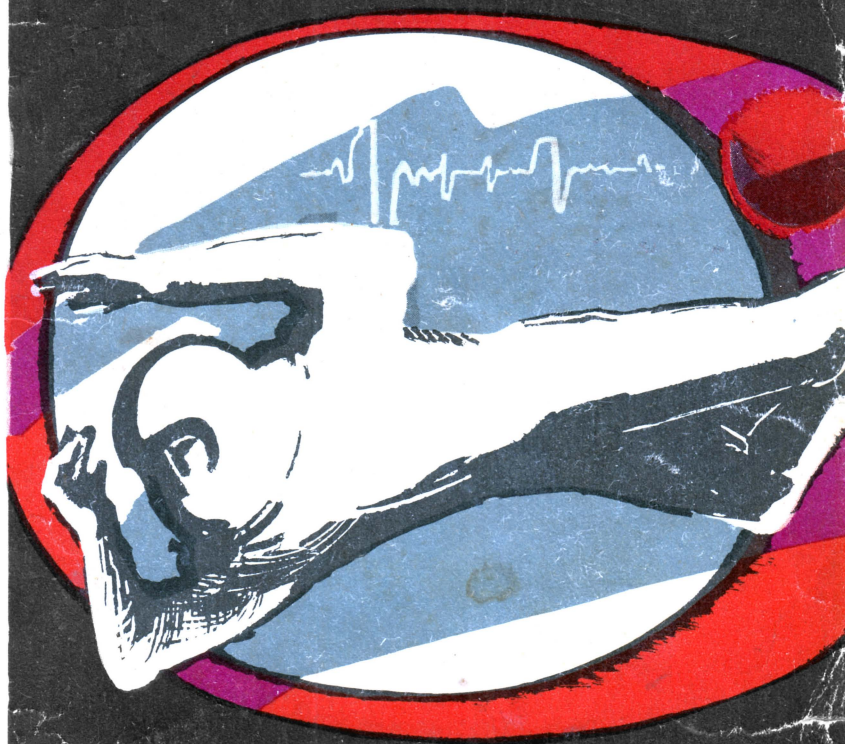
1965

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Олег КУВАЕВ — Чудаки живут на востоке...	2
Владимир САКСОНОВ — Дальний поход	33
Роберт ХЕЙНЛЕЙН — Взрыв всегда возможен	62
А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ — Тонкая нить	76
Владимир МИХАНОВСКИЙ — Мастерская Чарли Макгроуна	100
И. РОСОХОВАТСКИЙ — Верховный координатор	108
Александр ГРИН — Глухая тропа	112
Жорж СИМЕНОН — Револьвер Мегрэ	118
Р. КАТКОВ — Исчезнувшая галерея	155
В. ФИРСОВ — Сигналы из космоса будут расшифрованы	157

№ **4** (28)

1965
ПЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ЧУДАКИ ЖИВУТ НА ВОСТОКЕ...

Маленькая повесть

Рисунки П. ПАВЛОВА

1

Маленький город у Охотского моря мало чем походил на знаменитых собратьев по берегам Великого океана. Через триста лет после основания он все еще оставался одноэтажным и деревянным. На улицах его по-прежнему росли лиственницы, согнутые под прямым углом. Жестокие зимние ветры не позволяли им подняться прямо.

Начало городку положили бородатые мужики-землепроходцы. Мужики гнались за соболем аж от самого Урала, наткнувшись на Тихий океан, остановились, наверное, покурить, осмотрелись и решили остаться подольше. Так возник город.

К середине двадцатого века здесь было:

пять тысяч жителей,

три магазина,

положенное число городских и районных учреждений,

гостиница,

две школы,

кинотеатр «Север».

Городок был административным центром большой таежной территории. В тайге обитали дикие звери и домашние олени и жили люди, которые охотились на зверя и гоняли оленей стада по широкому речным долинам.

Летом к городу подходили рыбацкие сейнеры и малогрузные пароходы-снабженцы. В часы прилива пароходы заходили прямо в речное устье к деревянному причалу и выгружали из трюмов все необходимое людям города и тайги. Два раза в месяц сюда прилетали легкие зеленокрылые самолеты, привозившие почту и редких пассажиров.

По списку научно-культурных центров в городке числился краеведческий музей.

По списку хозяйственных предприятий — ателье мод и норковый питомник.

2

Ателье мод процветало, потому что в нем работал уникальный закройщик, грек Николай Згуриди. Згуриди мог все. С одинаковым вдохновением он работал мелом и ножницами над бостонном, шевиотом и темно-синим трико для парадных костюмов. Весной и летом он шил жакеты из красного плюша, с большими черными пуговицами. Осенью Згуриди изготавливал самостоятельного облика пальто с цигейковыми воротниками. Универсальность обеспечивала спрос и сбыт — основные факторы процветания. Несомненно, ателье мод в маленьком городе на берегу Охотского моря являлось экономически здоровым предприятием.

О норковом питомнике в городке говорили чрезвычайно мало и редко. Он был организован всего год назад и не успел еще вклиниться в медлительное течение здешней жизни.

3

Жизненный путь Семена Семеновича Крапотникова был извилист и сложен. Этот человек родился с концентратом идей под черепной крышкой. К сожалению, идей было слишком много и они мешали друг другу, как мешали бы, допустим, друг другу птицы, заключенные в замкнутое пространство.

8

От беспорядочного полета устают даже стрижки. Однажды утром, бреясь перед зеркалом, Семен Семенович Крапотников вздохнул, рассматривая стариковские морщинки вокруг глаз, попробовал расправить их пальцем и вздохнул еще раз, серьезнее. Он заглянул в самую стеклянную глубину, пытаясь угадать: что дальше? Зеркало честно молчало. Заглядывай не заглядывай, а неизвестно, в чем состояла на земле роль Крапотникова. Дело, которое он ждал и искал всю жизнь, которое мог понять и развернуть только он, Семен Семенович Крапотников, вроде обмануло, прошло стороной. Даже и неизвестно, какое оно, это дело. Просто образовался в результате десятилетий пожилой человек маленького роста, в неизменной мальчишеской кепке и неизменно стоптанных башмаках.

Повздыхав, он понял, что пора остепениться, осесть на месте. И по привычке стал искать свой собственный, крапотниковский, вариант. Он решил уехать как можно дальше на восток — так, чтобы дальше — просто некуда.

— Тихий океан, — было сказано самому себе, — надежный барьер для всякого человека. Берега океанов дышат историей. Тишина, история и размышления. Что еще надо пожилому человеку?

В 1957 году, будучи студентом - дипломником геологоразведочного института, я впервые попал на Чукотку. Удивительный колорит чукотской тундры произвел тогда на меня столь глубокое впечатление, что, окончив институт, я немедленно поспешил туда на постоянную работу. База геологического управления находилась в поселке на берегу Чаунской

Краеведческий музей городка размещался в бревенчатой избушке. Стены ее помнили, наверное, екатерининские времена. В свое время здесь хранился архив: кабальные, податные, ясачные и прочие записи с самых замшелых времен. Но как-то один не в меру революционный заведующий приказал уничтожить архив «как вредную память царизма».

губы. Шел новый этап освоения полуострова. В поселок ежедневно прибывали новые люди, которых вела сюда тяга неизведанных мест. Было много работы, но и много горячих ночных споров «обо всем на свете», в том числе и о литературе. Как-то само собой при редакции районной газеты сложилось литературное объединение.

Когда в 1962 году я приехал в Москву, в моем чемодане лежало несколько рукописей. Естественно, я принес их в редакцию любимого журнала «Вокруг света». Как и большинство начинающих авторов, я был уверен, что рассказы превосходны и их надо срочно печатать. Мне мягко постарались доказать, что это не совсем так, но печатать все-таки стали. Так вышли в свет «Берег принцессы Люськи», «С тех пор как плавал старый Ной», «Не споткнись о Полярный круг», повесть в «Искателе» — «Зажгите костры в океане».

Через некоторое время в Магадане вышла и первая книга. Позднее я снова работал на Чукотке, острове Врангеля, в низовьях Колымы и других интересных местах.

Когда люди из категории пишущих говорят о себе, то всегда задается вопрос: «дальнейшие творческие планы».

Низовья реки Колымы, где мы работали, являются единственным в мире местом, где гнездится редчайшая птица — розовая чайка. Для многих поколений полярников — старинных и наших времен — эта птица является символом романтической Арктики. Собираюсь написать повесть о полярниках. Но перед этим надо закончить другую повесть — об истории открытия чукотского золота, о людях, которые его долгое время искали и нашли.

Кузьма

Жечь архив поленились. Его свалили в яму, из которой с испокон веку горожане брали песок для обмазки печек.

Полусгнившие останки пергамента и бумаги спас случайный географ. Наиболее ценное из спасенного архива он отослал в Москву. Оттуда пришел приказ организовать в городке краеведческий музей с документами истории края и прочими экспонатами. Возникла штатная должность директора музея.

Веня Ступников шел по счету восьмым. Он учился на историческом факультете в одном городке черноземного края. В начале четвертого курса Веня бросил университет, так как не мог пережить трагедии: без всяких причин ОНА вышла замуж за какого-то нахала дипломника с геологического. Конечно, Веня решил уехать «далеко-далеко». Так, независимо от Семена Семеновича Крапотникова, он решил «добраться до точки».

В практической жизни от решения до действий лежит много неудобных мытарств, поиски денег на дорогу. Только мстительное пламя любви помогло Вене преодолеть все это и добраться до вагонной полки. К Вениному удивлению, «на точке» в конце железной дороги оказался громадный город с шумом, суетой и обилием на улицах презренного женского сословия. В управлении культуры ему впервые повезло. Забирая направление, Веня с наслаждением думал о том, как ОНА содрогнется, увидев на карте «точку», на существование в которой он обрекал себя.

Через два месяца Веня был счастлив. Посетители в музей не заходили. Коллекцию образцов горных пород, напоминавших о геологе, он самолично запрятал в темный угол.

При музее оказалась отличная библиотека, собранная стараниями многих поколений директоров. В тишине этой библиотеки Веня понял, что должен стать писателем. К этому его обязывал долг пережитых мытарств.

5

Директорство в норковом питомнике Семен Семенович Крапотников принял без удивления. Точно так же он согласился бы руководить раскопками мамонта, часовой мастерской или лесозаготовительной конторой.

Перед тем как принять назначение, он установил:

Норка относится к семейству куньих.

Объектом клеточного звероводства является так называемая американская норка, имеющая шкурку коричневого цвета.

Мех норки имеет круглогодичный выход и чрезвычайно стабилен по цене на международном рынке.

Питается норка мелкими млекопитающими, рыбой и даже земноводными, то есть обычными лягушками. Более подробно о питании следует смотреть в работе кандидата биологических наук В. С. Попято «Рационы кормления при вольерном содержании пушных зверей».

Хозяйство располагалось в полутора километрах от городка, в неширокой, заросшей травой долинке. Городок отсюда был виден как на ладони.

Прежний директор, одышливый мужчина, водил Семена Семеновича по хозяйству и равнодушно тыкал коротким пальцем: «Это то, это то...» Дощатые заслонки вольер были подняты по случаю хорошей погоды. Коричневые зверьки ловко бегали за проволочной сеткой, косили темными бусинками. Семен Семенович легкомысленно сунул за проволочку палец. Одышливый мужчина вздохнул и сказал: «Откусят. Очень уж до жратвы охочи».

Мимо быстро, так что раздувалась юбка, прошла молоденькая работница Соня. Покосила на начальство смуглое, крутое, с раскосыми глазами лицо. «Егоза», — сказал ей вслед прежний директор и ушел, тяжело ступая по обрезкам досок, испорченным кормушкам и разному хламу неизвестного происхождения. Ушел насовсем.

Семен Семенович остался у клеток. Несколько зверьков кончили возню и подошли к сетке, прижав к ней острые мордочки. Похоже, хотели спросить: каков будет новый директор, с каким характером человек?

6

Социологи не ломали копий из-за Топоркова, Бедолагина и Янкина. Они их просто не знали. Но если бы какой-нибудь пылкий исследователь пропластков человеческих судеб добрался до маленького города на берегу Охотского моря, то он смог бы применить к Топоркову и Бедолагину или Бедолагину и Янкину лишь два расплывчатых принципа:

а) Все трое занимались тем, что добывали средства к существованию.

б) Средства к существованию они добывали нерегламентированными путями.

Нижней границей в этом свободном предпринимательстве был уголовный кодекс, который все трое свято чтгли. Верхней — абсолютная неспособность ежедневно начинать и кончать работу в одно и то же время.

Причина, поставившая всех трех на такой путь, затерялась в тумане десятилетий.

Давняя дорога привела их в молодости на Север. Их можно было видеть со старательским лотком в руках и с плотничьим топором на какой-нибудь малокалиберной стройке. Возможно, их гоняла мечта о длинном рубле, возможно, просто страсть к перемещению, которая, как известно, принимает различные формы. Большинство страстей ушло вместе с десятилетиями. Неизвестно также, какая причина привела их в маленький город на берегу Охотского моря. Их потребности состояли из чая, папирос, хлеба и сахара. Они умели делать все. Маленький город на берегу Охотского моря был идеальным местом для такого существования.

Топорков был мал ростом и худ. Бедолагин высок, жилист и тощ. Янкин был просто волосатого вида мрачным мужчиной.

Все трое носили армейские гимнастерки, купленные где-то по дешевке, и хлопчатобумажные полосатые штаны. Мосшвеевские кепки со сломанными козырьками и молчаливость ставили точку во внешней характеристике этих людей. Положенный для общения запас слов выдавался лишь изредка в сериях: «а вот однажды», «к примеру возьмем», «в одна тысяча девятьсот...», «снасть, она...» и т. д.

7

Тема первого Вениного романа наметилась сразу. «Жизнь сурового северного городка с мужественными людьми и романтическими судьбами главных героев». (Не будучи искушенным в литературе, Вения для простоты мыслил стандартными формуловками.)

Именно по этому плану Вения уже около месяца изучал жизнь. Опыта у него, конечно, не было. Вения подолгу толкался

в магазинах, ходил на морской берег, где пацаны в отцовских резиновых сапогах обманывали бычка на красную тряпочку, и выбирался на окраины, где у иных домов (вот он, колорит) подышали от безделья косматые упряжные псы.

Главный герой с романтической судьбой был. Ехидно остроумный молодой человек, капитан институтской сборной по баскетболу и свой парень. Это вначале. А потом жизнь у него закручивалась вовсе не по стандарту.

Но все оказалось не так просто, как думалось в тишине музейной библиотеки.

8

Столпы экономической жизни города — грек Згуриди и Семен Семенович Крапотников оказались соседями. Их разделяли только бревенчатая стена и полоса травы между дощатыми крылечками. Вначале дощатые крылечки послужили ареной знакомства, затем стали местом ежевечерних встреч. Семен Семенович уже наизусть знал историю жизни этого тихого человека. Обычная и необъяснимая история о том, как человеку «захотелось куда-то поехать».

«Хорошо, спокойно живем, — говорил Згуриди. — Очень хорошие люди. Всех знаешь, тебя все знают. Мы с Марусей думали: скопим денег, купим каменный домик на Черном море. Я раньше в Одессе жил. Очень хотел каменный домик. За три года хорошо скопили. Приехали туда. А жарко, людей много. Понимаешь, мне, греку, жарко. Через полгода я этот город во сне стал видеть. Не понимаю сам почему, а вижу его во сне. Очень редкий грек я, вот что иногда думается».

Семен Семенович слушал, поддакивал, с коротким смешком рассказывал забавные случаи своей жизни.

Так за несколько вечеров он узнал всю историю жизни городка и всех его достойных упоминания обитателей. Однажды Згуриди рассказал о системе экономических взаимоотношений внутри города. Семен Семенович слушал не очень внимательно.

По Згуриди получалось так. Около пятисот жителей городка работали в разных учреждениях. Получали зарплату. Остальные жители перераспределяли ее между собой. Остальными были «добытчики». Добытчики солили рыбу. Продавали огурцы и капусту. Из собственных парников. Поставляли свинину, дрова и кетовую икру. Два человека жили тем, что жгли известь для белия потолков. Получалось — городок был натуральным хозяйством и не выдавал ничего, кроме административных функций управления большим краем.

— Чудеса, — охотно посмеялся Семен Семенович. — Консервная банка без дырки...

На крылечке было тихо. В комнате Згуриди перестал шуметь примус. Значит, сейчас их позовут пить чай. С моря доходил дальний шум: где-то в океане бушевал шторм, и отголоски его разбивались о здешние тихие берега.

— Чудеса, — повторил Семен Семенович и вдруг почувствовал, как рождается волнующий холодок идеи. Идея возникла и мягко, но властно расперла грудь.

Консервная банка без дырки? А норковый питомник? Как

же он не мог понять этого раньше? Не жалкое ателье с плюшевыми жакетками, не одноэтажные учреждения со стеклянными вывесками, не двести норок у одной кормушки, а грандиозный питомник — вот идея! В этом заключалась историческая, социальная, географическая и какая хотите роль городка. И личная задача С. С. Крапотникова. Голова кружилась. Это была идея!

Городок спал. Спали работники учреждений с вывесками: «РАЙ...» и «ГОР...», спали домохозяйки, похрапывали добытки.

Плескался в отголосках шторма набитый рыбой Тихий океан. Грандиозная кормушка для гигантского питомника. Большинство женщин земного шара и не мечтали в это время о норковых шубах. Министры финансов решали валютные проблемы, помня, что существует зверек, мех которого равносителен самой твердой валюте. Главное — в чьих руках этот мех находится.

Маленький взъерошенный человечек курил папиросу за папиросой.

9

Шекспир вдохновлялся громом.

Бальзак пил кофе.

Алексей Толстой курил трубку.

Лев Толстой ничего не пил и ничего не курил.

Бунин нюхал яблоки.

В толстой книге В. Д. Авдехина «Процесс психотворчества в художественной литературе» доказывалась необходимость психологического перевоплощения в образ героя, а также подчеркивалась роль анализа и синтеза, обобщения и детализации при оценке жизненных явлений.

Веня Ступников выбрал себе кофе и сигареты «Аврора». Трубку он пробовал курить раньше. Она постоянно тухла и страшно горчила.

10

Поняв внутренний смысл событий, Семен Семенович Крапотников с ходу провел удачную экономическую операцию.

По уставу питомника, до тех пор, пока он считался опытным, норок кормили комбикормом, специально доставляемым из далеких земель. Комбикорм стоил дорого. Поразмыслив над брошюрой В. С. Попято, Семен Семенович понял, что надо поискать кормежку подешевле. Разницу можно тогда пустить на расширение питомника.

Рыбу он достал почти даром. Ее поставил экипаж рыбацкого сейнера, промышлявшего вблизи городка. Настоящего хода не было, вдоль береговой полосы шла только несерьезного значения навага. В активе питомника осталась сумма. На эту сумму можно было купить новых зверьков.

...В лихорадочной деятельности облик Семена Семеновича стал меняться самым заметным образом. Тихий грек Згуриди посматривал на него с опасением. Как он раньше мог не замечать, что сосед бегаёт по улицам, как мальчишка, а когда речь заходит о питомнике, то глаза у него вспыхивают странным фосфоресцирующим блеском?

Первая норка подохла через неделю после покупки наваги. Это был самый прожорливый и толстый зверек во второй вольере. Теперь он лежал в углу скрючившись, безучастным ко всему миру комочком коричневой шерсти.

Через день подохли еще два. Это было вопиющей каверзой природы.

После долгих колебаний Семен Семенович послал в центр длинную радиограмму. Как колебания, так и длина радиограммы объяснялись тем, что перед этим в центр было послано письмо с радужным рапортом, с намеком на необходимость расширения.

11

Веня Ступников напрасно рылся в библиотечных полках. Никакой литературы о заболеваниях норок здесь не было. Перед этим, удивившись просьбе странного посетителя, Веня долго ходил около витрин с чучелами.

— Так такой зверь здесь не живет, — ответил он, вернувшись.

— Должен жить, — ответил странный посетитель.

Теперь Веня шарил по полкам. Был найден двухтомник «Птицы и звери СССР», «Охотник» Д. Олдриджа, подшивка «Российского натуралиста» за 1879 год, «Кролиководство» В. Бермана.

Растерянный человечек долго перебирал эти книги. Неуверенным жестом отложил в сторону «Российского натуралиста», «Птицы и звери».

— Берите, только принесите, — сказал Веня.

— Вы не знаете, как лечат пушных зверей?

— По специальности я историк, — с достоинством ответил Веня.

Забрав книги, человек ушел. Веня снисходительно смотрел ему вслед: «Провинциальная достопримечательность».

И в который уж раз, сладко вздохнув, Веня стал думать о том времени, когда он напишет сногшибательную северную повесть. Редакцию будут заваливать письмами: где эти места и как туда проехать? И невдомек им будет, что все написанное не более как продукт его, Вениamina Ступникова, психотворчества.

Вспомнив о книге В. Д. Авдехина, Веня попробовал психологически перевоплотиться в только что побывавшего человека. Получалась какая-то ерунда: замаскированный под безобидного чудака японский шпион прибыл, чтобы узнать тайну производства норковых шкур, а также ряд других немаловажных секретов.

12

В деревянном домике конторы было тихо. На газетном листе лежал мертвый зверек. Восьмой по счету. Положив норку на стол, Соня отошла к стене и остановилась там, сердито поджав губы. Румянец от этого стал еще темнее.

— Ну как, Сонечка, — по привычке спросил Семен Семенович, — сколько сердец разбито за вчерашний вечер?

Соня хмыкнула неопределенно, потом застучала каблуками к двери. Семен Семенович молча смотрел на зверька. Осторожно потрогал коричневый бок. Пальцы наткнулись на выступы ребер.

— Старый хвастливый болтун, — сказал Семен Семенович. — Несостоявшийся пушной Наполеон. Спасать зверей — вот что надо.

В каждом приморском городе есть древняя окраина, где беспорядочное скопище разнокалиберных домишек, во-первых, свидетельствует о пренебрежении их владельцев к архитектурной планировке, во-вторых, внушает уважение к долговечности дерева как строительного материала. В городах, не затронутых цивилизацией, такая окраина всегда располагается у морского берега. Эта позиция свидетельствует о ее обреченности. Новое строительство наступает на окраины. Прибрежным домишкам отступать некуда.

В маленьком городе на берегу Охотского моря, между крайними домиками и водой, оставалось еще порядочное пространство.

Часть его, огороженная бочками из-под горячего, служила посадочной полосой. В обычное время на полосе и рядом с ней паслись немногочисленные коровы и козы. Сегодня на полюсу сел самолет.

Топорков передал Бедолагину очередной кусок нанизанной на бечеву сети и сказал на всякий случай:

— Сел.

— Сел, — согласился Бедолагин.

— А ведь у меня где-то племяш в летунах служит, — сказал Янкин.

— Кокнулся, поди, однако, твой племяш, — съехидничал Бедолагин.

— Полетай ты каждый день на такой фитюльке, небось тоже кокнешься.

— И никаких денег не надо, — миролюбиво заключил Топорков.

— Деньги всегда надо.

— Много у тебя их было?

— Бывало!

— Порастерял, значит, сберкнижки.

— До сберкнижки не доходило. Сам знаешь.

...Из самолета выкинули мешки с почтой. Потом он вырулил к началу полосы, потарахтел немного мотором и легко, почти без разбега оторвался.

— Улетел, — сказал Топорков. — Всего-то из-за одного пассажира приходил.

— У меня племяш самостоятельный, — добавил Янкин. — Не кокнется.

Голова В. Н. Беклемишева склонилась над «Экологией паразитирующих пресноводных». Вчера хитрющий, как сто цыганок, «Баядера», или, официально выражаясь, доц. Мироненко, упек его в библиотеку выписывать из толстых томов все, что связано с именем Дж. Б. Гупера и еще пятнадцати таких же умных людей. Пока тетрадка лежала нетронутой. В голове Беклемишева бродили пустячные мысли. Например: хотелось угадать, кто сидит напротив за уляпанным чернилами барьером. Из-за барьера высовывалась лишь зеленая макушка настольной лампы. Зеленые макушки торчали по всему залу, как квадратно-гнездовая посадка фантастических кактусов.

В дальнем конце зала светлело пустотой во всю стену зеркало. Зеленая россыпь кактусов уходила в нем в перспективу, в бесконечность.

Из бесконечности зеркального пространства возникла длинная фигура физика Витьки. Когда-то они вместе учились в десятом классе. Теперь встречались в читалке и еще иногда в праздники. Витька шел, балансируя на цыпочках, до невозможности растянув ехидный тонкогубый рот. Славка Беклемишев на всякий случай захопнул локтем пустую тетрадку. Демонстративно уткнулся в книгу.

— В курилке — чревовещатель. Айда, перекурим, — раздался над ухом вкрадчивый шепот.

— Сочиняешь!

— Клянусь галерой науки!

Они вышли на лестницу. Курилка находилась внизу. Так же как и буфет.

Две девчонки в квадратных по моде юбках «висели» на телефонных автоматах. Навстречу, яростно споря вслух с воображаемым оппонентом, пробежал известный кибернетик Хрипков. У него были криво застегнутый пиджак и чудные глаза.

— Где твой чревовещатель? — спросил Беклемишев.

— Ушел, наверное, — равнодушно ответил Витька. — Ты чего такой кислый?

— Опять на выписки посадили. Главбухом имен и цитат.

— Ты честный галерник.

— Чихаю я третью ночь. Знаешь, простуда...

Витькины глаза вдруг стали невидящими. Он посмотрел на Славку, пошевелил губами. Бросил окурок. Убежал.

Беклемишев побрел обратно. Девчонки в квадратных юбках все еще «висели» на телефонах. Наверху, на балконе, толкучка. Там по-тихому курили в кулак.

За ближним к карточке столом сидел знакомый старичок в сером пиджаке. Старичок пятый год упорно разрабатывал новую систему планетария. «Существующий планетарий — это всего-навсего модель неба для школьников и пенсионеров».

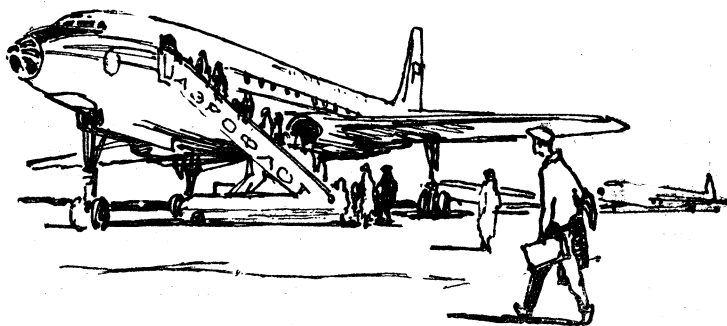
Славка нашел пустой квадратик своего стола. Напротив самозабвенно сверкала лысина тощего мужчины.

Дальний угол библиотеки был признанным капищем физиков.

Их выделяла мода наголо брить голову и носить квадратные очки. В крайнем углу спиной к зеркалу сидел Витька. У него был вид «человека с идеей».

«Пойду домой, — решил Славка. — Пусть «Баядера» бесится сколько взлетит».

Он сдал «Экологию паразитирующих пресноводных» и с наслаждением сунул в карман пустую тетрадку. Девушка в регистратуре поставила ему в наказание штамп «12.00». В полдень из библиотеки уходят лишь патентованные бездельники,

15

Бородатые мужики-землепроходцы покрыли расстояние от Урала до Тихого океана за 60 лет.

В бытность императрицы Екатерины на это требовалось три года. Во времена Александра Сергеевича Пушкина — около года.

Дороги стали скучны. Никто не берет с собой дорожные пистолеты. Вместо них командировочное удостоверение. Исчезли погребцы и обшитые кожей фляги. Вместо них вечно закрытые рестораны в Новосибирске, Красноярске, Иркутске или строго не вовремя принесенный стюардессой голубой подносик.

Однако Семену Семеновичу Крапотникову показалось, что он двигался к столице со скоростью землепроходцев.

16

По щербатым камням портала здания библиотеки ветер гнал сухой листок. Мазнув по фигуре Славки глазами, прошли две филологички. Он понял, что они филологички, услышав спор о «семантическом примитивизме Даля». На серой гранитной колонне карандашом были написаны стихи:

13

...Миры вращаются в мирах...
Планетная система карточек и фолиантов
Лишь просто включена в огромный мир другой
Из дальних океанов, островов
И неизвестных мне космических гигантов.

«Домой, домой!» — погнал себя Славка.

Проходя мимо почтового ящика, он машинально выдернул задвижку. На пол упал ключ. Значит, мать уже ушла.

На тумбочке лежала написанная карандашом записка от матери: «Славка, к тебе приходил какой-то мужчина. Говорил, что тебе надо ехать к каким-то тайфунам. Еще рассказывал про лиственницы. Ничего не понимаю».

Славка покрутил записку. Лиственницы. Тайфуны. Чепуха сплошная.

Он положил записку на тумбочку. Налил воду в чайник. Поставил на плитку. Голова все-таки болела. Спираль, нагреваясь, начала тихо пощелкивать.

«Верь в интуицию, если она настораживает», — неожиданно решил Славка. Он подошел к телефону.

— Да, — скептическим тоном ответили ему. По голосу он узнал Миху Стулара, ихтиолога из соседней лаборатории.

— Ты знаешь, что такое мир бризов и тайфунов?

— Так сейчас кругом миры. Мир фантастики, мир букинистов, мир искусства, — хладнокровнейшим голосом ответил Миха.

— А лиственницу знаешь?

— Хвойное дерево Лярикс. Подробнее в справочнике Мамушкина.

— Значит, ты ничего не знаешь, — вздохнул Славка. — Чернышев там?

— Ни, — сказал Миха. — У него доклад завтра. Думаешь, он...

— Что он?

— А ты о чем?

— Будь, — сказал Славка.

— Ага. Будь, — сказал Миха.

Они оба выжидательно молчали в трубку. У Михи были железные нервы. Славка отошел от телефона.

Голова все-таки болела. Славка поискал пирамидон, вздохнул, лег на диван и решил, что завтрашний разговор с «Баядерой» он начнет с недавно прочитанной статьи. Статья была о машинном реферировании. (То, чем меня заставляют заниматься второй год, сейчас великолепно делают машины.)

«...Высочайший эмоциональный взлет духовных сил, обусловленный глубоким чувством к любимой женщине, как объекту, олицетворяющему высшую гармонию мира, в том виде, как она представлялась художникам тех времен, дали нам множество воистину прекрасных произведений искусства... Данте и Лаура. Феерический взлет пожилого Гёте в результате любви к молодой девушке. Платоническая любовь Балзака...»

Все было правильно. Страница 175 книги В. Д. Авдехина «Процесс психотворчества в художественной литературе» положительно рекомендовала состояние влюбленности как стимул литературного творчества. Веня мечтательно закрыл книгу.

Это произошло случайно. В тот самый раз, когда он старательно вживался в образ Семена Семеновича Крапотникова, Веня вдруг понял, что прошляпил единственного достойного внимания человека.

Двухдневная гонка «по следу» привела Веню в норковый питомник. Приземистая вольера и домик конторы стояли в узком каменистом распадке. Веня шел, спотыкаясь о камни, и чертыхался.

Дверь в контору была открыта. Веня поднялся на крыльцо, растерянно прикидывая, как объяснить свой визит, и нос к носу столкнулся с девушкой. В одной руке она несла лоток с мусором, а в другой держала веник.

— Ой!

— Изви... — начал было Веня, но поперхнулся.

Ее звали по-русски Соня. Но у нее было второе, местное имя — Каткаль, что в переводе значит «подснежная вода».

Кроме того, Крапотников прозвал ее в шутку Тамерланом. По его мнению, целые улицы, поселения и города мужских сердец должны были разбиваться вдребезги при одном ее появлении. И он не так уж преувеличивал.

Она унаследовала от матери хрупкую стройность таежных женщин, женщин древнего охотничьего племени. Отец ее был потомком бородатых мужиков, остановившихся покурить на берегу Тихого океана. Соня-Каткаль-Тамерлан.

Половины этого было достаточно, чтобы беспощадный меч Тамерлана опустился на забитую поисками экзотики Веню голову.

18

Утром Славка шел в институт, чувствуя, что за ночь его голова многозначительно опустела. На ученый совет он все-таки опоздал. В темном коридоре стоял реставрированный бюст питекантропа. Пахло пылью и сигаретами. Из-за стеклянной двери доносился голос его бывшего однокурсника Тольки Чернышева. Делового парнишки.

«...Концентрация данного вида вопреки экстенсивности распространения отдельных его разновидностей...» Речь шла об озерных блохах, их Толька Чернышев решил двинуть на корм карпам.

Светловолосый, круглолицый тихоня, Толька до конца курса прошел непонятым человеком. Он все молчал и все ходил на разные кружки, когда остальные просто с ума сходили по баскетболу. Потом стал председателем СНО, потом нашел идею о водяных блошках. Попав в этот биологический институт, Толька быстро оперился.

В лаборатории Славка стал прибирать свой стол. Выписки, списки, рефераты, папки с ярлычками и ярлычки с пометками разноцветной тушью. «Баядерская нумерация». Его руководитель

доцента Мироненко прозвали «Баядерой» за умение хорошо, соблазнительно говорить.

В коридоре возник сдержанный гул голосов. Чья-то голова ошалело заглянула в дверь и моментально исчезла. Вошел Чернышев. Он вытирал платком испачканные мелом пальцы..

Славка молча поманил его к себе. От удивления Чернышев приоткрыл рот и остановился.

Славка вынул из кармана мятую записку.

— Твоя работа?

— Ты о чем? — почему-то шепотом сказал Чернышев.

— Я про записку. Бризы там, тайфуны. Калиостро в тапочках.

— В тапочках?

— Можешь идти.

— Слушай, — сказал Чернышев, — я вроде понял.

— И что же тебя осенило?

— Ты вчера в библиотеку отписан был? Все правильно. Прихожу я утром к директору. Ну, надо было. Секретарша сидит позевывает. Говорит, занят. «Кто?» — говорю. Ну, знаешь, вдруг из китов кто. Иногда полезно подождать. «А!» — говорит она и машет рукой. Я раз — в кабинет. А там сцена, смеха не хватает. Директор за столом красный весь. Пилит по горлу ладошкой. Отказывает. А напротив какой-то чудак. Видно, что от сибирских руд, и тоже себя по горлу ладошкой, надо что-то ему позарез. И спокойно сидит твой «Баядера» и крутит пальчиками.

«Мы же не отраслевой институт!» — колотит себя по груди шеф.

«Был в отраслевом», — отвечает тот, маленький.

«Нет у нас таких специалистов! Ну скажите хоть вы, Мироненко!»

А Мироненко этот твой этак улыбается и шутит тонко: «Агрессия через головы ветеринаров, Вениамин Петрович».

Тут директора допекло; он сел и говорит так устало: «Решайте сами...» Это «Баядере!» «Ваш, — говорит, — отдел». А тот говорит: «Не могу решать, у меня сейчас из сотрудников только один Беклемишев». Тот сразу же карандашик, ага, Беклемишев. «Ну, спасибо, — говорит, — знал, что поможете». Шляпу в руки и — с приветом. Те ему вслед: «Куда же вы?» А его уже нет. Это страшный человек, Славка. Поверь опыту.

— Ну, страшного ничего нет, — на всякий случай сказал Славка. Теперь он совсем перестал что-либо понимать.

Гул голосов в коридоре затих. За стеной Миха Ступарь меланхолично напевал танго «О светоч грез моих». У него — дело, не то что выполнять работу автомата в библиотеке.

Дверь открылась.

В комнату вошел незнакомый человек.

— Здравствуйте, — сказал он и снял шляпу.

Мудрые, чуть грустноватые глаза старого лешего были у этого человека. Оттопыренные уши и ехидных размеров нос составляли его лицо.

— Здравствуйте, — сглотнув от волнения слюну, сказал Славка.

Шляпа качнулась и опустилась, закрыв голый, как коленка, выпуклый череп мудреца.

— Здравствуйте, — повторил он. — Вы Беклемишев?

— Ага, — опять почему-то сглотнув, сказал Славка. — Вы это по интуиции или по информации?

Человек хитро улыбнулся. Сумасшедшая веселинка скакнула в его глазах.

— Крапотников, — представился он. — Директор норкового питомника. В местах отдаленных...

Славкина мысль обжала кругозор событий. Цепь фактов с лязгом сомкнулась. Станный человек широко улыбнулся. Славка улыбнулся еще шире.

— Мне рекомендовали вас как лучшего специалиста по норкам, — вкрадчиво сказал незнакомец.

— Без меня меня женили, — осторожно отпарировал Славка. — Я узкий специалист по грызунам.

— Давайте напрямик.

— Идет.

— У меня умирают маленькие коричневые звери, — серьезно сказал странный человек. — Каждый день я кидаю на свалку золотые рубли международной валюты. Мне нужен толковый специалист. Я не упрасивал бы вас, как мальчишка, если бы вы не были последней надеждой.

— Ваша последняя надежда видела норок три раза в жизни. Два — на экскурсиях в музей и один раз — на препараторском столе.

— Готова койка с видом на океан.

— Океаны принимаю только по распоряжению начальства, — сказал Славка. — А какой океан?

— Тихий.

— Черт возьми! И все-таки идите к начальству.

— Ваше согласие — и я через пять минут принесу вам подписанное командировочное удостоверение.

— Вы действительно страшный человек, — усмехнулся Славка. — Теперь я все понял. У вас, не обижайтесь, параноя. Идефикс по-научному. С такими, как вы, невозможно бороться.

— А может, поговорим по-хорошему? Не бойтесь поговорить по душам с параноиком? — человек сказал это тихо, почти грустно.

— Идет!

Они встали. За стеной Миха Ступарь в темпе «форте» насвистывал румбу. Видно, идет работа, решил Славка. Бюст питекантропа смотрел в темноту коридора слепым взглядом. Из-за стеклянных дверей доносился голос очередного докладчика.

20

Их встретила зеленая трава аэродрома. (Скажи, пожалуйста: здесь растет трава.)

И ветер донес знакомый по мальчишеским снам соленый запах. (Это пахнет Тихий океан. Почему его не видно?)

Навстречу им двинулся жердеобразный человек в длинном, до пяток, плаще. Человек стеснительно пожал Славке руку и сказал басом:

— Згуриди.

— Грек, — скороговоркой прокомментировал Крапотников. — Единственный грек на все побережье. Единственный закройщик плюшевых жакетов на сто тысяч квадратных километров.

Обшарпанная «Победа» крутила их по узким деревянным улицам. Шофер был в ковбойке и почему-то в зимней шапке.

Машина остановилась у деревянного одноэтажного домика. Полная женщина в ситцевом платье открыла им калитку.

— Прошу, — сказал Згуриди.

Низенькая чистая комната была убрана с тщательностью. Беклемишеву нравилась и эта комната, и горшки с фикусами у окон, и даже картина с Иваном-царевичем и девицей на сером волке. Полная женщина с церемонными извинениями накрывала стол. Згуриди принес откуда-то цветной графинчик.

— За знакомство, — сказал он, наливая в рюмки.

Только Крапотникову не сиделось на месте. Он рассказывал Славке о вольерах, холодильнике, каком-то микроскопе. Было ясно, что ему очень хочется немедленно схватить Беклемишева за руку и потащить в питомник к норкам. Полная женщина с улыбкой наблюдала за ним. Видимо, Крапотников был в этом доме свой человек.

— Молодой человек будет спать после дороги, — сказала женщина. — Ваших норок он посмотрит и завтра.

— Я живу здесь седьмой год, — сказал Згуриди. — Два года назад здесь работали геологи. Очень насмешливые молодые люди. Они все удивлялись, почему я грек. «У тебя должна быть фелюга, Згуриди, — говорили они, — какой же ты грек без фелюги?» Я послушал их. Действительно, живу, можно сказать, на берегу Великого океана, а фелюги нет. Я купил себе очень большую шлюпку. На ней есть мотор. «Мотофелюга», — так сказали геологи. Вы можете брать ее когда угодно. Здесь много рыбы. Но редко бывает погода.

Они пили какой-то сладкий ликер. Наверное, от него Славке в самом деле хотелось спать. Казалось, что он сидит в этой комнате сто лет. За тысячи верст отсюда остался город с библиотекой, курилкой, идеями доц. Мироненко и стихами о мирах, написанными карандашом на серой гранитной колонне.

— Фелюга должна быть с парусом, — сказал Славка.

— Не умею шить парус, — усмехнулся Згуриди. — Могу шить юбку-кринолин, но не знаю, как делать парус. Кроме того, у настоящей фелюги мачта должна быть из дерева кипариса. Его нет здесь.

— Чепуха, — сказал Семен Семенович Крапотников. — Исправный мотор, вот и все кипарисы.

Было обычное утро. Оно принесло туман. Туман пах йодом и рыбой, потому что на берегах Тихого океана туманы всегда пахнут так. Он висел на иголках лиственниц и серебрил стены домов,

В это утро Веня Ступников проснулся без пятнадцати семь. Его разбудил будильник. В сущности, Вене незачем было просыпаться именно в это время.

После визита директора норкового питомника в музей не забрела ни одна живая душа. Но Веня-то твердо знал, что уважающий себя писатель должен начинать день чашкой кофе и сигаретой. И необходимо, чтобы это было пораньше.

Веня пил кофе, курил и мыслил. За окном стояла белая муть. В раскрытую форточку бежала сырость. Это был знаменитый туман Охотского побережья. Жизнь снова оказалась очень сложной. Из-за того, что в каком-то проклятом питомнике дохнут норки, он, Веня Ступников, не имеет ни минуты покоя. Каждый день он как идиот тащится в эту долину. Два дня подряд приходилось доказывать, что он историк и ни черта не понимает в животноводстве. Потом еще два дня по ЕЕ просьбе таскался по всем учреждениям города в поисках помощи. Кажется, он узнал в лицо всех служащих городка. Директор питомника, тот самый злополучный чудак, исчез в неизвестном направлении.

По ночам на память ехидно приходит некий далекий город и... так или иначе приходится заниматься самокритикой. А кому это приятно? Соня-Каткаль-Тамерлан. Она заставила его даже к этим норкам относиться с уважением, хотя он с детства терпеть не мог кошек, ворон и прочую живность. И сама она похожа на норку. Двигается быстро, бесшумно, и кажется, что тело ее скручено из какого-то диковинно упругого материала. Черт, на соревнованиях по гимнастике не видел такого! Интересно, а норки ехидные или нет? У нее-то ехидства на пятерых.

Сегодня ночью он нашел идею. Питомник будет спасен. Он напишет громовую газетную статью. Статью, которую будут рвать из рук миллионы. Каждая фраза как бомба.

Например. Он начнет с песни Монтана о Мари, которая носила норковую шубку. Мари гуляла в норковой шубке по Парижу, и все девушки завидовали ей, а парни на улицах шли следом, как лунатики.

А разве наши девушки не имеют права ходить в норковых шубках? Далее можно написать о достоинствах норковых шкур.

В грустной французской песенке Мари кончила плохо. Она состарилась, и состарилась ее шубка. Мари стала никому не нужна.

Каждая девушка имеет право столько носить норковых шубок, сколько ей угодно. Но для этого нужны норки. А что же творится в нашем питомнике? Далее сплошные разрывы гранат.

Веня кончил пить кофе и закурил еще одну сигарету. Материал о норках складывался прекрасно. Только надо все хорошо обдумать.

С восьми утра Славка Беклемишев был уже в питомнике. Он наблюдал, как кормят норок. Маленькие коричневые зверьки с хрустом уничтожали рыбу. Они были веселы и явно довольны жизнью. Потом Крапотников провел Славку смотреть на больных. Это был полный контраст. Норки лежали у стенок вольер

и безучастно смотрели на Беклемишева. В кормушках лежала нетронутая рыба. Один зверек был, по-видимому, мертв. Беклемишев попросил вынуть его. Зверек был невероятно худ. Сквозь шерсть просвечивала синяя, истощенная кожа. Никаких внешних заболеваний не было видно. Беклемишев чувствовал себя отвратительно.

— Надо сделать вскрытие, — сказал он как можно увереннее.

— Прошу, — сказал Семен Семенович. — Все готово. Я знал, что вы будете делать вскрытие. — Он сказал это спокойно, но Славка заметил, как у него дрожат руки, когда он вытягивал из кармана папиросу.

Они прошли в домик управления питомника. Тоненькая смуглая девушка в халате ожидала их на крыльце.

— Это наша уборщица, — сказал Семен Семенович. — Я зову ее Тамерланом.

Вулканический румянец упал на щеки Тамерлана.

— А ну вас, — чуть слышно сказала она.

Славка неприлично долго шупал дверную ручку. Ему мешала дохлая норка, которую он держал под мышкой. Он услышал, как кто-то сдвинулся засмеялся за его спиной. И услышал легкий звук убегающих ног.

На обтянутом простыней столе лежали несколько скальпелей, пинцет. А в стеклянном шкафу горделиво распределился малый хирургический набор. У некоторых инструментов были даже братья. Видимо, реквизиция медицинского оборудования в городке имела широкие масштабы.

— Не буду мешать, — сказал Семен Семенович, тихонько приотворив за собой дверь.

Славка закурил. Он ворошил в памяти обрывки лекций и практических занятий. Потом он попытался вспомнить статьи, читанные им в научных журналах. Он вспомнил Дж. Б. Гупера и его желудочных паразитов. Наверное, полевые мыши тоже худели, когда паразиты грызли их внутренности.

— С этого и начнем, — сказал Беклемишев. Он взял в руки ланцет... И вдруг ему стало чертовски хорошо. Легкая тяжесть ланцета в руке была залогом, что ему, Славке Беклемишеву, надо сделать сейчас нужное и полезное дело. Может быть, первое по-настоящему полезное дело в его жизни. Ему должно повезти. Ему не может не повезти. Он заставит сделать так, что ему повезет.

Ночной таверны огонек метнулся и погас.

Друзья, наш путь еще далек

в глухой полночный час... —

тихо запел Славка.

Мертвые оскаленные зубы зверька просили о помощи,

...Веня, спотыкаясь, шел вверх по долине. Лицо и плащ были мокры от мельчайших капель тумана. Казалось, туман настолько плотно прижимается к земле, что его можно резать ножом. Веня тихонько бормотал вслух фразы из первой в его жизни

статьи. Пока это был только черновик. Но сладостный яд успеха уже туманил голову. Она должна это оценить...

— Черт! — сказал Веня, споткнувшись о камень. Ботинок был порван. Пальцы остро заняли.

Ощупывая ногу, Веня вспомнил о том, что узнал по дороге сюда. Чудак директор питомника вернулся. Привез с собой какого-то юного мужа науки. Наверняка очкарик. Аспирантишка.

Острая игла ревности кольнула Веню. А что, если это в самом деле молодой аспирант? Аспиранты — это такой народ... Всегда ухлестывают за девушками с младших курсов. И всегда с успехом. Кому, как не Вениамину Ступникову, знать это. И Веня поспешно похромал в туман. Туда, где его должна ждать Соня-Каткаль-Тамерлан.

24

Соня читала «Трех мушкетеров». Крапотников строго-настрого запретил ей уходить. Она должна была ждать, пока тому, в соседней комнате, не понадобится помощь. Но в соседней комнате было тихо. Может быть, он там заснул? Такой смешной. Высокий, взрослый, а ищет дверную ручку не с той стороны. И дохлый хвост торчит из-под руки. Ужасно смешно. Уж если сам директор не знает, отчего умирают норки, то где знать ему...

— Где директор? — раздался громкий вопрос.

Соня-Тамерлан вздрогнула. Страшная голова смотрела на нее из соседней комнаты. Всклобоченные волосы, в зубах нахально дымилась папироса.

— Где этот Крапотников? — спросила голова ликующим тоном.

Соня опомнилась.

— Директор вышел, — обидчиво сказала она.

Но ученый чудак только рассмеялся. Он выскочил из комнаты и схватил Соню за руку. Он потащил ее в ту самую комнату. От растерянности Соня даже не вырывала руку. На столе лежала растерзанная норка.

— Прошу прощения, — сказал голос за спиной.

Соня тихонько потянула свою руку обратно. Но Беклемишев ничего не замечал.

— Что это? — снова закричал он и сунул ей в нос пинцет с какой-то гадостью. Снаружи хлопнула дверь. Кто-то сбежал по крыльцу. — Слушай, Тамерлан, — свистящим шепотом сказал Славка. — Немедленно тащи сюда этого гениального комбинатора. Я дам ему урок на всю жизнь. Быстро!..

Соня послушно побежала.

25

— Таким образом, — лекторским голосом продолжал Беклемишев, — челюстные косточки этой рыбы не растворяются желудочными кислотами. Иногда они скапливаются в желудочном тракте и своими острыми краями вызывают многочисленные ранения, переходящие в язвы. Вы должны немедленно прекратить кормление зверьков этой рыбой...

Семен Семенович Крапотников молчал. Он только что посмотрел под лупой злополучные челюстные косточки. Все было ясно.

— А чем же я буду их кормить? — убитым голосом спросил он. — Я же отказался от запаса комбикорма.

И тут настала очередь Беклемишева растеряться.

— Можно отрубать головы, — сказал он.

Семен Семенович грустно покачал головой.

— Попробуйте накормить слона кильками с отрубленной головой.

— Это уже ваше дело, — сказал Беклемишев. — Будем думать вместе, — неловко поправился он.

— Я уже думаю, — сказал Семен Семенович. — Я уже кое-что придумал...

Крапотников смотрел на Славку. Он выпрямил спину и улыбнулся. Два сатанинских чертика прыгнули в его глаза. И исчезли.

— Я уже кое-что придумал, — повторил он. — На две недели комбикорма хватит. И нам поможет не кто иной, как старый пройдоха Згуриди.

26

В этот туманный день Топорков, Бедолагин и Янкин кейфовали. Ставить сеть почти вслепую было бессмысленным делом. Выполнять же взятые ранее обязательства по доставке дров, а также по ремонту сарайчика, очень нужно одному доброму человеку, как-то не хотелось. Вчерашней выручки за рыбу хватило на недельный запас чая, сахара и дешевейших папирос «Байкал». Непривычный избыток материальных благ наводил на всякие мысли.

— Вот жжем мы, ребята, эти папироски. Тощенькие. Гвоздики, одним словом. А в Америке миллионеры сигары курят. В той сигаре этих гвоздиков целая пачка. И ведь курят, не умирают.

— Смерть свое сама знает. Может, она его через сигару брать не хочет.

— А через чего она тебя, интересно, выцеливает? — ехидно спросил Янкин.

— Я мужик тертый, — ответил Бедолагин. — Меня выцелить трудно. Помню, в позапрошлом годе я новую жизнь начал. Совсем было в экспедицию устроился. Хотите верьте, хотите нет — полный меховой комплект выдали. Ну и х/б само по себе, как положено. Консервов и курева завались на складе. Держался я две недели...

— Врешь.

— Ну, полторы, — сказал Бедолагин и чиркнул спичкой.

— А я однажды жениться хотел... — вздохнул Топорков.

27

В этот туманный день владелец мотофелюги Згуриди искал среди заросших корявыми лиственницами улиц окраины домик, где живут три деклассированных элемента.

Веня Ступников не был алкоголиком. В институте он пил только по праздникам, а на четвертом курсе вместе с ребятами заходил иногда в «чинок» под стипендию. Тем более он никогда не пил спирта.

Сегодня он купил в магазине бутылку спирта. Он нес ее к замшелому домику музея, старательно исследуя со всех сторон мысль о том, что в одиночестве пьют лишь совершенно пропавшие люди.

Бутылка пустела очень медленно. После двух стопок мрачное настроение приходилось поддерживать искусственным путем.

— Все они такие, — убеждал себя Веня, наливая третью стопку.

Потом мысли приняли саркастическое направление. «Подумаешь, биология! Тоже мне наука. Живчик — яйцеклетка. Ах вы, сени, вестибюль мой, вестибюль! — Веня начал тихонько раскачиваться на стуле. — В конце концов я больше не могу. Я все могу, когда захочу. Только не отвлекаться. Плевал я на этого В. Д. Авдехина с его толстой книгой... И пить брошу, хоть спирт пить я уже умею...»

Где-то внизу, на дороге, глухо профырчала автомашина. Соня подумала, что, наверное, приехал тот самый смешной очкастый чудак из Москвы. Может быть, он профессор и его положено привозить на машине, как тогда, в первый раз? Соня взглянула за дверь. И совершенно неожиданно веник в ее руках уподобился пропеллеру. Видимо, венику очень не хотелось, чтобы его видел столичный житель. Потом зеркалу зачем-то захотелось посмотреть на лицо и зеленый свитер, с удовлетворением отметить, как ловко он обтягивает грудь и талию смуглой девчонки с растерянными глазами. А глаза отметили свою растерянность и удивительно ловко напустили на себя небрежно-скусающий вид.

Между прочим, все это было зря. Вместо загадочного московского человека появился Веня Ступников. Веня вел себя странно. Сухо поздоровавшись, он по очереди заглянул во все комнаты, подергал запертую дверь кабинета директора. Сел на табурет.

— Я принес директору статью о питомнике. Думаю, что зверьков удастся теперь спасти.

— Их уже спасли, — хихикнув, сказала Соня. — А директор будет через полчаса.

— Сегодня в «Севере» новый фильм, — несущественным тоном начал Веня. — «Чайки умирают в гавани». Изысканная вещь.

«Пшчик, пшчик», — ответил ему веник...

...Крышка гигантского краба, служившая пепельницей, была полна окурков. Семен Семенович расхаживал по кабинету, слушая Веню. Но теперь это был не тот растерянный человек, который унес из музея «Птицы и звери» и «Российского натура-

листа» за 1879 год. Его шаги были похожи на сдержанную поступь пантеры. И только в силу чрезвычайного волнения Веня не замечал быстрого, ощупывающего взгляда своего собеседника.

— Нет, — сказал Семен Семенович, — писать о случившемся инциденте сейчас неактуально. Вы же сами не хотите работать по мелочам. Я признаю ошибку и думаю, как ее исправить. Нам надо срочно и дешево добыть много корма. Посоветуйте.

— Редакция сделает все возможное, чтобы помочь питомнику, — растерянно сказал Веня Ступников.

— Может быть, редакция добудет кита? Это очень поможет! — саркастически усмехнулся Семен Семенович.

— Идея, — сказал окончательно запутавшийся Веня. — В нашем районе ходит флотилия «Алеут». Можно дать кратко и убедительно: «Нужен кит». Они поймут, они помогут.

Справедливости ради надо сказать, что загадочная краткая телеграмма «Нужен кит» была в самом деле получена флагманом флотилии. К сожалению, корабли преследовали крупное стадо кашалотов за много сотен миль от маленького городка, а радист получил устное замечание от капитана за прием бредовых заявок.

— Нет! — жестко сказал Семен Семенович. — Пресса — вот это идея! — он поднял палец и посмотрел на Веню гипнотизирующим взглядом. — Нам нужна большая пресса. У нас колоссальные ресурсы. Питомник можно расширить до гигантского предприятия. Нам нужны деньги. Нужны новые зверьки. Нужны специалисты с высшим образованием. Пресса, наука и помощь — вот что нам надо. Вы талантливый человек, я в этом уверен. Вы хотите писать. Я даю вам лучшую тему в Союзе.

— Черт, это в самом деле идея! — взволнованно сказал Веня. — Я же все время думаю об этом. Вы чертовски правы. — Он схватил кепку и добавил: — Все-таки я думаю помочь вам с кормом.

31

Пятна облаков плыли с Тихого океана в глубь Азиатского континента. Иногда солнце прорывалось сквозь них, и тогда громадные желтые блики падали на город, на дорогу, на склоны сопки.

Три небритых мужика спускались в распадок, не замечали, что они идут по разноцветным полянам света.

— Привет, зверобои! — бодро воскликнул Крапотников. Он выпорхнул из-за стола и как-то в одно мгновение успел окрутиться вокруг каждого из мужиков в отдельности.

— Нешто мы зверобои, — буркнул старик Топорков.

— Я однажды... — начал было Бедолагин.

— Заткнись! — тихо сказал Янкин и подозрительно посмотрел на Семена Семеновича. Тот, потирая руки, прошелся по кабинету.

— Я хочу вам предложить, — торжественным и интригующим тоном начал он.

Посвященный Беклемишев, краснея от необычности момента, неловко поставил на стол бутылку. Отпетые личности, не переглядываясь, не обмениваясь ни одним словом, сомкнули ряды. Бутылка и хитрый тон предвещали многое...

В городском кинотеатре начался второй вечерний сеанс. Подстреленная полицейской пулей чайка второй раз падала в море в далеком бельгийском порту, а Соня-Тамерлан уже третий раз выносила панцирь-пепельницу.

Потом еще раз сообщила Крапотникову, что уходит. И вообще она не обязана сидеть здесь до двенадцати.

Между тем обстановка в комнате сгущалась. Семен Семенович только что изложил свой план. Его идея была проста, как все великие идеи. Он решил организовать зверобойную бригаду. Свою собственную зверобойную бригаду из людей, знающих море, винтовку и удачу.

Карты были раскрыты. В комнате воцарилось молчание.

— Мы как-то больше по рыбе, — нерешительно сказал Топорков.

— Моржа или эту... нерпу, конечно, можно...

— Снасть нужна, — буркнул, перебивая его, Янкин.

— А чего ты с этой снастью делать будешь? Морж не рыба, об весло не оглушишь...

— И не надо об весло, — с необычной живостью заговорил Бедолагин. — Про моржа не скажу, врать не буду, но вот эту самую белуху, ну, тоже вроде бы моржа, большая очень, мы, значит, и сетями ловили и, опять, из винтореза ей под дыхало надо бить, на ладонь сзади, и всплывает, как миленькая. Тут не зевай, гарпунь, и сидит она у тебя на лине. Как хариус на леске вроде бы.

— Наслушался или сам видел? — подозрительно спросил Янкин.

— Зачем же наслушался? В Мандрякиной губе это было, возле самого Таймыра. В одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году и в одна тысяча девятьсот тридцать девятом тоже. Состоял я тогда в артели по этой самой белухе...

— Мы, директор, люди серьезные, — сказал Топорков. — Мы, чего не умеем, того не знаем. Вот он про эту белуху говорит, значит пробовал. Лет тому шесть назад я на Утином мысу плотничал. Избы ставили для охотников. Охотники там чукчи все. Не говорю, что сам, но для баловства я с ними в море ходил раз десяток. Не промыслял, но приглядывался. И снасть ихнюю чинить приходилось.

— А белуха, она большая, — вздохнул про что-то свое Бедолагин. — Тащить ее на берег тяжело. Воротком, конечно, это делается.

— Нерпу, ту больше с берега хлещут, — задумчиво сказал Янкин. — Но опять же снасть нужна.

Семен Семенович встал и прошелся по комнате.

— Человеку свойственно быть добрым, — сказал он. — Хороший человек не бывает жадным. Именно поэтому единственный грек на побережье отдает нам бесплатно свою мотопелюгу. Сегодня я проверил дальние углы в трех здешних складах. И я нашел там разные вещи, которые, на мой взгляд, как раз приспособлены для морской охоты.

Славку Беклемишева давно уже подмывало вставить что-нибудь свое в этот чертовски волнующий разговор. Но, кроме

всплывшей из какого-то учебника фразы «По насыщенности органической жизнью Охотское море напоминает уху...», ничего не приходило ему в голову.

Опаловый край воздуха над сопкой давно уже исчез. Темная ночная прохлада заполняла долину.

Совещание в комнате заканчивалось. Топорков, Бедолагин и Янкин переминались на месте, слушая последнюю речь С. С. Крапотникова.

— Каждый желает, чтобы его уважали. Каждый хочет быть на своем месте. Разве не так?

Никто не возражал. Бедолагин с легким вздохом покосился на чуть тронутую бутылку спирта. Янкин осторожно дернул его сзади за штаны.

— От нас в общем нет возражения, — откашлявшись, сказал он. — Попробовать можно. Пошли мы.

— Эй, товарищи! — спохватившись, крикнул Семен Семенович. — Початую посуду не оставляют. Не годится.

— Непьющие мы, — постным тоном ответил Бедолагин,

32

Улетая, Славка Беклемишев не оставил адреса. Тем более он был удивлен, когда в питомник пришло письмо на его имя. Писал Миха Ступарь:

«Тут у нас недавно состоялось собрание. Представь, вспомни-ли о тебе. Шеф сказал, наши специалисты работают сейчас в самых глухих восточных районах. На это в ответ выступил Мироненко и резонно ответил, что «практика — воздух молодого ученого». Только Чернышев втихую съехидничал: «Практика практикой, а мимоза в тундре не цветет». Ты черкани, как там насчет мимозы. И еще: встретил я в библиотеке твоего приятеля физика. Тот взял меня на пуговицу и стал допрашивать, как на востоке обстоит дело с самоорганизующимися системами. Я на всякий случай заверил, что очень хорошо...»

— Что-нибудь важное? — спросил Семен Семенович.

— Так. Кое-что про систему Мироненко. Спрашивают, цветет ли здесь мимоза.

— Она здесь цветет по системе Банчикова, — серьезно ответил Семен Семенович.

Они сидели на камне возле крайней вольеры. В стороне оживленно перетюкивались ножи. Десяток домохозяек, привлеченных сдельной оплатой, обрубали зловредные головы.

— Идемте, — сказал Славка.

— Я думаю, может быть, организовать пацанов на ловлю бычка? А у них нет этих косточек?

— Проверим, — сказал Славка.

33

— Куда гарпун кладешь? — сердито спросил Топорков. — Или он тебе с левой руки нужен?

Мотофелюга «Старушка» третий раз отправлялась в море, Первый рейс был просто пробным. Во второй раз сорвавшийся откуда-то ветер загнал шлюпку обратно в речное устье,

За это время мотофелюга приобрела вид бывалого промыслового судна. Длинные шести гарпунов аккуратно мостились вдоль борта. Зачехленные от морской сырости винтовки лежали на банках. Нетерпимые для морского глаза посуда и примус прятались в носовом отсеке. Брезентовые полосы брызговиков не болтались как попало, а были аккуратно принайтованы бечевкой. Толстый морской брезент укрывал одежду и продукты, и кольчатые свитки линией висели на нужных крючьях.

В этот раз на берегу не торчала толпа. Было раннее утро. Ленивые, почти неприметные для глаза валы океана с шорохом перекачивали гальку. Сплющенное рефракцией солнце висело над водой желтым блином.

— Куда они пойдут? — спросил Славка.

— В какую-то Татьянину бухту. Старожилы посоветовали. Говорят, по морскому зверю нет богаче места, — ответил Семен Семенович.

Они стояли на берегу трое. Третьим был Веня Ступников. Он стоял в сторонке и, сосредоточенно дымя сигаретой, наблюдал погрузку.

— Пошли! — скомандовал Топорков и налег плечом на корму.

Мотофелюга проскрипела килем по гальке и тихонько закачалась на воде. Затарахтел двадцатисильный двигатель. Никто из троих сидевших в лодке не оглянулся на берег.

Семен Семенович Крапотников долго смотрел вслед шлюпке. Он размышлял о том, что такое удача и какова ее вероятность. И, как бы отвечая на его мысли, Веня сказал:

— Они же дилетанты в морской охоте, а дилетантам всегда везет.

— В «очко» им везет, — сердито сказал Семен Семенович.

Желтый круг солнца поднялся выше. Пылающая отблесками рябь усов тянулась за носом лодки, которая теперь казалась просто черным непонятным предметом.

— Черт возьми, — зачарованно вздохнул Славка. — Такое не каждый день увидишь.

— Конечно, если человек нездешний, — ехидно вымолвил Веня и, независимо сплунув, зашагал от берега.

34

— Ну что ж, — сказал Славка. — Пожалуй, мне пора на крыло. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. А то как бы там институт без меня не обрушился.

В дверь постучали. С независимым видом вошла Соня.

— Семен Семенович, — сказала она, — там бычков привезли три корзины. Принимать или не принимать?

— Соня, — сказал Семен Семенович, — я объявлю вам выговор. Какой вы, к чертям, Тамерлан, если человек ни с того ни с сего собирается уехать!

— Может быть, человеку столичные нравятся, — дерзко сказала Соня.

Зазвонил телефон. Славка взял трубку.

— Кит, — сказал чей-то хриплый, возбужденный голос. — К вам прибыл кит.

— Какой кит? — спросил Славка.

— Мертвый, конечно, — ответила хриплая трубка,

Они обгоняли пешеходов. Пешеходы тоже шли к пристани. У них был необычный, возбужденный вид. Пешеходов становилось все больше.

Еще издали они увидели на пристани толпу. Толпа стояла у причала, и оттуда шло глухое удивленное молчание.

Мотофелюга «Старушка» покачивалась у деревянной стенки. Рядом с ней качался большой мертвый кит. Топорков, Бедолагин и Янкин встали им навстречу.

— Как? — сиплым голосом спросил Семен Семенович.

— Обыкновенно, — сказал Бедолагин.

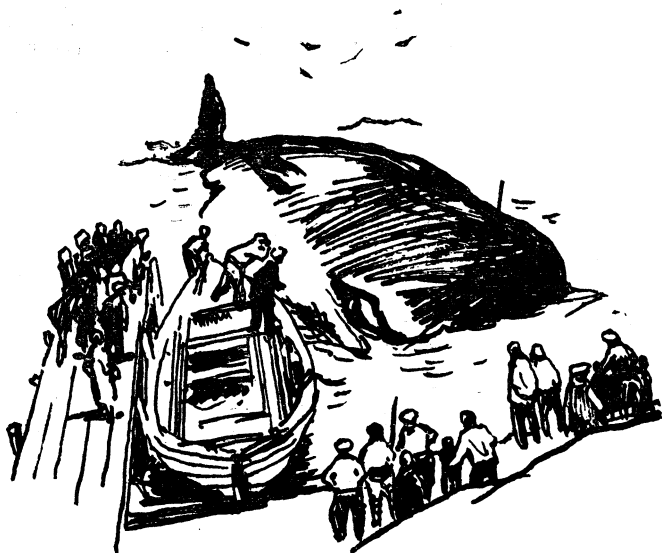
— Кашалот. С зубами, — добавил Топорков.

— Нет, такого мне больше никогда не увидеть, — сказал сам себе Беклемишев. Но он ошибался. Ему предстояло увидеть еще многое...

— Пресса, пропустите прессу, — раздалось сзади. Веня Ступников рассекал толпу, целясь в фотоаппарат. — Готово, — сказал он, переведя десятый кадр. — Теперь мне надо снять, как его будут резать.

— Обыкновенно, — сказал Бедолагин.

— Вытащить надо вначале, — добавил Янкин.

Кита удалось вытащить при помощи двух автомашин и одного трактора. Его отвезли на отмель за концом пристани. Теперь он лежал на песке. Беклемишев шевелил губами. Он вспоминал систему определения возраста кашалотов и их размеры.

Веня Ступников дощелкивал вторую пленку. В толпе слышался растерянный шум. Топорков, Бедолагин и Янкин совещались о чем-то в стороне.

— Ну, — сказал Семен Семенович, — транспорт ждет.

Но никто не подходил к киту ни с топорами, ни с ножом.

— В чем дело?

— Большой он, — сказал Янкин. — Чем резать?

— Чем? — повторил Бедолагин.

Кит лежал как монолитная скала. Семен Семенович ожесточенно скреб затылок. Беклемишев стоял в стороне и мучительно старался приспособить кита к системе разделок тушек грызунов. Но ни Мамушкин, ни Гупер в этой ситуации не годились.

Веня Ступников метался между Крапотниковым и Бедолагинным, между Янкиным и Топорковым.

— Идите к черту! — сказал ему, наконец, Янкин. — Я не знаю, как обдирают эту мышку.

«Я должен найти выход, — сказал сам себе Веня. — Я обязательно должен его найти».

И он вспомнил.

— Моби Дик! — крикнул Веня. — Есть такая книга, где все про китов. Увлекательный роман. Я бегу в город.

Веня бежал в город и обдумывал варианты поисков, если книги не окажется в библиотеке.

В это время кто-то осторожно дернул Крапотникова за рукав. Три темнотицких невысоких юноши стояли перед ним. На них были одинаковые черные костюмы с выпущенными поверх воротниками рубашек. Он узнал их. Это были юноши из зверобой-

ного поселка... Они прибыли сюда катером и ждали самолета. Все трое летели куда-то учиться.

— Что? — спросил Семен Семенович.

— Мы можем, — сказал один из невысоких юношей. — У нас в колхозе это делают ножами. Нам нужны ножи, бруски и переодеться.

Через полчаса три маленьких человечка деловито подошли к киту. В их руках были обычные ножи из мясного отдела «Гастронома». Толпа заинтересованно качнулась вперед. Топорков, Бедолагин и Янкин вытянули шеи.

36

...Человек спускался с горы, выписывая кривую по дороге. Какая-то машина долго сигналила сзади, потом обогнула его. Шофер с руганью высунулся из кабинки. Веня Ступников рассеянно махнул ему рукой. Он держал в руках раскрытую толстую книгу в черной обложке. Он спускался с горы и на ходу пытался найти среди четырехсот восьмидесяти страниц все, что относится к разделке китов. Ему даже некогда было гордиться собой, хотя он нашел единственную книгу в городе. Он провел пятнадцать интервью с ее временными владельцами. Каждый из них высказывал свое мнение о китах вообще и о книге в частности, потом называл адрес человека, которому книга была дана «на два дня».

— Есть! — крикнул Веня. — Фленшерные лопаты. Нужны фленшерные лопаты, здесь есть рисунок. — Забыв о корреспондентской солидности, он хотел припустить бегом... и остановился. Бежать было некуда. Голый скелет кита лежал перед ним. Несколько усталых людей грузили в машину квадратные куски китовой туши. Какие-то невысокие юноши умывались около китового черепа.

— Опоздал, — ошалело выдохнул Веня.

Песчаный кусок берега около пристани был пуст. Трактор утащил останки кита на пустырь. Толпа разошлась, и волны прилива замывали следы людей. Последняя машина ушла, чтобы доверху забить выбитые в вечной мерзлоте ямы холодильника. Мотофелюга «Старушка» качалась в стороне у надежной стенки причала.

Чуть подальше на траве сидели Топорков, Бедолагин и Янкин. Перед ними стояла бутылка водки и еда, разложенная на газете. Ветер доносил обрывки горячего разговора:

— Ежели бы сразу правильный заход...

— А я ему как...

Кучка болельщиков, стоя в стороне, слушала их в благоговейном молчании.

37

Закат падал на бухту. Из города шел легкий неясный гул жизни. Плескался прилив Тихого океана.

— Что мы есть? — глубокомысленно спросил Семен Семенович Крапотников. — Букашки с жаждой невозможного. И мы делаем это невозможное. Когда я учился в частной гимназии,

я узнал про броуново движение. Мелкие пылинки толкутся под микроскопом, мешая друг другу. Иногда люди так же всю жизнь толкутся в крохотной капле воды. Они не видят ничего за этой каплей. В частной гимназии я думал о том, что будет, если под микроскоп посадить к одинаковым пылинкам одну веселую пылинку, с большой жаждой движения. Сможет она взбудоражить всех?

Славка не отвечал. Ему вспомнился Витька-физик. «Самая самоорганизующая система из всех — это человек. Вот что надо сказать ему», — думал он. И сказал вслух:

— Все-таки я просто узкий специалист.

— Лезвие скальпеля и острие иглы тоже узки, — усмехнулся Семен Семенович. — Расчленишь и соединишь — вот благородная задача узкости. Не сводите ее к понятию узкого лба. Я верю в то, что этот городок будет знать все. И самые широко известные узкие специалисты будут приезжать сюда за консультацией. А вы мне толкуете про мимозу к 8 марта.

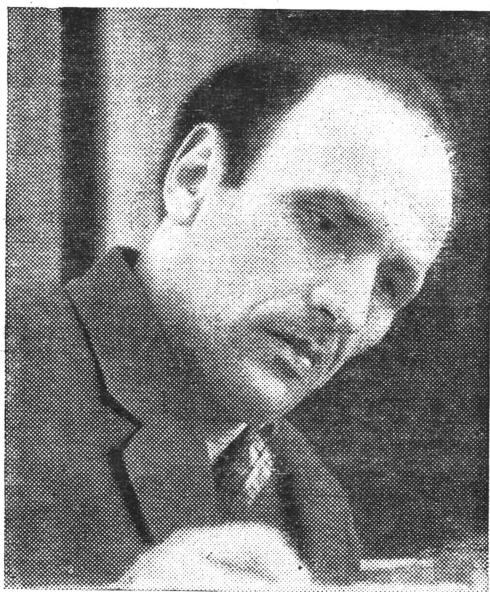
Славка снова промолчал. Как ни странно, он думал теперь о непохожей ни на кого девушке — Соне-Каткаль-Тамерлан. Глядя на носки ботинок, он сказал:

— Вы отличный психолог, Семен Семенович. Паустовский советуется лонии читать. Может быть, лучше плавать?

В это время Веня Ступников сидел на камне около китового черепа и черкал в записной книжке первые строчки будущего романа:

«Я живу в том месте, где китов ловят на удочку и потрошат их перочинными ножами...»

Автор публикуемой повести Владимир Исаакович Зыслин (псевдоним — Владимир Саксопов) работал в „Искателе“ со времени его основания. Володя скоропостижно скончался в мае этого года в расцвете творческих сил, полный широких писательских замыслов.

То, о чем писал Володя Зыслин, было его биографией и биографией современника. В сорок втором году он поступил в школу юнг, которую учащиеся строили своими руками. Об этом рассказано в его „Повести о юнгах“.

Володя Зыслин не успел закончить свою новую повесть „Дальний поход“. Ее закончили его товарищи при непосредственном участии жены писателя Н. Ястребовой.

Владимир Исаакович Зыслин был хорошим товарищем, чутким и отзывчивым человеком. Мы сохраним память о нем в наших сердцах.

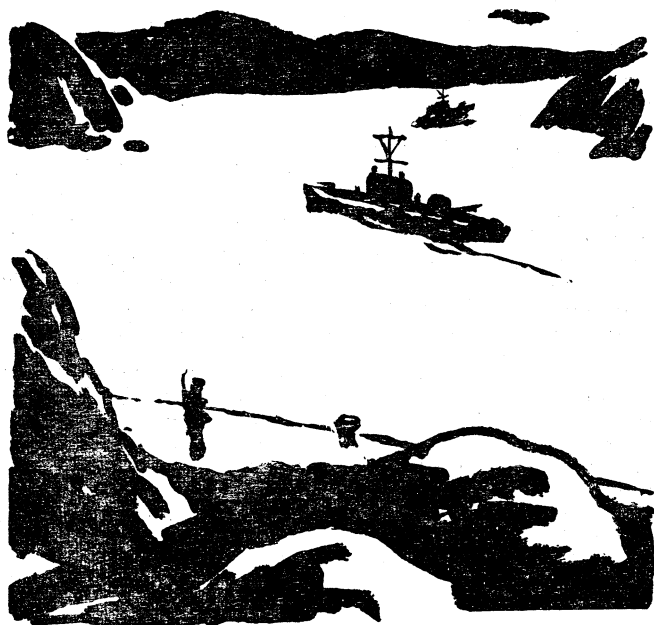
Группа товарищей

ВЛАДИМИР САКСОНОВ

ДАЛЬНИЙ ПОХОД

Повесть

Рисунки Д. ДОМОГАЦКОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Юнга, давай в носовой кубрик! — крикнул кто-то впереди.

Подковки моих новых ботинок зацокали по железной палубе, и я удивился, что они цокают так уверенно. Рядом всплескивала вода, что-то поскрипывало, слышны были еще звуки, не очень понятные, и — цок, цок, цок...

На баке никого не оказалось.

Крышка люка была откинута. Внизу горел свет. Кубрик...

Я помедлил, оглядываясь.

Небо еще не погасло, вода тоже, а на берегу стемнело совсем. Сопки на той стороне залива были почти черные. С моря шла мертвая зыбь. Палуба под ногами покачивалась...

Мне казалось, качается берег. Он был теперь сам по себе: отдельно от меня!

Я перехватил вещмешок в левую руку, правой взялся за скобу на крышке и, опустив ногу в люк, нащупал верхнюю ступеньку трапа.

Ну вот — кубрик...

Темноволосый матрос в накинутом на плечи бушлате сидел на рундуке справа. Он нагнулся — надевал ботинок. Рядом стоял старшина, мичманка его чуть не касалась плафона в потолке. «В подволоке», — поправил я себя. И улыбнулся. Старшина — он стягивал с верхней койки постельное белье — как раз в это время на меня посмотрел. Сдвинул на затылок мичманку: что, мол, еще такое?.. Плафон освещал его широкое лицо, белесые ресницы.

«Доложить, что прибыл?» — подумал я.

Старшина моргнул и отвернулся.

Еще один матрос возился у стола.

Я поискал место, где встать. Кубрик был тесный, по форме напоминал трапецию. Учил когда-то геометрию, знаю. В шестом классе, кажется. Кубрик мне тогда и не снился!..

Основание — переборка, у которой сейчас лучше всего встать по сторонам, вдоль бортов расположились — внизу рундуки, вверху койки и напротив, прямо передо мной, у другой переборки, тоже был рундук, а над ним койка. Туда приткнулся небольшой стол.

Пахло нагретым железом, слабее — краской, пенькой. Под днищем катера то и дело чмокала вода. Через равные промежутки времени. Можно было отсчитывать секунды по этим всплескам. Очень длинные секунды... Я опять увидел черные сопки над заливом, вспомнил, как цокали по палубе мои подковки, — стало одиноко.

— Завяжи, — матрос в бушлате кивнул на расшнурованный ботинок.

— Это вы мне?

Он поднял глаза, в них мелькнули удивление и досада.

— Обознался...

Глаза были сухие и горячие. У меня в груди стало припекать, пока они смотрели... «Обознался»!

Потом он сказал это вслух.

Парень, который возился у стола, быстро шагнул к нему, присел на корточки.

— Давай, Нюстя.

Матрос в бушлате выпрямился и стер со лба капельки пота.

Бушлат соскользнул с его плеча.

Я увидел, что оно забинтовано. Сквозь бинт проступало бурое пятно.

— Извините! Я не знал... Я...

— Боцман, это кто? — спросил раненый.

— Пополнение вот прибыло, — окая, ответил старшина, убиравший постель. — Юнга.

Мне показалось, что голос прозвучал в стороне — боцман словно отодвинулся. Близко маячило только это белое толстое от повязки плечо, пятно крови... «Рукав тельняшки распорили, когда перевязывали рану, — догадался я. — Недавно. Может быть, часа три назад, как раз когда я стоял на пирсе, ждал их». (Дежурный по дивизиону сказал, что «пятьсот тридцатый» в море, и я ждал на пирсе и знал только номер морского охотника, на котором буду служить. Номер — и все.) А в это время они...

— Небось одному юнге неизвестно? — насмешливо спросил раненый, повернув голову к боцману.

Тот помедлил.

— Чего?

— «Чего»...

— Ладно, поговорили! — сердито проокал боцман.

— Досыта. — Раненый вдруг повернулся ко мне. — Что я, не отлежался бы? Верно? В госпиталь сосватал! Брат милосердный.

Боцман только поморгал.

— Там сестрички хорошие, Костя, — ухмыльнулся матрос, завязывая шнурок на втором ботинке.

Раненый не ответил. Они долго молчали, потом Костя сказал вдруг:

— Не видать мне, значит, Ливерпуля. Пальмы, кокосы... «Бредит?» — я испуганно взглянул на боцмана.

Тот обронил:

— Да нет там кокосов.

— Знаю. Все равно.

Я переступил с ноги на ногу, положил рядом свой вещмешок. Чувствовал себя паршиво, как гость, который пришел не вовремя. Не очень-то понимаешь, что происходит, и — ни помочь, ни уйти...

— Суконку наденешь? — спросил матрос. Он завязал шнурки и поднялся.

— Да.

Боцман проворчал:

— Не тревожил бы рану-то.

— Правда, Костя. Бушлат застегнем, и порядок. Больно будет надевать суконку.

— Она в рундуке.

— Потом снимать...

— Твои сестрички снимут, — сказал Костя и встал.

Я увидел на суконке винты двух орденов.

— Подождите, наизнанку ведь!

Нет, он надел ее правильно. Это ордена так были привинчены — внутрь... Сел, опять вытер лоб и посмотрел на меня.

— Юнга... Чтоб не поцарапались, ясно?

«Юнга» произнес насмешливо — юнец, мол. Салага... Но мне ни капельки не стало обидно. Одетый по форме «три»: в темно-синюю суконку, на которой белели винты

орденов, в черные брюки и хромовые ботинки, бледный, темноглазый, он сидел на рундуке, уже как-то отдельно от всего и не был похож на других. Не потому, что боцман и второй матрос были в робах, и не только потому, что он, Костя, уходил в госпиталь. Он вообще был особенный. Герой. А ко мне три раза обращался.

Я жалел, что он уходит.

— Новый человек прибыл, — сказал Костя. — Хоть бы спросили, как да что...

Боцман мельком, неприязненно глянул на меня и, думая о своем, ответил:

— Посачкуешь пока в госпитале. Обойдется.

— Ладно, поговорили.

Это проокал Костя...

Боцман покраснел, уставился на мой вещмешок.

— БЧ какая?

— БЧ — четыре, — ответил я. — Радист.

И опять увидел Костины глаза. Он смотрел на меня так, будто сам только сейчас понял, что «прибыл новый человек». Потом сказал:

— Смена! Ну, давайте... — Отвернулся и попросил матроса, который помогал ему одеваться: — Заведи, Андрей, на прощанье.

Тот быстро, словно ждал этой просьбы, достал откуда-то патефон, поставил его на стол, открыл. Зашипела пластинка:

Какое чувствую волнение...

Певец запинаясь, даже пропускал слова — пластинка была заигранная:

О Маргарита, здесь умру, у ног твоих!

«Какая-то ария, — растерялся я. — Завели бы Утесова — «Раскинулось море широко»...» Казалось, что именно ария сбивает меня с толку: я эту музыку не знал и оттого чувствовал себя еще больше чужим. Музыка наполнила кубрик, а в днище шлепала вода, всплески были все те же, и так же пахло нагретым железом, но все уже изменилось, и я только понимал, что не был таким одиноким, когда смотрел на черные сопки, а потом спускался сюда по трапу.

Боцман стоял у стола, помаргивал белесыми ресницами. Матрос этот, Андрей, выпрямился за патефоном, будто аршин проглотил.

Костя сидел, опустив голову.

Я едва прикоснулся к их жизни, торчал здесь сам по себе, но Костя уходил, и получалось, что я уже не сам по себе, а «смена» — пришел на его место. Вот так — сразу! Бывает, приснится что-нибудь до того отчетливо, что начинаешь понимать: это неправдоподобно, это снится. Бывает и наяву — так все ясно, что не верится. Слишком быстро все произошло.

Боцман и Андрей переглянулись.

— В кубрике! Оглохли?

— Есть, — отозвался боцман. — Не ори.

— Врач идет, — сказал вахтенный.

«Быстро», — опять подумал я.

Пришел капитан медицинской службы, чистенький, как стерильный бинт, с белыми погонами, белыми пуговицами на шинели и с черными усиками. Он оглядел всех большими добрыми глазами, потом сказал Косте точно по-докторски:

— Ну-с, молодой человек...

Костя сделал последнюю попытку:

— Может, на плавбазе отлежусь, товарищ капитан?

Врач не ответил. Он держал Костину руку, прощупывал пульс. Опустил ее.

— Так-с. Вы собрались?

Костя стал надевать бушлат. Андрей хотел помочь — он отстранился, шагнул ко мне и протянул руку:

— Ты уж извини, аккумуляторы я давно не чистил.

И я больше не был один...

Мы смотрели, как по трапу переступают его хромовые ботинки.

...Он только со мной попрощался так — за руку.

На секунду ботинки замерли.

— Боцман, штормовка моя у Кравченко, — сказал сверху Костя. — Придережься еще.

— А сапоги?

— В рундуке!

Исчез один ботинок, за ним — второй.

Потом ушел врач. Андрей хлопнул крышкой патефона.

— Провожу.

Боцман остался. Открыл рундук, вытащил оттуда сапоги и стал их осматривать.

— Подметки-то менять надо...

Мне тоже захотелось уйти из кубрика. Но куда?

— Цирк... Показали в детстве картинку, и вырос — о ней думает. Кокосы!

Я сел на рундук у левого борта. Сколько можно стоять? Вытер лоб, он был мокрый.

— Ужинал? — спросил вдруг боцман.

— Нет.

— На камбуз иди. Гошин покормит.

«А глаза-то! — думал я, выбираясь из кубрика. — На сапоги ласковее смотрел...»

Кок в белой куртке стоял спиной ко мне и ставил в углубление настенной полки стопку алюминиевых мисок. Слева от него, на плите, грудились два больших обреза, бачки поменьше и чайник. Все белое, надраенное. Вдругом углу — небольшой стол. Если бы не плита и стол, камбуз был бы в точности как железный шкаф для посуды.

— Меня боцман прислал. Только вот прибыл, — сказал я, глядя в белую спину кока.

Он обернулся. Лицо у него было добродушное, сямочкой на подбородке. Но, конечно, смотрел свысока — все коки так смотрят.

«Пусть только скажет «салага», — подумал я.
— «Боцман прислал!» — Он отвернулся, пробурчал: —
Ясное дело, боцман. Заботливый.

— Только вот прибыл, — повторил я, помолчав.

— Ну, и чего стоишь? Проходи, вон чумичка, миски —
сыпь себе каши! Сухой-то паек рубанул небось?

— Давно.

— Да не из этого бачка — рядом! Не видишь? Сыпь,
не стесняйся — на корабле.

— А я и не стесняюсь.

— Ну-ка, посторонись, — сказал кок. — Подливку
сам отпущу.

Потом я сидел за столом и, согнувшись, ел гречневую
кашу с подливкой. Подливки Гошин не пожалел.

А сам сел напротив.

— И какая же у тебя специальность?

— Радист.

— И не мечтал небось, что так повезет?

— Меня бы все равно взяли! Кто знал, что Костя
ранен.

— Повезло тебе.

Я отодвинул миску.

— Доедай. — Гошин вздохнул. — Не понимает... Ко-
нечно, повезло — сразу в такое плавание!

С минуту он следил за мной, пошевеливая густыми бро-
вями, потом сказал вполне серьезно:

— В Америку идем. Ясно?

Я доел, облизал ложку. Посмотрел на него.

— Ладно разыгрывать...

И неожиданно йкнул.

— Салага! — сказал кок.

И опять цокали по палубе мои подковки. На этот раз
медленнее, не так легко и дольше — я прошел мимо лю-
ка, еще шагов семь на бак, остановился у носового орудия.

Ствол его настороженно смотрел вверх.

В небе исчезал последний свет, он скорее ощущался, чем
был виден, а я такое небо помню с тех пор, как начались
налеты на Москву, и оно всегда кажется мне тревожным.

Где-то неподалеку, за причалами, не спал Мурманск.

Никогда не видел его огней. Не представляю даже, какие
они — до войны ведь здесь не был... Этот город сразу
встал передо мной затемненным, только затемненным. Как
будто война идет не два года, а много дольше.

Я потрогал замок орудия. Металл был холодный. Остыл.

Подошел вахтенный.

— Ты чего тут?

— Нельзя, что ли?

Он зевнул.

— Может, и за меня отстоишь?

Я бы согласился. Ходил бы сейчас по палубе хозяином.

— Назначат — встану.

— Ты по специальности кто?

Третий спрашивает...

— Радист, — сказал я, поеживаясь.

Но вахтенный промолчал. Потом сказал:

— Значит, по боевому расписанию тоже здесь будешь. За точной наводкой, понял? Если радист.

— Радист, — подтвердил я.

Так-то лучше, когда ясно. Одно свое место я теперь знал. Второе — радиорубка. Надо было идти в кубрик, пусть дают мне рундук и койку!

...В кубрике за столом сидел старшина, которого я еще не видел. Наклонив круглую голову, он что-то писал. Волосы у него были подстрижены коротко, на плечах желтели двумя лычками аккуратные погончики. Карандашом он водил размеренно, не торопясь и не задумываясь, вообще выглядел очень спокойным. А боцман все возился с вещами. На рундуке рядом с Костиными сапогами теперь лежали телогрейка, ватные брюки и плащ.

— Поел?

— Так точно.

— Федор, пополнение...

— Вижу, — не переставая писать, отозвался старшина.

— Видит! — фыркнул боцман. — Ты хоть посмотри, кого тебе прислали-то!

Старшина посмотрел. У него было простоватое скуластое лицо и очень внимательные глаза.

— Сними шинель, — посоветовал он. И стал водить карандашом дальше.

Я шагнул, поднял свой вещмешок. На линолеуме под ним отпечатались маслянистое пятно...

Рядом тотчас шлепнулся кусок ветоши.

— Вытри, — сказал боцман. — В другой раз наряд вкачу. Ох, и вкачу!

— В солярке вот на палубе измазал, — пробормотал я, поглядывая снизу на его громадные сапоги.

Ладно, меня и не задело. Зато я знал теперь, где мое место по боевому расписанию. Пусть хоть сейчас тревога! Это настроение защищало от любых боцманских придирок. Больше — оно давало уверенность.

Все-таки, когда боцман выбрался на палубу, стало легче, свободнее. Я усмехнулся, слушая, как он гудит на палубе: «Вахтенный, кто на берег сошел?.. Про-во-жа-ет! Я ему покажу завтра...»

Федор сложил письмо треугольником и сказал:

— Да, проводил боцман корешка.

— Какого корешка?

— Костю.

«...покажу проводы-то! Он мне палубу вылизывать будет, скрипач!»

— Они ведь и в увольнения друг без друга не ходили, — сказал Федор.

— Понятно, — соврал я.

Утром старшина повел меня чистить аккумуляторы.

Сначала мы вошли в боевую рубку. Федор подождал, пока я закрою на задрайки бронированную дверь, и кивнул в правый задний угол рубки:

— УКВ.

Ясно: зачехленный ящик в углу — ультракоротковолновая рация. Для связи между катерами дивизиона в походе. А в передней части рубки — штурвал, компас, там, где место командира, — ручки телеграфа. Я успел рассмотреть надпись: «Полный вперед».

Федор тем временем откинул крышку люка вниз. Я спустился вслед за старшиной в крохотный коридорчик — мы вдвоем еле поместились в нем. Неяркий плафон освещал три двери — в каждой стороне коридорчика. Только одна переборка, та, что к корме, была глухая.

— Тут акустик сидит, — сказал Федор, тронув первую дверь, — тут радиорубка, а напротив — каюта командира.

Он открыл дверь радиорубки, протиснулся туда, включил свет.

— Иди садись.

Я сел рядом с ним на рундук, за стол, покрытый линолеумом. Почти все место на столе занимала аппаратура: выкрашенные в шаровый цвет приемник, передатчик РСБ с разноцветной шкалой настройки, умформеры, радиоключ. Вкусно пахло аппаратурой. Это аромат, а не запах: тонкий аромат канифоли, разогретых и остывших проводов и серебряной пылицы на радиолампах.

А в иллюминаторе над головой Федора тускло освещенное небо.

— Хорошо, — сказал я. — Здорово.

Федор усмехнулся, помолчал, глядя на медный штырь — вывод антенны.

— Тут, под столом, — аккумуляторы. Отсоединены. Вытащи их на рундук. Только ветошь подстели, вот эту. И почисти.

— Ясно.

— Не вылезай, пока не закончишь, а то боцман найдет работу сразу. Понял?

— Понял.

Я остался один, сел за стол в радиорубке, прикрыл за собой дверь. Осмотрелся еще раз. Постучал на ключе: «Ливерпуль, Ливерпуль... бсцман... кокосы, дай-ка закурить...»

Ничего ключ — мягкий.

Нагнулся, заглянул под стол. Там стояли ящики с аккумуляторами. На ощупь сосчитал их — четыре ящика. Подтянул один к себе. Он оказался тяжелым. Ничего, справлюсь... Поднапрягся, коленом помог — поставил его на рундук.

В ящике было восемь батарей, восемь банок, соединенных между собой последовательно. Они здорово обросли солью. Я нашел в столе сломанный карандаш и стал выковыривать им соль из углов на крышке первой банки. Постепенно обнажилась черная поверхность крышки, и тогда я вспомнил о пробке. С нее и надо было начинать. Поздно я это понял: соль с пробки осыпалась и опять забила только что вычищенные углы.

Ничего. Работа нудная, зато самостоятельная.

Минут через десять мне удалось покончить с первой банкой: я выскреб всю соль из нее и насухо протер крышку

ветошью, чтобы потом аккуратно смазать ее тавотом. Сидел потный, хотя шинель снял давно, как ушел Федя. Одна только банка, а всего ящиков четыре, и в каждом — по восемь таких...

Наверху лязгнули задрайки люка.

Я толкнул дверь и увидел на трапе громадные сапоги... Боцман. Он спустился, молча стал смотреть, как чищу. Стоял в двери и смотрел — затылком чувствовал.

А что ему тут смотреть — в радиорубке?

— Чистишь?

— Глажу.

— А молоко любишь? — сочувственно спросил боцман.

Я быстро взглянул на него и снова принялся ковырять обломком карандаша в аккумуляторной банке. Потом сказал:

— Кто же его не любит.

Боцман молча выбрался наверх.

Я задумался. Чего он так смотрел на меня? Жалеючи. Боцман не может так смотреть!

Опять наверху лязгнули задрайки люка.

— Юнга!

Ну вот... Поднял голову.

— Есть.

— Давай наверх.

— Так я же чищу...

— Поговорили!

Когда я выбрался на палубу, он стоял около боевой рубки и, щуря свои белесые ресницы, смотрел на меня выжидательно.

— Доложить положено.

— А я вашего звания не знаю — вы же в телогрееке...

— Старшина второй статьи.

— Товарищ старшина второй статьи, юнга Савенков по вашему приказанию прибыл.

— Идем, — боцман повернулся к носовому орудью. — Кравченко, вот тебе... пополнение. Объясни, что и как.

Матросы, стоявшие у орудия, оглянулись.

— А мы знакомы, — кивнул Кравченко.

Я узнал вчерашнего вахтенного.

Потом стоял на площадке зенитного полуавтомата тридцать седьмого калибра и совмещал риски на двух крутящихся лимбах — устанавливал их по командам Кравченко на нужные цифры. Дело было несложное, но сначала у меня все-таки немного дрожали руки, и я не поспеивал за негромким твердым голосом командира расчета.

Один раз даже сбил наводку — когда совсем рядом гулко ударили два орудийных выстрела. На мое счастье, никто не заметил — все смотрели на выход из гавани. Я тоже посмотрел и увидел четкий силуэт подлодки.

Она возвращалась из похода. Команда стояла на палубе, в строю, а над орудием подлодки еще вился дымок от выстрелов.

— Двоих потопили, — сказал Кравченко.

Слышал об этой традиции! Возвращаясь в базу, подлодки извещают о победе холостыми выстрелами из орудия —

сколько выстрелов, столько фашистских кораблей уничтожено...

— Значит, так, — Кравченко посмотрел на меня. — Усвоил?

— Да.

— Добро, — сказал он. — На первый раз будешь подносчиком снарядов.

И я пошел чистить аккумуляторы.

Около рубки Андрей швабрил палубу...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Звонки ударили ночью.

Я вытряхнулся из своей подвесной, словно подброшенный, на лету понимая, что сейчас же, ни секунды позже должен решить, как действовать, — одеваться или сначала убирать койку?

Ее принес боцман (кто же еще?) в тот вечер, когда Костю отправили в госпиталь. Эта подвесная была лишней в кубрике и загораживала выход. А Костина койка пустовала.

Звонки все не прекращались. Длинные, с короткими перерывами. Ага! Я сообразил, что это не тревога, это аврал.

В тускло освещенном кубрике металась тень. Весь он был полон торопливого дыхания. Кто-то из курильщиков зло кашлял. В то же время — я успел это ощутить — здесь уже воцарялась тишина. Особая тишина оставленного жилья...

На палубе затопали, и ясно, жестковато прозвучал голос командира:

— Корабль к походу изготовить!

Потом на трапе, прямо у меня перед носом, торопились вверх чьи-то сапоги. Я тоже выскочил на палубу, в темноту, в холод, а щеки еще были совсем теплые от подушки. Значит, управлялся быстро.

Непонятно, как боцман увидел в темноте.

— Юнга, примешь носовой конец.

— Есть.

Насчет подвесной, конечно, не только боцман решил... Пустая койка — единственное, что они могли сделать для Кости, хотя ему теперь, в госпитальной кровати, несколько от этого не легче. Но и мне дали понять, что надо еще вроде бы заслужить это место... Хорошо сделано — без лишних разговоров.

— Осторожно, — негромко сказал Кравченко, когда я налетел на него.

Палуба под ногами дрожала: врубили моторы.

Метались клочья пара.

Я уложил канат. Только что он касался земли, а теперь — где она? Берег не был виден в темноте, но взбитая винтами пена у причала, еще не остывшая, отодвинулась, ушла в сторону. Сыто, вздохлеб урчали в воде выхлопные газы. По крейсу, по ощутимому, хотя и невидимому, движению было понятно, что катер разворачивается к выходу из гавани.

Над боевой рубкой светлело лицо командира. Он откинул крышку верхнего люка и стоял в нем,

Все слышней становилось, как шумит море.

Сыграли отбой.

— Юнга, на подвахту!

— Есть!

А как сразу неустойчиво...

Я сделал первый шаг — один из тех десяти, что надо было пройти от носового орудия до рубки. Корабль вздрогнул, резко накренился и стал уходить из-под ног. Ничего... Такой он живой! Палуба ускользала. Я знал точно, что никуда она не денется. Головой знал. Поспешно присел, схватился за что-то: никуда она не денется. Так все-таки надежнее. Палуба теперь поднималась, меня прижимало к ней. Не было никакой возможности выпрямиться, чтобы идти дальше. Но я выпрямился. Ничего, это только кажется, что она стала с овчинку! Просто вокруг теперь море, хотя и не видно его — одна сырая, качающаяся мгла, и шумит, шумит... Холодно-то как!

Дверь. Тоже стала живой. Отпихивает, когда снимешь ее с задраек, потом тянет за собой. Ничего...

Добрался.

В радиорубке было тепло, очень светло и уютно, но я понимал: что-то и здесь должно быть не так.

Федор кивнул:

— Садись.

Я сел, навалился на него плечом и ухватился за край стола. И тут же уперся локтем в переборку, чтобы не сползти с рундука — теперь Федор на меня навалился.

— Ничего, — сказал я.

— А?

— Нет, я ничего...

— База вызывает, — Федор пододвинул мне вторую пару наушников. — Проверка связи.

Слышно было хорошо, просто оглушительно — наушники пришлось сдвинуть на виски. Но я не принял: какие-то цифры, буквы... Не группами, без системы.

— Это позывные. И кодовые сочетания. Вот таблица — код, познакомься.

Федор включил передатчик.

Мягко гудели умформеры, а море шумело невнятно, только когда в борт ударяла особенно сильная волна, рубку наполнял гул. И медный штырь — вывод антенны начинал мелко-мелко дрожать.

В наушниках ворочались знакомые шорохи, коротко взрывались атмосферные разряды — с таким звуком, словно кто-то чиркал и зажигал спички, и попискивали, билили, шептали голоса радиостанций. Это был эфир — совсем особый, отдельный, никому, кроме радистов, не ведомый мир. Он заполнял сейчас черные чашечки наушников, каждый провод, лампы за щитками, любое стеклышко и любую стрелку приборов — всю радиорубку, а ее мотало где-то в море.

...Я посмотрел на Федора. Старшина сидел без шинели, в рубке, его скуластое лицо было спокойно и сосредоточенно.

Закончил связь, выключил передатчик.

— Далеко мы идем, товарищ старшина?

Если бы он ответил: «В Америку», я бы не удивился — сейчас и это казалось возможным.

— Встречаем союзников, — сказал Федор. — Караван транспортов. Встретим их в точке randevu и проводим до Мурманска. Ты РСБ изучал?

— Да.

— Настройся на волну двести четыре метра... Правильно. Сколько знаков принимаешь?

— С зуммера сто десять. Из эфира меньше, конечно.

— У нас тут скорости небольшие, — сказал Федор.

«У нас» — это значило в мире радистов, а удары в борт и шум за бортом только подтверждали его существование. И оттого, что он, такой знакомый мне всеми звуками и запахами, жил на корабле, был со мной в море, я почувствовал себя здесь нужным.

— Костя был хорошим радистом?

— Он и есть хороший радист.

— Я понимаю. Не так спросил! В общем...

— В общем да, — сказал Федор, оттаивая. Потом посоветовал: — Ты расстегни шинель, жарко.

Он не предложил: «сними», и я знал почему — если тревога, мне наверх к орудию. По боевому расписанию.

— Вызывают!

— Слышу, — старшина пододвинул мне стопку бланков. — Тоже принимай.

Слышно было куда слабее, чем несколько часов назад. Но все равно хорошо. Я пропустил только два-три кодовых сочетания вначале, а текст радиogramмы — шесть цифровых групп — принял полностью. Федор сверил его со своим.

— Все правильно. Теперь оформи. Здесь время приема.

Восемь часов пятнадцать минут...

— Отнеси командиру.

— Свою?

— Свою.

Я выбрался из рубки, потянулся — все поплыло перед глазами, в ушах зазвенело.

Постоял около трапа.

В приоткрытый верхний люк из боевой рубки пахнуло холодом. За глухой переборкой слева грохотали моторы. Справа от меня в открытой двери была видна спина акустика.

У него там тоже свой мир. И за переборкой свое: жара, мотористы вытирают ветошью замасленные руки и в грохоте немо открывают рты. Но понимают друг друга. А наверху, в боевой рубке, командир. Живой корабль!

Я стал подниматься по трапу, раскачиваясь, как на маятнике.

Это все настоящее, все на самом деле: неустойчивый, тускло освещенный отсек, стертые до блеска ступени трапа, листок радиogramмы у меня в пальцах... Принял радиogramму я, и качает на трапе меня... Вместе с моим кораблем. Я чуял, что живу минуту редкую, прислушался к этой минуте и, казалось, уловил, как она пульсирует.

— Товарищ командир, радиogramма!

В иллюминаторы перед рулевым и в открытый верхний

люк проникал утренний свет, такой слабый, что нактоузный огонь еще не выключали. В рубке было сумеречно, но видно все. Командир стоял справа от рулевого, спиной ко мне. Почти не оборачиваясь, он протянул руку, взял у меня бланк радиogramмы и наклонился к нактоузу, чтобы прочитать. Обернулся:

— Приняли сами?

— Слышимость хорошая, — сказал я.

По-прежнему тонко звенело в ушах. Было легко, невесомо...

Рулевой покосился через плечо — я узнал Андрея, подмигнул ему.

— Прямо по курсу корабли! — крикнул откуда-то сверху сигнальщик. — Транспорты и эсминцы. Дистанция...

Дверь в рубку распахнулась. В овале встала двухцветная картина: серый движущийся пласт моря под белесым небом. Пласт перекосялся, метнулся вниз, исчез — и все заслонила фигура боцмана.

— Союзники, — сказал он, глядя на командира.

— Союзники! — сообщил я, спустившись в радиорубку.

Федор кивнул.

— Это и есть точка randеву? — спросил я.

— Она...

— Пойду посмотрю?

Старшина пожал плечами, удивленно улыбнулся:

— Посмотри...

Длинный, непрерывный звонок боевой тревоги ударил по мне уже на трапе — припал к нему на долю секунды и тут же бросил вверх, на палубу.

Ящик с обоймами я увидел издали. Обрадовался. Потом близко. И — руки заряжающего.

— Снаряды!

Вот он — вынырнул из облаков! Свалился на крыло и стал падать. Черным крылом вниз. «Юнкерс»... Выровнялся, пикируя прямо на наш катер.

«Пойду посмотрю? Пойду посмотрю? Пойду посмотрю?» — завертелось в голове.

Самолет становился все больше, с каждой секундой ревел оглушительнее, тут звонко быстро заахали выстрелы нашей зенитки — рев как отрезало, но «юнкерс» не загорался, не вильнул в сторону и... я хотел зажмуриться.

У меня хватило сил этого не делать. А может, наоборот, не хватило сил даже зажмуриться. Но это было одно мгновение.

Ударило в бок. Рот заряжающего открывался. Я понял, это он на меня кричит: «Снаряды!» — и сунул ему в руки новую обойму.

С правого борта один за другим медленно выросли три ярко-белых водяных столба. Я успел достать еще обойму, пока они поднимались. Как опали — не видел, а лицо обдало горячим и водяной пылью.

«Юнкерс» нырнул в облако.

Не сбили...

«Пойду посмотрю? Пойду посмотрю? Пойду по...» Тьфу!

Бомбардировщики вывалились из облаков, вставали столбы от взрывов, тянулись руки заряжающего, и тут в голову полезла чепуха: что все в точности, как в кино, только пропал звук. Даже наша зенитка была бесшумно: я чувствовал, что площадка вздрагивает от отдачи, — пятками слышал, как бьет орудие, а не ушами.

Потом сообразил, что оглушен пальбой.

Но голос Кравченко слышал — вот это да! Он командовал расчетом, называл какие-то цифры и как будто не кричал даже, а я слышал. На то он и командир расчета... На то и заряжающий, чтобы заряжать, а я подносчик, чтобы у него были обоймы. Все правильно. Всякая чепуха с кино забылась. Я собрался окончательно и сообразил, как лучше приноровиться выхватывать из ящика обоймы, как встать, чтобы без толку не вертеться, отдавая их заряжающему. И когда обоймы в одном ящике кончились, я, только взглянув на второй, знал почти точно, сколько шагов сделаю к нему, как нагнусь и подтащу.

Палуба, мокрая, ускользала из-под ног. Живой корабль... Попробуй попади в эти проклятые «юнкерсы», когда катер кренится, скачет на волне да еще маневрирует! В двух шагах

от меня что-то проскребло. Вырос боцман, весь красный, заорал. Я услышал его не сразу, словно звук пришел издалека, с опозданием, но тут же догадался: это осколки. И меня обожгла радость — не страшно!

Хотел даже найти боцмана, посмотреть ему в лицо — пусть не орет...

Воздух туго рванулся, катер встряхнуло так, что я едва устоял — ткнулся в руки заряжающему с очередной обоймой. Руки уперлись мне в грудь.

Я выпрямился.

— Ну?

В ушах щелкнуло.

— Положи, не надо.

— Положи, — негромко повторил Кравченко.

Я посмотрел на него.

— Почему? А?

И вдруг понял, что слышу.

Зенитки били где-то далеко, на других кораблях.

И все?

С палубы длинно и шумно скатывалась волна. Тут же через борт хлестнула новая. Она уже добиралась до моих сапог, а я зачем-то отступил, а все равно весь мокрый...

В пустом небе таяли последние черные клубки разрывов. Они таяли быстро, а облака ползли медленно.

Все!..

Тогда я огляделся, увидел море и корабли.

Навстречу нам шел океанский транспорт. Мы сближались.

Корабль выросал на глазах, громадный и легкий, четко очерченный в сером свете утра. Наш катер мотало на волнах, а он казался неподвижным — только увеличивался, и под форштевнем вспыхивала пена. Она белела на фоне черного корпуса, исчезала и взрывалась опять... С каждой минутой я открывал что-нибудь новое. Надстройки корабля были такие же белые, как пена, а желтые мачты словно покрашены солнцем. В овалах клюзов застыли лапы якорей. В передней части корпуса светлели выпуклые нерусские буквы.

«Джесси Смит», — прочитал я.

Буквы превратились в звук, звучание имени — в свет. Корабль явился целиком...

Это было неожиданно, похоже на волшебство.

По щекам у меня сползали струйки пота. Я почувствовал их теперь, когда они стали остывать на ветру. Посмотрел, улыбаясь, на Кравченко.

— Новенький, со стапелей недавно, — кивнул он.

Да, те, кто строил корабль, тоже видели его таким, каким он явился нам в море. Иначе как бы они могли его построить!

За «Джесси Смит» шли другие транспорты, их было много.

Занимали свои места корабли охранения. Один из английских эсминцев спешил в нашу сторону. Темно-серый, с резким белым бугорком под форштевнем, он красиво вписывался в такой же темно-серый пласт моря, и на мостике его весело мигал голубоватый глазок сигнального прожектора. Морзянка... Жалко, что могу принимать ее только на слух!

— Что они пишут? — обернулся я.

Позади стоял боцман. Его широкое лицо было красно от ветра, глаза округлились. Он не ответил.

— Сигнальщик! — звонко позвал командир. — Передайте на эсминце: «Считаю возможным спасти корабли!»

Какой корабль? Почему спасти? Кого?

Я завертел головой, увидел — теперь справа от нас — «Джесси Смит». И вздрогнул: она, кажется, горела... То есть пожар только начинался. Дым клубился на юте. Его сбивало ветром — косо, к воде. Но людей на юте не было. Они почему-то толпились у шлюпбалок.

Полным ходом к транспорту шел английский эсминец. На помощь?

— Эсминец не отвечает! — доложил сигнальщик.

— Передавайте! — упрямо сказал командир. — Переводчик у них есть. Поймут! Передавайте: «Спаси корабль и грузы, предназначенные для Красной Армии, считаю необходимым!»

«Джесси Смит» стояла. Под форштевнем корабля теперь не взрывались волны. Они бестолково толпились вдоль борта, а на них уже попрыгивали спущенные шлюпки. Люди рассказывались быстро. Вскинулись весла.

Шлюпки двинулись навстречу эсминцу. Он прошел мимо. С мостика людям в шлюпках что-то крикнули. Опять замигал прожектор.

— Отвечает! — обрадованно выкрикнул сигнальщик. — «Выполняя ин-струкцию британ-ского ад-ми-рал-тейства... В целях безопасности... каравана... за-держиваться нельзя!»

Закончил он другим голосом, виновато.

Эсминец стоял борт к борту рядом с транспортом. Люди быстро спускались по трапу, по канатам, прыгали на его палубу. Потом он двинулся к шлюпкам и снял людей оттуда. И полным ходом — прочь. Пустые шлюпки остались позади. До них дошла пена буруна. Они закружились. Весла, брошенные в уключинах, болтались вразброд.

А на юте транспорта вырвался огонь, очень яркий, медовый. Ветер уже не справлялся с дымом.

Я дернул боцмана за рукав.

— Командир-то!

— Что?

— Ранен?

Такое у него было лицо: бледное и неподвижное от боли.

— Помолчи...

Боцман стал закуривать. Прикрыл огонь огромными ладонями, наклонился.

Шумело море. Когда долго слышишь, как оно так шумит, становится тихо, пусто. Все погрузилось вдруг в холодную шумящую пустоту: эсминец — он полным ходом шел от транспорта... Опять замигавший глаз прожектора... Голос сигнальщика: «Товарищ командир, предлагает отойти на безопасную дистанцию». Эсминец мигал сигнальным прожектором, остановившись на порядочном расстоянии от «Джесси Смит», а между ним и горящим кораблем мотались пустые шлюпки.

Резко хлопнула крышка люка.

Я очнулся. Командира над рубкой не было. Он, наверное, стоял теперь внутри, около рулевого. Катер накренился разворачиваясь.

А огонь на юте «Джесси Смит» пропал! Даже дым почти исчез. Но вдруг пошел густо, окутал мачты. Потом его опять сбило ветром.

На гафеле покинутого корабля бился английский флаг.

Наш охотник разворачивался, и мне видны были темные волны слева от «Джесси» — волны, волны, и все. А потом — пустые шлюпки, уже разбросанные и затерявшиеся в волнах. И узкое тело эсминца.

Я не сразу заметил тонкую пенящуюся ниточку, протянувшуюся от него прямо к «Джесси Смит», а когда заметил и

понял, что это след торпеды, точно посередине борта транспорта вырос высокий, ослепительно белый водяной столб.

Звук тупой, больно ударивший по ушам, пришел позже.

Корабль разломился надвое. Его как растянуло, разорвав посередине. Одно мгновение корма и нос, казалось, стояли на плаву, отдельно друг от друга, потом начали подниматься...

Я пристыл к палубе и еще ждал чего-то, сам не зная чего, — нетерпеливо и мучительно, как, бывает, ждешь, что будет больно.

Корма и нос встали почти вертикально, желтые мачты скрестились. Они сломались легко, как спички.

...Наши стояли без шапок.

Я тоже стянул свою и увидел, как в дыму, в клубах пара корма и нос одновременно скользнули вниз. И исчезли. И еще я видел, как на том месте вскинулась вода, опала и со всех сторон туда хлынули волны, все заливали, будто там ничего и не было!

Меня заколотило.

— Понятно?

В глаза боцмана смотреть было трудно. На лбу у него слиплись светлые волосы.

— Мне непонятна инструкция адмиралтейства! — выпалил я, стараясь не стучать зубами.

— Лорд какой... Запрос пошли. — Он ткнул сапогом пушту гильзы от снаряда. — Лорд!

Надо было бежать к орудию — опять летели «юнкерсы». Один уже пикировал на нас, в небе вокруг него мелькали медовые капли «зажигалок», они сыпались вниз — много-много! Но в кубрике ничего не знали, там спокойно разговаривали, я слышал... Эй, в кубрике! В кубрике!.. Не слышат, поздно. Мы стали проваливаться в какую-то глубокую воронку, по краям ее бешено крутилась пена, а на дне мелькали заляпанные листки бумаги. Я понял, что никогда не видел ничего страшнее, чем эти листки. Не мог даже крикнуть, пошевелить пальцем... Рот боцмана кругло открывался: «Инструкция британского адмиралтейства!»

Очнулся я весь в испарине.

В кубрике разговаривали.

Качало. Было жарко — я ведь лежал одетый. В Костиной койке.

Но почему они разговаривают? Как можно сидеть в кубрике и разговаривать, когда опять летят? Нет, это кажется.

Я не открывал глаз и старался убедить себя, что все в порядке. Напрасно. Чем больше старался, тем лучше понимал, что сердце у меня перестанет прыгать только на берегу. Только там. Засыпать было страшно: опять чувствовать, что ты беспомощен, вдавлен в койку — ни крикнуть, ни пошевелиться... Нет, спать я не мог. Но и так все время вслушивался, вздрагивал, когда что-нибудь стучало на палубе... Это пройдет, должно пройти!

С трудом вспомнил, как заснул. Федор отослал меня отдыхать, а в кубрике сидел боцман. Он ни о чем не спросил, кивнул на Костину койку: «Ложись сюда». Я обрадовался, лег.

Прямо перед лицом оказался иллюминатор. Совсем близко за толстым стеклом мелькнул гребень волны, потом катер ухнул вниз — иллюминатор темно залепило. Хотел еще раз посмотреть и не смог, словно провалился куда-то.

Ложками стучат... Обедают.

Я сглотнул слюну. Встать? Они увидят мое лицо и догадаются.

— Команду, говорит, корми. А сам отказался, — услышал я голос кока.

— А тебе не понятно?

Это боцман.

— Так ведь он не ел ничего!

— Не ел... Накорми! Командира накормить не может. Кок...

— Я же говорю — отказался. И дверь не отворил.

— А лезешь?

— Тьфу!

— У юнги и то понятия-то больше, — проворчал боцман. — «Ранен, — кричит, — командир!»

— Я сам, как увидел эти шлюпки, так по душе скребануло! — сказал Гошин.

— «Скребануло»...

Они долго молчали.

— Я думал, его семья в бомбежке погибла, — негромко проговорил Кравченко. — Боцман, ты знал его жену?

— Дочка смотрителя маяка на мысе Йоканка, — ответил боцман. — Североморка.

— И сын большой?

— В школу должен был идти. Девочке три года.

Я чуть приоткрыл глаза, смутно увидел круг иллюминатора. То потускнеет, то выяснит... Ждал.

Боцман снова заговорил:

— До войны, помню, жена его часто на корабль приходила. Работала-то рядом, около порта. Знаешь, придет, бывало, глянет так — скомандовать охота что-нибудь такое!.. Она в последний момент, рассказывают, встала — «Интернационал» запела.

— Я как увидел сегодня эти шлюпки... — начал Гошин.

— Ты сейчас пойди, — сказал боцман. — Может, поест.

— Пойду.

Хлопнула крышка люка.

— А кто рассказал? — спросил Кравченко.

— Двое спаслись. Всего-то двое из тридцати. Все семьи маячных служителей да рыбаков. Ребятыя. Летом-то они у родных гостили, лето было хорошее... И война. Их на «Бризе» эвакуировали в Архангельск. «Бриз» — то суденышко вспомогательное, скорлупа, а тут два эсминца — да из орудий по нему... «Бриз», когда стал тонуть, шлюпки спустил. Переполненные они были...

Вернулся Гошин. Повозился, глухо сказал:

— Нет.

— А лезешь...

— Что ты за человек, Пустошный!

— Поговорили, — ответил боцман.

Я смотрел во все глаза на иллюминатор. А видел шлюпки, о которых рассказывал боцман. И два фашистских эсминца...

— Туман, знаешь, был, из тумана эсминцы и вышли. Один прикрывать остался, по инструкции, сволочи, действовали... А второй, он мимо этих шлюпок — и всеми пулеметами. Вот так близко прошел! Волну поднял, она шлюпки захлестнула. ...Волны, волны. И все. Будто там ничего и не было.

И я точно знал, что не сплю.

— Флот у них есть — моряков нету! — сказал Пустошный. — По детям-то... — Потом добавил: — Юнгу разбудить надо, пусть порубает.

Я закрыл глаза. «Порубает». Будто ничего и не было!

— Как увидел сегодня весла вразброд... — начал кок.

— Юнга! — рявкнул боцман. — Федора кто на обед подмять будет?

— Есть...

Я выбрался из койки и стал натягивать сапоги.

Гошин налил мне супу.

Надо было обедать. Потом идти на вахту, сменить Федора, чтобы он тоже поел. Все просто. Я чувствовал себя так, словно потяжелел сердцем, и старался не притрагиваться к нему, не вспоминать, потому что сейчас это только мешало бы. Что-то во мне занемело.

— С боевым крещением, — сказал Кравченко.

— Малость понюхал... — Боцман задумчиво глянул на меня. — И усы-то не припалило.

— А где у него усы? — спросил Гошин.

Я отмахнулся:

— Ладно вам!

И подумал опять: вот сижу, разговариваю... Завтра, может, снова в море пойдем.

Никогда так не было ясно, что впереди.

Но на другой день мы отвели наш катер в док, на капитальный ремонт. Ночевали в Мурманском флотском экипаже. Там формировалась спецкоманда, отправлявшаяся в Америку за «большими морскими охотниками».

Спал я крепко, без снов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Нейптаунском порту, с какао на борту
«Жанетта» оправляла такелаж...

Наши стояли у подъезда, разговаривали с американскими и французскими моряками. Из окна с третьего этажа видны были бескозырки в белых чехлах, а вокруг и кое-где вперемежку с ними — шапочки-панамки американцев и береты французов. Хотелось свистнуть, чтобы кто-нибудь из наших посмотрел на меня.

Но я не свистнул, и бескозырки двинулись, покачиваясь, в сторону набережной. Замелькали, колыхаясь, кончики широких брюк. Помпоны и береты разбрелись: одни пошли с нашими, другие — к центру города.

Улица опустела.

Лежать было неудобно — планка подоконника давила в

ребро. А я все смотрел. Наползали сумерки. Вспыхнули ярко-голубые неоновые буквы — название отеля. «Альказар» будто подвсплыл над асфальтом и стал похож на корабль, отдавший якоря. А матросы сошли на берег...

Я вздохнул, выпрямился и, потирая ребра, оглядел кубрик. Номер мы само собой называли кубриком...

Свет еще можно было не зажигать. Мне почему-то казалось, что, если зажечь, будет совсем неуютно и тоскливо. А прохладней не станет. В жару окна закрывали тростниковыми шторами: это помогало, но к вечеру в номере все-таки наслаивалась духота. Сейчас она к тому же припахивала каленным утюгом и одеколоном. В субботу в кубрике всегда так пахнет.

Даже в тропиках. Даже за океаном. Даже в городе Майами, штат Флорида, черт подери...

В Кейптаунском порту, с какао на борту
«Жанетта»...

Противно слушать свой голос, когда в кубрике пусто. И я только теперь заметил, как здесь голо и просторно. Койки стоят в одной стороне, в простенках между окнами. Аккуратно, в линейчку, белеют квадраты подушек. Стол посередине... Кубрик! Можно, конечно, и так. Но во всем отеле дневальных никто, кроме нас, не назначает. Никто!

Я сел за стол и принялся строить из костяшек домино небоскреб.

Увидел бы меня сейчас Костя. За окнами — пальмы, а я даже не смотрю туда. Ну и что? Федор жил когда-то в Ялте, говорит — там так же.

Завтра в это время тоже пойду в город. Обязательно посидим с ребятами в том баре, где все стены — голый кирпич, а на потолке, как бимсы на корабле, выступают квадратные деревянные балки. Там прохладно и пиво всегда холодное. Пиво в Майами отличное, это да. Наши все так считают. Я тоже, хотя сравнивать не могу: до войны, когда мы с отцом ходили в баню, он после мытья всегда брал себе кружку пива, а мне стакан морса. Завтра в это время буду тянуть пиво и поглядывать, как бармен в белой жилетке орудует бутылками и как ловко вскрывает ножом устриц. Просунет лезвие между створками, повернет, взрежет что-то — и готово: раковины раскрываются, на перламутре, как на блюдце, нежное розоватое мясо.

Небоскреб мой рухнул.

Я принялся строить его снова... Нет, удивительно все-таки: ну, мог ли отец тогда подумать, что через каких-нибудь пять лет я буду тянуть пиво в Майами, штат Флорида!

Мы в Сандуны с ним ходили. Там бассейн — я учился плавать. А теперь вон куда заплыл...

За окном возникла музыка.

Вскрикнула труба, заметалась, требуя, почти плача, ей было невыносимо, на таком всхлипе она вдруг смолкла, что у меня по спине поползли мурашки. Я бросил на стол шестерочный дупель, которым хотел увенчать небоскреб, и подскокил к окну.

Улица была пуста. Но в доме напротив на втором этаже — чуть ниже от меня и правее — ярко светились широкие окна. В одном из них я увидел сцену, а на ней...

Интересно, кто вчера дневалил? Андрей, кажется. Да, точно. И ведь не сказал ничего!

Танцовщиц было пятеро. Смуглые, длинноногие, в ярко-красных коротких юбках, они пристукивали каблучками, переступали с ноги на ногу и весело работали локтями. Красиво. Жаль только, видно было их со спины.

Я забрался на подоконник с ногами, устроился поудобнее.

Танцовщицы вдруг повернулись и, поводя коленями, улыбаясь, работая локтями, двинулись в глубь сцены, прямо в мою сторону. Все пятеро. Потом разошлись в разные стороны — застыли.

И вышла одна... Она была в чем-то черном, блестящем, только белые руки открыты, и когда шла, мелькала нога, тоже белая. Волосы у нее были золотистые.

Пятеро теперь встали так, что я не видел ее.

Она пела, слышен был ее голос — низкий, с какой-то ленивой хрипотцой. И все повторялись какие-то звонко-тягучие слова, что-то вроде: «лонг-тайм агоу»...

Мне хотелось увидеть ее опять. И я дождался — танцовщицы расступились. Блондинка шла в глубь сцены. Она вскинула лицо — внимательно посмотрела на меня. Нет, почудилось, конечно!

В кубрике вслыхнул свет.

Я скатился с подоконника и вытянулся по стойке «смирно» — в дверях стоял боцман. Я вытянулся так, как никогда перед ним не вытягивался.

Вернулся... Он был такой торжественный в «форме раз», во всем белом. А ресницы совсем на солнце выгорели в штате Флорида... Иди кажется так — лицо стало коричневым. Чего он вернулся?

Пустошный сопел.

Потом двинулся прямо на меня. А смотрел так, будто я и не стоял здесь, — навывлет. Я отступил в сторону и прищелкнул каблучками.

Боцман остановился у окна. Шея у него стала медленно багроветь — даже через загар было видно. Наверное, они там опять повернулись...

Я, не дожидаясь команды, расслабил колено — принял положение «вольно». И не утерпел — заглянул через его плечо.

Блондинка стояла у окна. Подняла руку, помахала... Нам, точно! Я отвернулся, стал поправлять на ближайшей койке идеально запроваленную подушку.

— Вот дает!..

И неожиданно уткнулся в подушку носом.

— Чего пялиться-то на обезьянник... — Боцман рванул шкерт, и тростниковая штора с шумом упала, закрыв окно. — На макак всяких... — Он шагнул к своей тумбочке, нагнулся и вышвырнул на середину комнаты полотерную щетку. — Чтоб... как яичный желток! Понятно?

Дверь за ним хлопнула с треском.

Щетка еще вертелась на скользком паркете, а у меня ныл затылок от боцманской затрещины. Я подождал, пока щетка перестанет вертеться. «Жанетта» оправляла такелаж!»

Ладно. Сел на койку и стал расшнуровывать ботинок.

Поставил его, стянул носок. Пошевелил пальцами. Песку-то! С пляжа остался. Как ни вытряхивал, а остался... Майами-бич пляж называется. По-английски.

Подошел, вцепился в щетку скрюченными пальцами. И танцевал.

Ладно, переживать не будем... «Нам сказали — мы пошли». Ничего особенного. Андрей, конечно, тоже смотрел. Но ему можно, а мне нельзя.

Щетка ударилась углом в плинтус и выскользнула из-под ноги. Я остановился. Жара липла, как мокрая тельняшка. За окном приглушенно вякал джаз. Штора опущена. Ладно...

Что ладно-то? Что?

Драить здесь палубу... Какую, к черту, палубу — натирать в номере паркет! Нашел работу... Боцманская его душа иначе не может — вот это мне «понятно»! «Чтоб как яичный желток!» Никакого желтка не получится — мастика ведь темная. Окно закрыл, чтобы не смотрел. Кому-то можно, а мне нельзя. За нравственность мою опасается. Оберегает!

Я сплюнул на паркет и обутой ногой изо всех сил напододал по щетке. Она отскочила от противоположной стены, ударила по ножке стола — рухнул мой небоскреб! Оберегает? Хорошо...

Сел на койку, надел ботинок, зашнуровал его, как футболист бутсу, — накрепко. Поднял штору и забрался на подоконник. Сначала смотрел — ничего не видел. От злости. Потом разглядел кое-что. Та золотоволосая появилась снова. Но не на сцене, а в окне рядом, которое раньше было темным и вдруг осветилось. Она тоже меня заметила — опять помахала рукой.

Я ухмыльнулся. Тогда она отошла немного от окна — теперь я видел ее всю — и стала снимать платье.

У меня закружилась голова — как от первой сигареты. Я сполз с подоконника. Опустил штору. Добрался до койки и лег.

Устрица несчастная!

Было очень одиноко. Я лежал и думал: когда мы с отцом ходили в баню, он, конечно, знал, что через пять лет я тоже буду пить пиво. Все к черту перепуталось...

Я лежал долго, пока не услышал, что наши возвращаются. Наконец-то! Встал, разгладил койку, подошел к столу и сложил в коробку домино.

Первым вошел Кравченко. Он сразу взялся за коробку, высыпал костяшки на стол и уселся.

— Федя, давай! Кто еще «в козла»? Сейчас мы вам адмиральского. — Обернулся ко мне: — Дневальный, подними штору — жарко!

Я стал смотреть в сторону.

— Савенков, не слышишь? О чем задумался?

— О положении негров! — сказал я, глядя на боцмана. Он стоял в дверях — громадный, торжественный такой в

«форме раз» и смотрел на меня внимательно, щуря свои ресницы.

— На место щетку-то положи...

— Есть!

Щетка лежала под столом. Игроки в домино уже уселись. Нагнувшись, я увидел их ботинки, четыре пары. Вели они себя по-разному: елозили от азарта, постукивали в такт джазу, шевелили носками, стояли спокойно. Елозили у Кравченко — вот уж не думал, что он такой заядлый! Беда, если проигрывает — сразу бросается доказывать: «У тебя, кроме дупля, три—пять было? Было! Вот если бы ты ее поставил, тогда Феде пришлось бы проехать, я бы отдуплился двоечным, он бы поставил два — пусто, ты бы дал мне, я бы закрыл... мы бы выиграли!»

Я положил щетку под тумбочку боцмана. Огляделся незаметно. Номер теперь, когда все пришли, стал похож на кубрик, даже потеснел вроде. Каждый занимался своим делом. На меня никто не смотрел.

За столом царило напряженное молчание, только стучали костяшки домино. Потом смолкли.

— У тебя три—один было? — начал закипать Кравченко. — Почему не ставил? Тогда бы...

— Смирно! — скомандовал я.

В дверях стоял командир.

— Газеты, товарищи, — сказал он и шагнул к столу.

«Вольно» так и не пришлось скомандовать — все сразу окружили капитан-лейтенанта, и он стал раздавать газеты. Я стоял в стороне — дневальному не положено. Смотрел на них. Дед Мороз и дети... Месяц наших газет не видели!

— «Комсомолочку» мне, — окал Пустошный. — «Комсомолочку»!

— У тебя «Правда»? Потом поменяемся, понял?

— Я сам еще не читал, — говорил командир. — Сразу сюда.

— Может, вслух? — предложил я.

— Подожди ты! — сказал Андрей.

Интересная получилась политбеседа: пристроились кто куда, и — полная тишина. Только газеты шелестят... Командир сидел за столом, читал. Я боялся даже ходить по кубрику. Стоял, чтобы не мешать. Прислушивался к этой тишине; она, казалось, прибывала незаметно, как прилив, и была уже не просто тишиной: в ней пахло нагретым железом, качалась сырая мгла, палуба уходила из-под ног, и было так здорово холодно! Еще с того дня, когда мы возвращались в базу в составе конвоя, когда я выбрался из Костиной койки и стал натягивать сапоги, а Гошин налил мне супу, я, сам толком не зная почему, не трогал то, что мне помнилось. Теперь понял, почему не трогал, — слишком дорого! Двое суток на корабле, из них почти сутки в море. «Усов не припало», — сказал тогда боцман. Да что он понимает? Если бы не это в моей жизни, что тогда в ней было бы ценного?

— Кравченко, Женька! — сказал вдруг Федор.

— Я вижу, — негромко отозвался Кравченко.

Все повернули головы к нему.

— Деревня Сердюки освобождена, товарищ командир, — сказал боцман.

Капитан-лейтенант кивнул, глядя на Кравченко.

— У вас кто там оставался?

— Мама, — сказал Кравченко. И добавил: — Из Мурманска можно было бы написать, узнать, как она.

А здесь нельзя... По всяким там военно-цензурным соображениям. Я посмотрел на командира. Он что-нибудь придумает. Он все может.

Но капитан-лейтенант молчал.

Через полчаса, сдав дневальство, я тоже читал газеты, а потом, после отбоя, долго ворочался в темноте, сбив к ногам горячую простынь.

Сочинял письмо.

«Костя, привет!

Пишу тебе из Майами, штат Флорида. В переводе с испанского Флорида — значит «цветущая». Тропики, сам понимаешь... А Майами — это город-курорт, вроде нашей Ялты. Видишь, куда нас завезли.

Сегодня узнали, что деревня Сердюки освобождена. У Женьки Кравченко там ведь старушка мать оставалась, а он даже написать отсюда не может, узнать, жива ли...

Но расскажу тебе, как здесь.

Сначала-то мы пришли в другой порт — на границе с Канадой. Оттуда пультманом ехали через все Штаты в Майами.

Заниматься приходится много. Ведь вся аппаратура и оружие на катерах незнакомые. Американские. Боцман и тот потеет. Отметок нам не ставят, а то он бы двоек нахватал... (Это надо зачеркнуть.)

Поселили нас пока — до получения катеров — в отеле. Тут, кроме нас, американские моряки живут. Неплохие в общем ребята. Сувениры любят. Но это ты знаешь, они и в Мурманске за сувенирами охотятся.

Ходим в «форме раз». Стирать приходится все время... Зато как дадим строем по улице — весь город из баров высыпает, честное слово! Понимаешь, в чем дело, — американские моряки вообще строем никогда не ходят. Ну, а нам смешно смотреть, как они, например, в столовую идут... Кучей.

Столовая в другом конце города, вот и представь себе: мы три раза в день туда и обратно, да с песнями. И «Варяга», и наши североморские... Мэр города просил наше командование объяснить от него лично и от жителей Майами благодарность русским морякам за прекрасные песни! Представляешь? Не знаю вот, в карточку поощрений и взысканий внесут нам эту благодарность?

...Здесь, в Майами, отличный пляж — Майами-бич. Километра три шириной, а в длину и конца не видно. Песок белый и мелкий-мелкий — ни за что из носков не вытряхнешь. И представь себе такую картинку: мол выдается в океан, а там на посту сидит матрос со свистком. Как увидит акулий плавник в воде, свистит что есть мочи, и все, кто ку-

пается, сразу — шурух на берег! Свисток — и ни одного человека в воде... Представляешь?

Акулы в общем есть.

Ну, пиво отличное. Бананы. Мы их с молоком едим — вкусно. Бананы сюда привозят с Кубы, морем. Она ведь тут недалеко. Командир говорит, что, когда получим катера и будем их испытывать, может, и в Карибское море пойдем.

А когда мы сюда приехали, вот что было. Два местных миллионера каких-то поспорили... Наши войска стояли под Выборгом, а англичане — под Тобруком. Вот эти двое заключили пари — кто первый, наши или англичане, возьмет город. То есть Выборг первым будет освобожден или Тобрук? Ну, тот, который ставил на англичан, проиграл. А выигравший с радости закатил бал в городском парке — для русских моряков. Пиво, бутерброды, и на машинах с окрестных ферм фермерских дочек привезли — танцевать с нами.

Я танцевал с одной... Папа энд мама ее сидели на скамейке и улыбались, как жениху. (Все вычеркнуть!)

Ну, в общем ничего особенно интересного.

Тут, в Майами, есть негритянский квартал. Шлагбаумом отгорожен. Командир предупредил нас: мы, мол, в гостях, и нечего соваться со своим уставом... В общем в негритянский квартал ходить не рекомендуется. Боцман, правда, ходил. Вместе с Федором. Федя мне и рассказал. А работают негры на самых унизительных местах — швейцарами например. Прислугой в общем.

У нас все по-прежнему. Тебя ребята вспоминают часто. Это, правда, не Ливерпуль, но, как ты говорил, «все равно»...

Да, забыл совсем. В столовой у них и, говорят, даже на кораблях, на камбузах, бачковых нет. Берешь поднос — и к окнам на выдачу. А там коки стоят — человек десять, представляешь? И один тебе полстакана сока на поднос ставит, другой — хлеб, третий — суп, четвертый — котлету, пятый — картошку, а шестой — подливку к ней... последний — послеобеденную сигару!

И идешь с этим подносом к столу, садишься — рубаешь.

Но я тебе не об этом даже хотел написать. Понимаешь, ничего особенного... Ждем, когда будет команда получать катера, испытываем их, освоимся — и домой.

Видел недавно, как в порт входил американский авианосец — ну, громадина! Радаром солнце закрыл... Представляешь?

Радиотехнику нам Джон Рябинин объясняет. Имя Джон, а фамилия что ни на есть русская. Сын эмигранта. У него машина шикарная, белая вся...

Я при командире сейчас вроде как вестовой. Он меня всюду с собой берет. Были с ним недавно у американского начальства. У коммодора Прайса. Коммодор — это американский капитан первого ранга. Но, по-моему, этот Прайс больше дипломат, чем моряк. По глазам видно. У него каждый взгляд отработан. Я заметил. Взглянет на меня — щелк: что-то там выключится, и глаза пустые, будто не ви-

дят. На нашего атташе — щелк: вежливая улыбка, внимательность; на своего офицера — щелк: строгость или, бывает, ухмылка.

Но когда он смотрит на командира, у Прайса человеческие глаза. С удовольствием смотрит... И по-настоящему, знаешь, внимательно. Заинтересованно.

Мне это понятно: видишь особенного человека — всегда хочется разгадать, что в нем за секрет. Правда ведь?..»

Днем бараки из гофрированного железа, в которых мы занимаемся, раскаляются так, что дышать нечем. В проеме двери виден бело-желтый, залитый солнцем песок, бетонная лента шоссе, темно-зеленый кустарник, а за ним — выпуклый бледно-голубой горизонт — океан. Жара такая ослепляющая, что даже цвет кустарника перестаешь различать — сначала он кажется черным, потом просто режет глаза, и все. Но океан голубеет.

Если подольше посмотреть туда, в проем двери, то, обернувшись, в помещении с минуту ничего не видишь. Постепенно только начинаешь различать самые заметные части аппаратуры, но прежде всего — безукоризненно белую сорочку Джона Рябина. Он тут акклиматизировался, ему жара нипочем. Не видел еще на лице Джона ни одной капельки пота. И сорочка, даже под мышками, у него всегда свежая.

К вечеру, после пяти, голубая полоса океана густеет, а перед дверью ложится недлинная тень от барака.

Занятия кончились, но мы с Федором решили еще покопаться в радиолокаторе — кое-что неясно, и Джон остался.

Федор слушает старательно, я вижу: у него в таких случаях на скулах начинают ходить желваки. Потом говорит удовлетворенно:

— Ага, понял!

— Ага! — подхватывает Джон. — Прекрасно остроумная схема, не правда ли? О, американская техника это может, иес!

— Ес-ес, — торопливо соглашается Федор. — А этот блок?

— Этот блок... — Джон начинает объяснять. — Тут создается магнитное поле...

— Магнитное, — ~~по~~правляю я.

— Виноват... Магнитное поле.

Федор смотрит на меня: мол, поделикатнее надо.

— О! О! Нет проще репы — один блок в этом ящике, запасные части — вот. Пять минут — ол райт — все готово. Не правда ли? Американцы это могут отлично!

Все говорит, говорит... Когда он говорит, я в этих блоках и схемах ничего понять не могу, смотрю на него и думаю: «А сам-то ты кто?»

Отсюда океанский прибой не виден. А он хорош!.. Длинные мощные гребни идут издалека. Если лечь на песок — кажется, они возникают на той стороне океана...

— Ты куда смотришь? — спрашивает Федор.

— Да я слушаю.

— Атлантический океан! — говорит Джон. — Это прекрасный океан. Флорида — прекрасное место на земле. Не правда ли? У меня есть отличная яхта...

Я смотрю на него и, когда глаза привыкают, вдруг спрашиваю:

— Хорошо вам здесь?

Федор ест меня глазами — ему бы все в схемах копаться.

Джон улыбается:

— О да. Очень. Мне повезло во всем. Америка — страна великолепных возможностей, и она никогда не была для меня мачехой. Я имею пост ведущего инженера на очень крупном заводе фирмы, отличная работа, не правда ли? — Он говорит сейчас почти без акцента, улыбаясь белозубо и спокойно.

Но я вдруг замечаю, что на лбу у него выступили мелкие бисеринки пота.

— Женаты? — зевнув, подключается Федор.

— О да. Я уверен, что лучшая жена...

Джон достает пачку сигарет, протягивает нам и щелкает зажигалкой.

Я тоже наклонюсь прикурить, но Федор выдергивает сигарету у меня изо рта и деликатно объясняет Джону:

— Ему не надо привыкать, он не курит.

Джон кивает, затягивается. Улыбается. Потом, словно спохватившись, достает платок и тщательно вытирает лоб.

Мы выходим из барака. Сразу становится легче дышать.

У края шоссе стоит наш боцман. Ему что-то объясняет американский моряк. Жестикулирует. Сошлись... Наверно, по габаритам друг друга заметили — оба высоченные, здоровые. Американец хохочет, толкает боцмана в плечо — тот как глыба.

Со всех сторон к ним подходят моряки, наши и американские. И мы с Федором. Джон пошел было к своей машине, но тоже заинтересовался.

Американец, не переставая, говорит, показывает боцману наручные часы.

— Да что ты мне «бест», «бест»! — Пустошный достает из кармана свои. — Наши-то «Кировские» чем хуже?

— Позвольте перевести, — улыбается Джон. — Тони говорит, что гордится своими часами, которые лучшие в мире. Они заводятся сами, не боятся воды и пыли, а также имеют противоударное устройство.

Пока Джон переводит, этот самый Тони смотрит, не отрываясь, на боцмана, кивает и растягивает в добродушной ухмылке толстые губы. А боцман недоверчиво косится на Рябинина.

— Как это — противоударное? Бить их, значит, можно? А пусть вот на бетон-то бросить попробует...

Джон переводит.

Тони теперь озирается, очень довольный, и опять что-то быстро-быстро говорит.

— Пожалуйста, — оборачивается Джон к боцману и че-

нанит с таким видом, будто делает невесть какое важное дело. — Тони согласен бросить свои часы на это бетонное шоссе с высоты роста... вашего общего. Но при условии, что вы тоже бросите свои... «Кировские».

Эх, боцман, боцман! Авралить на палубе — это да, а дипломат из тебя никудышный... И чего сунулся с часами? Нарвался теперь.

— Понятно, — говорит боцман. — Пусть он первый бросает.

Американец снимает с руки квадратные, плоские, небольшого размера часы в золотой оправе, держит их за ремешок в пальцах вытянутой руки.

Матросы, загомонив, расступаются. Молчание.

Тони разжимает пальцы, часы глухо звякают о бетон и...

Ничего не вижу — все разом сбиваются в кучу. Я пролезаю у кого-то в ногах, поднимаюсь. Американец держит разбитые часы около уха, грустно мотает головой.

— Что? — спрашивает боцман.

— Да. Не уцелели. Не идут, — констатирует Джон. — Теперь вы.

— А ну, разойдись!..

Боцман все проделывает так же.

И опять все в кучу. На этот раз я и в ногах пролезть не могу.

Расступаются. Боцман показывает часы американцу.

— Понятно? Идут, послушай! Лучше слушай-то... А то «бест», «бест»!.. Бестолочь ты, бросать надо уметь, понятно?

Тони внимательно слушает, потом хлопает себя ладонью по лбу и начинает хохотать... Хороший парень, честное слово!

— Ребята, — вдруг совершенно по-русски спрашивает Джон, — а среди вас из Николаева есть кто-нибудь? — И добавляет, тоже вроде бы по-русски: — Мои родители имели там дело.

— Какое дело? — спрашивает кто-то.

Мы идем прочь.

В кубрике Пустошный достает из кармана свои «Кировские», кладет их на стол, потом еще одни, точно такие же, но с треснутым стеклом.

— Не идут... Починить придется.

— Какие ты бросал? — спрашивает Федор.

— Родительские. Эти-то я за шлюпочные гонки получил, их жалко.

Все смеются довольные, а я смотрю на Пустошного — дипломат!..

(Продолжение следует)

РОБЕРТ ХЕЙНЛЕЙН

ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН

Фантастический рассказ

Рисунок В. НИКОЛАЕВА

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом тяжелого меднокадмиевого панциря.

— Какого черта, док?

Оба смотрели друг на друга, как два гладиатора, ожидающих только сигнала к бою. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла контрольного зала к ним приблизилась третья фигура в панцире.

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначается вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, казалось, что все происходящее его нисколько не касается. Инженер, которого подменил Эриксон, положил гаечный ключ на место.

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Может быть, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — комплексным атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибся в эту сторону, ибо в этом деле заскоки недопустимы, потому что любой заскок может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе, как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. И это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы — его пригласили для проверки психической реакции персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыв тысячи таких бомб — его разум отступал.

Возможно, инженерам-атомникам это удастся. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они живо представляют себе, какое непостижимо ужасающее чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного, что их преследуют и страх и искушение...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя.

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось отстранить Харпера.

Силард уловил подозрительный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда и белые мыши, вроде вас, тоже взрываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже, — сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения: его сопло, извергая поток розогнанных до немыслимых скоростей элементарных частиц на бериллиевый стержень в центре самого реактора, исчезало за вторым щитом, расположенным между ускорителем и реактором. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестойкие изотопы — в процессе радиоактивного распада и цепной реакции, в свою очередь, делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая энергию чудовищную и невообразимую, — это превращение было самым важным и самым рискованным.

Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки

нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и, в свою очередь, вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуправляемое мгновение, в одну микросекунду перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил все известное человечеству, что представить его было немислимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

И тем не менее для того, чтобы промышленный атомный реактор работал, реакцию атомного распада необходимо было поддерживать на грани атомного взрыва. Бомбардировка ядер урана нейтронами бериллиевого стержня забирала гораздо больше энергии, чем ее высвобождалось при первичном делении. Поэтому для работы реактора было необходимо, чтобы каждый атом, расщепленный нейтронами бериллиевого стержня, в свою очередь, вызывал расщепление других атомов.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно затухала. В противном случае вся масса урана взорвалась бы за такой ничтожно малый промежуток времени, что его невозможно было бы измерить никакими способами. Да и некому было бы измерять.

Инженеры-атомники контролировали работу реактора с помощью «триггеров» — слово, под которым подразумевался линейный резонансный ускоритель, бериллиевый стержень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники энергии. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена — вернее, была укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе сейчас, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика. Инженеры походили на птиц, летящих хвостами вперед: они видели путь, который уже пролетели, но никогда не знали, где они находятся в данную секунду и что их ждет впереди.

И тем не менее инженер и только он один должен был обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не перешла критической точки и не превратилась во взрыв.

А это было невозможно. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог работать с полной отдачей, используя весь свой опыт и глубочайшие технические знания, чтобы свести роль случайности до математически допустимого минимума, однако слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют в царстве элементарных частиц, могли в любой момент обратиться против него и обмануть все его самые тонкие расчеты.

И каждый инженер-атомник это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни. Потому что никто не мог толком предугадать, во что выльется такой взрыв. Наиболее консервативно настроенные ученые счи-

тали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный железнодорожный узел на линии Лос-Анжелос — Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой и было получено разрешение на установку промышленного реактора, основывалась на математических выкладках Комиссии по атомной энергии, предусматривавших, что масса урана дезинтегрируется на молекулярном уровне, — таким образом, процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет к взрыву.

Однако инженеры-атомники в большинстве своем не очень-то верили в официальную теорию. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как они того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не подтверждены опытом.

Но даже с официальной точки зрения инженер-атомник во время дежурства держал в своих руках не только свою жизнь, но и жизни многих других людей, а скольких — об этом лучше не думать! Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих собратьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда заступали на дежурство, каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомники должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и неослабевающее чувство ответственности перед обществом. Для этой работы отбирались люди чуткие, интеллигентные, которые могли до конца осознать всю значительность доверенного им дела, — другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для интеллигентных, чутких людей.

Поневоле возникала психологическая неустойчивость. И помешательства становились профессиональным заболеванием.

* * *

Доктор Каммингс, наконец, появился, застегивая на ходу пряжки защитного панциря, непроницаемого для радиации.

— Что произошло? — спросил он Силарда.

— Пришлось отстранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт, и так на меня зыркнул...

— Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в панцире, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратноголовые не сходят с ума, не так ли, Густав?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело», — и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психиатры не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, обращаясь к Силарду. — Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор между щитами, окружающими контрольный зал. В раздевалке за последним щитом он вылез из своего похожего на жесткий скафандр панциря, поставил его в нишу и вошел в лифт. Кабина лифта высадила его глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, запер герметическую дверцу и откинулся на сиденье, чтобы резкое ускорение подействовало не так сильно.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета генерал-директора, в двадцати милях от реактора.

Собственно промышленный реактор был выстроен в котловине среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное, — располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х» когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай истерии, но бедняга ничего не мог с собой поделать. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был перевалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет генерал-директора. Харпер был уже там и ответил на его приветствия с легкой вежливостью. Генерал-директор, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение исчерпало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там случилось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он может быть вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Генерал-директор смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объяснитесь?

Силард тяжело вздохнул.

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя контрольного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то

озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный только для фланцев водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из контрольного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот провидец мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился и только взглянул на приборы.

Генерал-директор вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, что это правда, — проворчал тот упрямо. — Будем считать, что это чистая правда, но это не меняет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки нельзя предсказать заранее, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Генерал-директор Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Послушай, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, как ково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Кинг помолчал, но и Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти испытания или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрително кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он. — Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слезке! Кто-нибудь все время стоит у тебя за спиной и ждет, что ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь ученый муж, сам наполовину сумасшедший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но цинизм ему не очень-то шел.

— Ну и распрекрасно! Мне не понадобится смирительная рубашка, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, — прибавил он. — Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подождите, — сказал он. — Мы еще не кончили. Забудьте об отпуске. Я перевожу вас в лабораторию изотопов. Как-ни-

как вы исследователь, и никто вас от этой работы не освобождал. Если я назначал вас на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов. Что касается психологического контроля, — продолжал он, — то мне он так же неприятен, как и вам. Полагаю, вам неизвестно, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Вы помните Маннинга? Хотя нет, он был здесь до вас. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Маннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в контрольном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психиатра, чтобы мне подсказать. И однажды ночью помощник Маннинга вынужден был его оглушить... Он застал его в тот момент, когда Маннинг разбирал предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Маннинг так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе — в каждой смене два квалифицированных инженера и один психиатр-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф, — задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. — Все равно, шеф, нам чертовски неприятно.

— Смотри на это проще! — Кинг встал и протянул Харперу руку. — Послушай, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно — я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психиатру:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю, — ответил Силард, потирая щеку. — Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Ваши психиатры, кстати, не очень-то хорошо с этим справляются. Мы сами нервничаем рядом с Большой Бомбой, тем более что ничего в ней не понимаем. А ведь именно нам нужно бороться со страхом и нервозностью других. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть какой-нибудь выход! — сказал он настойчиво.

Силард покачал головой.

— Это выше моих сил, генерал-директор. Как психиатр, я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый главный?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является общепризнанным ученым номер один?

— Трудно сказать. У нас нет такого единственного лучшего в мире психиатра — мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психиатр, разбирающийся в редких нетравматических и профессиональных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Он связывает теорию оптимального раздражения с искусственным торможением, технику которого Корджибский разработал опытным путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Корджибского, и это, кажется, единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь он, должно быть, уже староват, — Корджибский-то когда умер?

— Я просто хотел сказать, что, может быть, вы знакомы с его работами, поскольку они имеют отношение к инженерно-математической психологии.

— Ага, это нам и нужно! Значит, Ленц? Но я никогда не думал о нем как о психиатре!

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения заразительных неврозов, свирепствовавших в сумасшедшие годы, а он тогда сделал все, что мог.

— Где он теперь?

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажите Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустился в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри согревающую полноту, приходившую только тогда, когда принимал решение и начинал действовать. Лицо его снова стало уверенным.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф, — попробовал он возразить. — Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это, ведь он — Ленц!

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. И он прилетит. Если понадобится, заставьте на него нажать из Вашингтона. Пусть его вызовет Белый дом. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело!

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он наскоро перекусил на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадиз.

Парадиз, или Рай штата Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: они всемерно старались избавить служащих реактора от их повышенных заработков. На этом поприще с ними весьма активно сотрудничали сами служащие, которые получали здесь каждый выплатной день раз в десять больше, чем где бы то ни было, и никогда не были уверены, что доживут до следующего выплатного дня, а потому и не откладывали денег на старость. К тому же компания открывала для своих работников солидные счета в банках Манхэттена — так чего ж было скряжничать?

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадизе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадиз «Самым Большим Маленьким Городом в Мире». Разбуженные кабатчики Рено отвечали на это, что, поскольку любой город, расположенный по соседству с атомным заводом, неизбежно вызывает представление о смерти, гораздо более подходящее название для Парадиза было бы «Врата Ада».

Эриксон, не теряя времени, начал обход злых мест. На шесть кварталов главной улицы Парадиза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы, что найдет его во втором или третьем по счету.

Эриксон не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лансей «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лансей был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а от дам требовал, чтобы они были одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца:

— А ну, сколько?

— Три, — отозвался Харпер. — Садись, Густав.

— Правильно, — одобрил Эриксон, умещая свое долговязое тело в низком кресле. — Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Наверное, Лансей его разводит. А я испекся, со всеми потрохами.

— Нет, Лансей этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уподзешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдать? Мне казалось, ты решил, наконец, высказаться и разделить их под орех.

— Я и высказался! — проворчал Харпер. — Э, все это чушь, Густав. Шеф прав. Если специалист по мозгам говорит, что ты

рехнулся, он должен его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши милые психиатры от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай найдем какого-нибудь одного и проверим на чувствительность! Я буду его держать, а ты лупи!

— Оставь, Густав! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини — скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо. — Эриксон поднял свою белокурую голову и заорал: — Израэль!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю.

— Мистер Эриксон? Слушаю, сэр.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом. — Он повернулся к Харперу. — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть одна мысль.

Харпер посмотрел на него с насмешливым удивлением.

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, брат, с землей нам не вырваться, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Все равно останется огромная масса реактора. Огромная из-за защитных щитов. А использовать можно будет не более одного процента мощности. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон был невозмутим.

— Я не считаю, что ты предусмотрел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан, летающий к антиподам, можно было бы отправить на Луну, если бы у них было подходящее горючее. Но его нет. А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам. Потому что они до сих пор зависят от молекулярного топлива, от энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Ракетчики не виноваты: они давно ждут от нас концентрированного ракетного горючего и строят на этом все свои расчеты. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав, — возразил Харпер. — Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая слишком медленна — энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в межпланетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет,

— По-настоящему мы еще не пытались его найти, — отозвался Эриксон. — Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

— Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы.

— Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться теплоносителем, хотя бы простой водой. Тогда защита сведется к свинцовым или кадмиевым костюмам. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся.

— Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь даже доставить такое горючее на ракету: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке.

— Прошу вас, все в порядке!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израэль. Он выбрасывал кости в лучшем стиле, раскачивая стаканчик в гибкой кисти и далеко закидывая его назад. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь, — вздохнул Харпер. — Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что хотел сказать, Густав?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз это было весьма соблазнительное существо в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Существу было лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скучаем, — терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло.

— Этот? От него никакого толку! Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем словечком не перемолвится. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доста-

вая пятидолларсовую бумажку. — Вот, походи пока выпей. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. — Спросите Элит, и я приду.

— Ханнинган и в самом деле плох, — согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. — И последнее время он что-то слишком самоуверен. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся, — ответил Эриксон. — Здесь уже есть соглядатай. Видишь?

Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Он сидел в дальнем углу бара, вертя в руках высокий бокал, чтобы не бросаться здесь в глаза. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

— Да, ты прав, — пробормотал Харпер. — И он следит за нами тоже. О, дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лансей.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему остается только закрыть бар. — Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. Он широко улыбнулся.

— Нет, Лансей, сегодня никаких даров моря! — объяснил ему Харпер. — Скажите мне лучше другое, какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор любую минуту может отправить вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови.

— Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю. — Де Лансей доверительно наклонился к ним. — Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро подработать для моей семьи, пока меня не изгрыз рак желудка. Но в клинике новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

— А что, если он взорвется?

— Господь бог призовет меня, когда я ему понадобится, — ответил он и быстро перекрестился.

Когда они уже уходили, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе ответ. Если бы все инженеры могли так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю, — проворчал он. — Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность невольно поразила генерал-директора: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем в рединготе и с черными пронизывающими глазами. Но перед ним предстал крепко сколоченный, почти толстый мужчина хорошего роста, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие пороссячи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже круглый, как яблоко, подбородок был гладким и розовым. И одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. Длинный мундштук постоянно торчал из угла его широкого рта, казавшегося еще шире от неизменной улыбки, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. В Ленце определенно был свой смак.

Оказалось, что договориться с ним не составляет труда. По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса.

Был только один способ экономически выгодного производства плутония — с помощью высокого напряжения из реакторе с неустойчивой реакцией природного, слегка обогащенного урана. Под воздействием тока в миллион с лишним электроновольт уран-238 начинал расщепляться. При незначительном уменьшении напряжения он превращался в плутоний. Такой реактор сам подерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой по сути дела атомную бомбу. Что может произойти в таком реакторе — этого не знал никто. Он будет вырабатывать большое количество плутония, ну а если он взорвется?

Инженерам-атомникам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, даже он взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть — и эта возможность оставалась, — что вся многотонная масса урана взорвется одновременно.

— Выход из тупика подсказала Дестреевская механика бесконечно малых величин, — продолжал Кинг. — Его уравнения доказывали, что если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из частиц тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Одного этого, разумеется, более чем достаточно: такой взрыв опустошит половину штата. Но я лично никогда не был уверен, что дело ограничится только этим.

— Наверное, потому вы и согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе. — Да, — сказал он наконец. — Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — не мог! Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность выпадает физику один раз в жизни.

Ленц кивнул.

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если она вас убьет. А что касается этого Дестрея, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

— В том-то и беда! — согласился Кинг. — Его работа блестящая, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, — признался он с горечью.

Кинг рассказал Ленцу о трудностях работы и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь все щиты. Мы установили дополнительную экранировку, ввели индивидуальные защитные панцири, но это не помогло. Один юноша, который пришел к нам уже после установки экранов, однажды вечером за обедом вдруг сошел с ума: он кричал, что свиной окорок сейчас взорвется. Я боюсь даже думать, что было бы, если бы он взбесился во время дежурства!

Система постоянного психиатрического контроля намного снизила опасность внезапных помешательств у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: количество неврозов даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц, — закончил он. — И с каждым днем они идут хуже. Вы можете нам помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он. — Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет точных данных, нет фактов. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это возможно? Тогда через несколько дней мы, может быть, сообразим, что делать.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши инженеры не знают, кто я такой. Предположим, для них я ваш старый друг, такой же физик, который приехал вас навестить, — вы не возражаете?

— Конечно, почему бы и нет! Я сам им так скажу.

(Сокращение следует)

А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ

ТОНКАЯ НИТЬ

Приключенческая повесть

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Окончание. Начало в № 1, 2, 3.

Поезд из Крайска пришел в Москву во второй половине дня. Семенов вышел на привокзальную площадь. Шел не спеша, внимательно оглядываясь по сторонам, но ничего не заметил. Между тем всю дорогу невдалеке от него находились оперативные работники. Сейчас в Москве крайских оперработников сменили Миронов и два сотрудника КГБ, выделенных ему в помощь.

Семенов потолкался у газетного киоска, у табачного, купил пачку «Казбека», направился в метро. Доехал до площади Маяковского. Там вышел и по улице Горького дошел до площади Пушкина, повернул на бульвар. Возле памятника Тимирязеву Семенов повернул и пошел обратно к площади Пушкина. В этот момент один из оперативных работников быстро поравнялся с Мироновым.

— В чем дело? — тихо спросил Миронов.

— Заметили вы на той скамейке мужчину в серой шляпе, который читает газету?

— Вижу. Кто это?

— Да я и сам толком не знаю, но он терся возле комиссионного магазина, где работает Макаров. Я там был и еще тогда его приметил. Он дважды заходил в магазин.

— Любопытно, — сказал Миронов. — А вы не заметили, он обратил внимание на появление Семенова?

— Трудно сказать, я его не сразу увидел. Мне только кажется, что когда мы шли вперед, к памятнику Тимирязеву, он сидел без перчаток, а теперь их надел.

— Я подсяду к нему, — решил Миронов. — Вдруг Семенов вернется? На всякий случай держите фотоаппарат наготове. Потребуется — фотографируйте.

Оперативный работник молча кивнул и прибавил шаг. Андрей повернул обратно, не спеша подошел к скамейке, на которой сейчас, кроме мужчины в серой шляпе, никого не было, и с видом очень усталого человека сел. Незнакомец сидел с одного края скамейки, чуть к середине. Миронов устроился на другом, вполборота к соседу.

Прошло пять минут, десять. Миронов сидел, откинувшись на спинку скамейки, полуприкрыв глаза. Все так же сидел и мужчина. Вдруг он зашевелился, снял перчатки, сунул их в карман и снова взялся за газету.

Миронов краешком глаза заметил Семенова, возвращавшегося от площади Пушкина.

— Прошу извинить, может, чуток потеснитесь? — обратился Семенов к человеку в серой шляпе.

Тот буркнул что-то невнятное и слегка отодвинулся.

Семенов молча сел, достал из кармана пачку «Казбека», вынул папиросу и принялся рассеянно ее разминать между пальцами. Незнакомец чуть оживился.

— Не угостите ли папиросой? — обратился он к Семенову. — Свои дома забыл.

— Отчего же, — ответил Семенов, протягивая ему пачку. — Пользуйтесь.

Незнакомец взял пачку, достал оттуда папиросу, а пачку опустил себе в карман. В правый карман, как сумел заметить Миронов.

— Сосед, а папиросы? — с ухмылкой спросил Семенов.

— Простите, рассеянность проклятая, — виновато сказал тот и вынул пачку «Казбека» из левого кармана, отдал ее Семенову.

Семенов обнаружил, что у него нет спичек, и воспользовался спичками мужчины.

Теперь все решали секунды. Незнакомцу так и не довелось опустить в карман коробок, врученный ему Семеновым. Мгновенье — и его рука оказалась вывернутой за спину, а спички очутились у Андрея.

— Вы! — яростно повернулся незнакомец к Миронову. — С ума сошли? Хулиган! Пустите сейчас же! Отпустите!..

Миронов рывком поднял незнакомца со скамейки, поставил его между собой и Семеновым — мало ли что? — и тихо сказал:

— Не надо, гражданин. Не поднимайте шума. Ведите себя благоразумно. Полагаю, что публичный скандал не в ваших интересах. Пройдемте в отделение милиции, там все выясним.

Семенов, воровато оглянувшись по сторонам, вскочил, намереваясь поскорее унести ноги. Но не тут-то было! Перед ним выросли двое оперативных работников...

Они дошли до ближайшего отделения милиции. Здесь Семенов без звука вручил Миронову коробку «Казбека», полученную от незнакомца. Андрей взглянул: в коробке под слоем папирос лежала пачка сторублевок.

Незнакомец бушевал. Прорвавшись вслед за Мироновым в кабинет начальника отделения, он кричал:

— Как вы смеете, на каком основании? Я иностранный подданный...

— Успокойтесь, гражданин, разберемся, — спокойно сказал начальник отделения. — Позвольте ваши документы.

Незнакомец швырнул на стол пачку документов. Он сказал правду: был иностранным подданным, находился в Советском Союзе в туристской поездке.

Миронов вышел в другую комнату, позвонил генералу и коротко доложил обо всем, что произошло.

— Хорошо, — решил генерал. — Составьте акт, укажите все обстоятельства передачи папирос и спичек Семеновым иностранцу и иностранцем — Семенову. Деньги и спичечную коробку — немедленно ко мне.

— Уже послал, Семен Фаддеевич, будет у вас с минуты на минуту.

— Тогда так: покончите с актом и займитесь иностранцем. Извинитесь перед ним, скажите, что свяжетесь с МИДом, а на это требуется время... Поняли?

— Понял, Семен Фаддеевич. Будет сделано.

Акт Миронов составил вместе с Семеновым. Тот, заглядывая ему в глаза, торопился восстановить все детали.

— Я человек маленький, — то и дело повторял Семенов, нервно покашливая и сглатывая слюну. — Я что? Мне сказали получить — я и получил, передать — я и передал. Что в этой коробке, понятия не имею. И насчет денег не знаю.

Закончив предварительный допрос Семенова, Миронов вернулся в кабинет начальника отделения, где продолжал бушевать иностранец.

— Факт нападения на меня, невозможного ни в одной цивилизованной стране, настолько возмутителен...

— Попрошу выбирать выражения, — жестко, хотя и вполне корректно, сказал Миронов. — О вашем поведении мы вынуждены будем поставить в известность Министерство иностранных дел СССР. Зачем вам понадобилось связываться с этим типом там, на бульваре? Что за деньги вы ему передали? Если я нарушил правила хорошего тона, то по вашей же вине. Впрочем, за манеру действий готов принести извинения.

— Если так, — согласился иностранец, — будем считать инцидент исчерпанным. Всего хорошего.

— Простите, — задержал его Миронов. — К сожалению, мы пока не вправе вас отпустить. Во всяком случае, до тех пор, пока не выясним все до конца.

— Боже милостивый, — опять начал горячиться турист. — Что выяснять? Произошло недоразумение! Я иностранный подданный, вы не имеете права меня задерживать.

— Конечно, конечно, — охотно согласился Миронов. — Но как я могу быть уверен, что вы действительно являетесь иностранцем, туристом? И деньги, деньги — две с половиной тысячи...

— Какие деньги? Ничего не знаю.

— Хорошо, — согласился Миронов, — о деньгах мы говорить пока не будем, а документы... Что ж, что документы? Кто мне даст гарантию, что вы владелец этих документов?

— Документы не мои? Может, думаете, я их похитил?

— Нет, зачем же, но проверить мы должны...

— Дайте мне телефон, я свяжусь с посольством, и вам подтвердят, что я — это я. Наконец сюда придет кто-нибудь из посольства!

— Сожалею, но мы не можем так поступить. Но обо всем я доложу начальству, там свяжутся с Министерством иностранных дел, наведут необходимые справки. Пока я не получу указаний, сделать ничего не могу.

— Ладно, — с раздражением сказал турист. — Я буду ждать, но не больше часа.

— А это уж как придется, — спокойно заметил Миронов.

В этот момент зазвонил телефон.

— Андрей Иванович? — услышал Миронов голос генерала. — Ну, поздравляю с большой удачей. Ваша спичечная коробка великолепна. Сейчас же забирайте этого, с позволения сказать, туриста, и ко мне. Машина выслана.

ГЛАВА 24

Не менее бурно развивались события и в Крайске. Савин вернулся из поездки в Латвию и сразу встретился со Скворецким. (Савельев остался на месте, в Вентспилсе.)

— Все в порядке, — доложил Савин. — С рыбаком договорились. Сразу. Правда, — рассмеялся Степан, — не совсем сразу...

— То есть?

— Понимаете, занятная история... Действовали мы по плану: я явился к рыбаку один, а Сергей остался в Вентспилсе, связываться с местными чекистами. Старик встретил меня не очень любезно, но выслушать выслушал. Я ему выложил все, как наказывала Войцеховская: так, мол, и так. Нам известны некоторые ваши проделки и дальние путешествия, так не хотите ли хорошо заработать в валюте? Старик подошел по-деловому. «Почему, — говорит, — не заработать? А что, — спрашивает, — надо делать?» Я дальше выкладываю: дело, мол, простое. Взять в дальнюю поездку меня и одну мою знакомую... «Хорошо, — согласился старик, — только схожу в город, узнаю, как с горючим. У меня маловато. Вы пока тут подождите». Ну, прошло часа два — два с половиной, и появляется мой старик, да не один, а с Сергеем, с Савельевым. Сам этак сконфуженно улыбается. Что ж, мол, ты, такой-рассякой, не сказал сразу, кто ты есть? За негодяя меня посчитал, за предателя? Да, был когда-то грех, так то давно было, глуп был, сам потом властям все рассказал... Так могло ведь и худое случиться. Вот стукнул бы я тебя как следует... Хорошо вот твой товарищ, кивает на Сергея, все мне в КГБ разъяснил. Я ведь туда ходил. Ну, да теперь все ясно: сделаю.

В тот же день Степан явился «с докладом» к Войцеховской. Анне Казимировне он сказал, что уговорить рыбака стоило немалого труда, но решающую роль сыграли деньги, особенно обещание валюты.

Войцеховская была холодна, сдержанна.

— Вылетаем через день, послезавтра. Вот деньги. Возьмешь билеты и мой занесешь сюда...

Несколько позже, уже под вечер, собрались втроем: Скворецкий, Луганов, Савин. Вновь еще раз обсудили план предстоящей операции, уточнили кое-какие детали, кое-что подкорректировали. Неясным остался вопрос: кто будет руководить ходом операции на завершающем этапе. Луганов настаивал на вызове из Москвы Миронова. Скворецкий склонен был с ним согласиться, но Андрей не звонил из Москвы уже вторые сутки.

Как раз в тот же вечер в Москве генерал и Миронов вели беседу с «туристом». Предъявив снимки, на которых были запечатлены все детали обмена папиросной и спичечной коробками, генерал потребовал от допрашиваемого объяснений.

Тот начал юлить:

— Да, припоминаю. Какой-то человек, сидевший рядом со

мною, попросил папиросу. Я ему дал, он вернул. Обычная папироса и обыкновенный коробок спичек...

— Бросьте, — резко оборвал генерал. — Вам была возвращена не та коробка спичек, которую вы давали, а другая. То же и с папиросами. Вот снимки. На этой «обыкновенной» коробке под фабричной этикеткой наклеено несколько кадров микроплёнки с шифрованным текстом. Вы не хотели бы дать ключ к этому шифру? Не хотите? Не надо. Разберемся сами. На одном кадре, между прочим, обыкновенный текст, без шифра. Записочка. Ее уже прочли...

— Шифр, записка! Но я ничего не знаю. Слово джентльмена, не знаю.

— Верю, — спокойно сказал генерал. — Содержания этой записки вы, конечно, не знаете. Что до остального, так тот, кто передавал вам эту коробку спичек, все рассказал. Кроме того, на коробке сохранились отпечатки ваших пальцев. Советую рассказать правду.

Допрашиваемый молчал.

— Как вам будет угодно, — пожал плечами генерал и нажал кнопку звонка. — Уведите...

Когда дверь за ним закрылась, генерал повернулся к Миронову.

— Что, Андрей Иванович, сторааете от любопытства? Признаюсь, я и сам рад бы поскорее узнать содержание шифрованной записки, но шифр сложный. Специалисты говорят, что придется повозиться. Что же до записки, вот она. Тут тоже не все ясно: «Король взят пешками. Ферзь под шахом. Целесообразна рокировка по второму варианту». Что скажете?

— По-моему, так: «Ферзь» — это Войцеховская. Между прочим, Семенов в отделении милиции сказал, что спичечную коробку получил от женщины, известной ему под кличкой «Ферзь». Больше о ней будто бы ничего не знает. Но нам-то известно, кто вручил ему эту записку. Итак, «Ферзь» — Войцеховская. «Рокировка» — тоже понятно. Думает бежать за границу. А вот «Король», который взят пешками... «Король»?

— Черняев? Вернее, тот, кто выдает себя за Черняева?

— Хорошо бы, если так, но факты, факты... Фактов маловато.

Генерал усмехнулся.

— Фактов, конечно, немного, но они есть. Будут и еще. Семенову, надо полагать, есть что рассказать. Допросите его.

Генерал связался с Крайском и информировал Скворецкого о событиях минувшего дня.

— Как будет с Мироновым? — спросил Скворецкий, доложив генералу о возвращении Савина. — Мы рассчитывали, что именно он будет руководить последним этапом операции.

Семен Фаддеевич с минуту подумал.

— Хорошо, Миронова отпустим. Допросит он Семенова и завтра с утра вылетит к вам. Теперь насчет Черняева: направьте его сюда, в Москву.

А Миронов сидел в кабинете своего помощника, который

допрашивал Семенова, и бегло знакомился с уже заполненными страницами протокола допроса. На первый взгляд могло показаться, что Семенов ведет себя искренне: он подробно рассказывал обстоятельства своей вербовки сначала гитлеровцами, потом американской разведкой, перечислял задания, которые выполнял, давал описание тех, чьи поручения ему приходилось выполнять. Меньше всего Семенов говорил о себе, о своих преступлениях.

— Я бы хотел задать несколько вопросов, кое-что уточнить. Не возражаешь? — обратился Миронов к своему помощнику.

— Так вот, гражданин Семенов. Я никак не возьму в толк, почему фашисты остановили свой выбор именно на вас, чем вы им так приглянулись? Повторите еще раз, как вы пошли на предательство, да поподробнее.

Семенов сжался, как от удара.

— Так я же все сказал, гражданин начальник, все как было. Как попал я, значит, в 1943 году в плен, очутился в лагере. Вызвали меня там в это самое гестапо. Били, конечно. Потом бумажку сунули — подпиши. Я и сам толком не знаю, что в этой бумажке значилось, а подписать подписал. Как не подпишешь? Ну, а как подписал, тогда сказали: «Теперь будешь нам сообщать, кто, значит, немцев ругает, кто побег умышляет...»

— И что же, сообщали?

— Нет, гражданин начальник, не сообщал. Сначала говорил, что ничего такого не слышал, не знаю, а там вскоре перевели в другой лагерь. Потом пришли американцы.

— Допустим, хотя и сомнительно. Ну, а дальше что было?

— Дальше? Дальше вызвал меня какой-то американский начальник и сунул бумагу... «На, — говорит, — читай». Смотрю, там эта самая подписка, что ли. Так, мол, и так, обязуюсь сотрудничать с гестапо, сообщать о противонемецких настроениях заключенных. И подпись. Моя подпись. Американский начальник предложил написать другую подписку, уже им, американцам. Я было отказался, тогда он пригрозил: передам, мол, тебя русским вместе с этой немецкой подпиской. Там тебя сразу вздернут. Ну, пришлось и американцам подписать. Потом меня переправили в советскую зону, и я поехал в Крайск...

— Что вы делали в Крайске?

— Поступил проводником на железную дорогу, как до войны. Ну и жил себе. Прошло года два-три, является какой-то гражданин и говорит: «Привет от Джеймса». Это пароль. Я, конечно, перетрусил, а что сделаешь? Велел он мне «ещицу одну, пачку папирос, отвезти в Москву и передать одному человеку. Приметы его описал, указал, где встретиться. Так и пошло.

— И много побывало у вас таких, чьи поручения вы выполняли?

— Вот эта самая дамочка «Ферзь», значит, вторая будет.

— Что вы о них можете сообщить?

— Ничего, гражданин начальник, кроме внешности. Даже человеческого имени никто не называл, все по кличкам.

— Скажите, — внезапно задал вопрос Миронов, — вы левша?

Семенов смотрел на него с недоумением.

— Левша, гражданин начальник. А что здесь такого?

— Вам приходилось когда-либо орудовать финкой? Вообще вы нож держите обычно в левой руке или в правой?

Семенов заметно побледнел.

— К-как-к-кой финкой? — спросил он, занкаясь. — Я... я в-вас не понимаю.

Сейчас Андрею нужен был «турист». К вопросу о «туристе» он и перешел: как давно встречается с ним Семенов, как часто встречался, что знает о нем?

Семенова, по-видимому, такой поворот в ходе допроса вполне устраивал: он заговорил свободнее, с большими подробностями. Сосед по скамейке, которому он должен был вручить злополучный коробок спичек, — как же! — он с ним встречается уже третий раз, все там же, на Тверском бульваре. Передавал ему спички, папиросы. Семенов извещал о своем приезде условной телеграммой в адрес какого-то Макарова. Кто такой Макаров, он не знает. Текст телеграммы составлял не сам, получал его от тех, чьи поручения выполнял. Кто такой этот сосед по скамейке, где работает? Этого он, Семенов, не знает. Мужчина серьезный, никогда с ним даже не разговаривал. Возьмет — и все. Остается сидеть на лавке, а Семенов уходит.

...Следующим утром Миронов был уже в Крайске.

Он сжато рассказал Скворецкому о том, что произошло в Москве за последние дни. Скворецкий и Луганов ознакомили его с результатами поездки Савина в Латвию. Кирилл Петрович сообщил, что Войцеховская намеревается выехать на следующий день.

— Вам с Лугановым надо вылетать в Ригу сегодня, — сказал Скворецкий, — за сутки до Войцеховской и Савина, подготовить встречу. До отлета времени не так много: около двух часов. Савин у меня на квартире. Поедем ко мне и все обсудим вместе.

Миронов и Луганов вышли из кабинета, а полковник убрал со стола бумаги, когда дверь приоткрылась и заглянул секретарь Скворецкого.

— Товарищ полковник, тут сообщение.

Через несколько минут он срочно связался с Москвой.

— Семен Фаддеевич, здравия желаю. Докладывает Скворецкий. Только что поступило сообщение насчет Войцеховской. Наши предположения подтвердились: никакая она не Войцеховская. В ней опознали Аннелю Пщеглонскую, дочь польского помещика Казимира Пщеглонского, соратника Пилсудского. Семья Пщеглонских в тридцать девятом году уехала в Лондон. В кругах польской эмиграции в Лондоне Казимир Пщеглонский играл видную роль. В 1942—1943 годах активно вела себя в Лондоне и его дочь Аннеля. В 1944 году она была переправлена из Англии в Польшу.

Во время пребывания в Лондоне Пшеглонская была близка с майором американской разведки Джеймсом. Счел необходимым доложить эти факты безотлагательно, тем более что Миронов и Луганов вот-вот должны вылететь в Ригу. Хотелось знать ваше мнение.

— Понятно, — послышался в трубке голос генерала. — Ну, а вы сами, Кирилл Петрович, что предлагаете?

— Я бы действовал по намеченному плану.

— Хорошо, — согласился генерал. — Действуйте. Желаю удачи...

Когда Скворецкий спустился вниз, к подъезду, Луганов и Миронов его ждали.

Тихо, полушепотом, Скворецкий наскоро рассказал Миронову и Луганову о полученном сообщении и разговоре с генералом.

До дома полковника ехали молча. Когда вошли в домашний кабинет Кирилла Петровича, Савин, сидевший в углу дивана с каким-то журналом, поднялся навстречу. Увидев Миронова, забеспокоился.

— Знакомся, — решительно оборвал его Скворецкий, — представитель Комитета государственной безопасности майор Миронов.

Вновь, на этот раз почти в полном составе (не было только Савельева), подробно обсудили план предстоящей операции. Были уточнены все детали, согласованы действия.

— Да, пожалуй, теперь все. Вам с Василием Николаевичем пора, — сказал Скворецкий. — Берите мою машину — и прямо на аэродром. Мы со старшим лейтенантом выйдем чуть попозже.

— Старшим лейтенантом? — переспросил Савин. — Бывшим, вы хотели сказать, товарищ полковник?

— Почему бывшим? Сегодня пришла копия приказа командования Военно-Воздушных Сил. Как это там написано, дай бог памяти? Так, кажется: учитывая, что Савин Степан Сергеевич глубоко осознал совершенные им проступки, а также его искреннее раскаяние, приказ номер такой-то от такого-то числа о лишении Савина офицерского звания и увольнении из армии отменить. Восстановить Степана Сергеевича Савина в звании старшего лейтенанта. Предоставить старшему лейтенанту Савину двухнедельный отпуск, после чего приступить к исполнению служебных обязанностей... Ну, отпуск, ты понимаешь, для наших дел. Значит, выходит, и есть ты самый настоящий старший лейтенант, никакой не бывший.

— Товарищ полковник, — прошептал Савин. — Товарищ полковник...

Он вытянулся в струнку, опустил руки по швам:

— Служу Советскому Союзу!

ГЛАВА 25

В тот же вечер Миронов и Луганов встретились в Риге с командованием пограничников, которое было заранее предупреждено Москвой. Объяснив пограничникам существо предстоящей операции, они выехали в Вентспилс.

До домика рыбака, где жил все эти дни, «входя в роль», Савельев, Миронов и Луганов добрались только к ночи. Дядюшка Имант и Сергей уже ложились спать, но, встретив гостей, принялись хлопотать возле печурки, чистить рыбу, готовить уху.

Пока закипала уха, Андрей сообщил им, что Войцеховская и Савин будут здесь к завтрашнему вечеру. За столом деловых разговоров не велось, но когда с ужином было покончено, Миронов провел, как он выразился, «оперативное совещание», подробно посвятив старого Иманта и Савельева в план предстоящей операции. Потом спросил, где бы он мог укрыться, чтобы не попадаться на глаза Войцеховской. Рыбак молча поднялся и жестом пригласил Андрея. Во дворе вблизи дома находился небольшой сарай, где хранилась рыбацкая снасть.

Туда Имант и привел Миронова.

...Войцеховская, она же Пщеглонская, и Савин, вылетев из Крайска, в Риге не задержались, выехали в Вентспилс.

К вечеру они были в домике рыбака. Старый Имант и его племянник (Савельев уже вполне освоился с отведенной ему ролью) встретили их без особого радушия, как встречают гостей, не приняты которых нельзя, хотя визит их не доставляет удовольствия. Старик усадил Войцеховскую и Савина к столу и поставил сковородку с жареной рыбой.

— Спасибо, — сказала Анна Казимировна, — но мне не хочется.

— Нет, — решительно сказал рыбак, — так нельзя. Когда идешь в море, надо кушайт. Сколько будем идти: пять часов, десять, кто знает?

Тут же взгляд дядюшки Иманта упал на небрежно брошенный на лавку кожаный реглан Савина и аккуратно положенное рядом пальто Войцеховской. Он сделал знак Савельеву: убери, мол, в сени. Савин поднялся было сам, чтобы унести пальто, но Войцеховская воспротивилась.

— Ты можешь убирать свою кожанку куда угодно, — сказала она вполголоса, — но мое пальто останется здесь.

— Ай-ай-ай, — укоризненно пощелкал языком старый рыбак, — нехорошо! Разве может оставлять человек свое пальто в комнате, где кушайт, где живет? Нехорошо.

Взяв из рук Савина реглан, прихватив пальто Войцеховской, старик вышел из комнаты и вынес вещи в сенцы. С ним вышел и Савельев. Потом старик вернулся в комнату и сел за стол.

— Скоро будем ехать, — медленно роняя слова, заговорил он. — Начинается ночь, и будем ехать.

Старик помолчал, сделал несколько глубоких затяжек из своей трубки и, переводя тяжелый взгляд с Савина на Войцеховскую, спросил:

— Где есть деньги? Давай сейчас платийт.

Спорили долго. Наконец Войцеховская с ожесточенностью сказала:

— Ладно. Часть суммы в долларах я выдам сейчас, но только часть. Окончательную расплату произведем на месте. Не хотите — убирайтесь к черту!

В этот момент вернулся «племянник» рыбака. Сумрачно посмотрев на него, дядюшка Имант решил закончить спор, пошел на уступки.

— Ладно, — проворчал он, — давайте доллары...

Войцеховская отвернулась к стенке, прикрывая собой сумочку, которую ни на минуту не выпускала из рук, выхватила небольшую пачку банкнот и швырнула через стол старику.

Рыбак подхватил деньги, аккуратно пересчитал их и, поднявшись из-за стола, убрал в почерневшую от времени шкатулку. Затем уселся к столу и принялся что-то старательно царапать карандашом на клочке бумаги.

— В чем дело? — спросила Войцеховская. — Что вы там пишете?

— Расписка, — с невозмутимым видом сказал рыбак. — Я пишу расписка, что получал доллар. Дело требует порядок...

— Расписка? — изумилась Войцеховская. — А к чему она мне? Хотя, — она загадочно улыбнулась, — хотя давайте, пригодится. («Тебе же, старый дурак, хуже. Сам в петлю лезешь».)

— Надо собирайтс, — отрывисто сказал рыбак, отдав расписку. — Быстро, быстро! Время.

«Племянник» проворно юркнул в сенцы и вернулся с верхней одеждой гостей и несколькими грубыми брезентовыми плащами с откидными капюшонами. Два из них он протянул Войцеховской и Савину.

Освещая фонарем дорогу, рыбак повел гостей к дощатому причалу, возле которого покачивался рыбацкий баркас.

— Ход у этого суденышка будь здоров! — прошептал Савин на ухо Войцеховской. — Как черт тянет!

— Ладно уж, помолчи. Лишь бы добраться...

С помощью старого Иманта Войцеховская и Савин перебрались в баркас. Дядюшка Имант и «племянник» мягко

спрыгнули вслед за ними. Мотор затарахтел, и суденышко ходко пошло в море.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, и на опустевшем причале появился еще один человек. С минуту он постоял, вслушиваясь в монотонный плеск волн, и когда звук мотора заглох вдаль, несколько раз включил и выключил электрический фонарь, направляя тонкий луч света вдоль берега. В ответ на этот сигнал где-то недалеко в море взревел мотор, вспыхнул прожектор и к дощатому причалу, на ко-

тором стояла одинокая фигура, помчался пограничный катер.

— Ну как? — послышался с катера голос Луганова. — Как все прошло, Андрей Иванович, нормально?

— Порядок, — ответил Миронов. Он шагнул с причала на палубу катера и обратился к командиру: — Давайте отойдем в море и немного поболтаемся. До назначенного срока еще сорок семь минут.

— Есть.

Катер пошел в открытое море.

...Минут почти час, как баркас дядюшки Иманта покинул берег. Шли ходко. Войцеховская сначала напряженно всматривалась в темноту, потом расслабилась, откинулась к борту, надвинула капюшон и, казалось, дремала. Все шло как по маслу. Еще час-другой, и они будут в водах той страны, куда она стремилась. А там... там...

Где-то вдалеке послышался нарастающий гул мощного двигателя. Старый рыбак застыл у руля, напряженно вглядываясь в темноту, «племянник» зашевелился около мотора. Войцеховская выпрямилась, глянула на Савина.

— Ты слышишь?

Савин не успел ответить. В сотне метров от них вспыхнул ослепительный луч прожектора и, скользя по верхушкам волн, уперся в баркас, выхватив его весь целиком. Мотор баркаса внезапно заглох. Гул нарастал, близился. Возник

второй снап света, скрестился с первым. Баркас безжизненно качался на волнах.

— Почему выключили мотор? — прохрипела Войцеховская. — Включай немедленно! Надо уходить!

— Куда уйдешь? — тоскливо отозвался рыбак. — Пограничники.

— А ну, старый пень, — взорвалась Войцеховская, — немедленно запуская мотор! А ты пошевеливайся, щенок! — повернулась она к «племяннику». — Твоя небось работа? Заглушил мотор, собачья кровь! А ну, живо!

В руках Войцеховской тускло блеснула вороненая сталь пистолета. Но, к ее изумлению, на лице «племянника» не мелькнуло и тени замешательства. Чуть пригнувшись, «племянник» отчаянным прыжком преодолел разделявшее их пространство. Анна Казимировна выстрелила, но в момент выстрела рука ее была подброшена снизу вверх, и в следующее мгновение пистолет очутился в руках у Савина.

— Анна Казимировна, вы сошли с ума! — крикнул он, отстраняя ее руку. — Стрелять на глазах пограничников?

— А-а-а! — взвизгнула Войцеховская. — Трус, предатель!

Она ударила Савина по лицу, замахнулась еще, но подоспел Савельев — схватил ее за руки. Степан смотрел на нее с нескрываемым презрением.

Пограничные катера, урча моторами, приблизились к баркасу.

— На судне! — послышался властный голос, усиленный рупором. — Откуда, куда идете?

В ответ не раздалось ни слова.

— Перейти на задержанное судно, — прозвучала команда, — взять на буксир.

«Все, — поняла Войцеховская. — Не вывернуться». Но сдаваться она не собиралась. Пригнула голову, вцепилась зубами в угол воротника своего пальто, с силой сжала челюсти и закрыла глаза. Она знала: хрустнет в зубах раздавленная ампула, и молниеносно действующий яд сделает свое дело...

Но в зубах ничего не хрустит. Она жива, жива...

— Вот так встреча! Никак Анна Казимировна? — раздался с одного из катеров до ужаса знакомый голос. — Зря стараетесь, пани Пщеглонская: ампулы в вашем воротнике нет. Я ее обнаружил и вынул, пока вы торговались с владельцем баркаса там, в Вентспилсе.

ГЛАВА 26

В первую ночь после ареста Войцеховская думала до рассвета. Теперь она, пожалуй, была рада, что на месте ампулы не оказалось. В самом деле, зачем умирать, к чему? Ведь она, по существу, еще молода. Если чекисты поверят в искренность ее раскаяния, если она выдаст им всех, кто знает против их страны тайную борьбу (а уж она-то таких знает), тогда можно надеяться на снисхождение. Дадут небольшой срок. А там, там... Чего не бывает?

Или следует все отрицать? Нет, глупо! Слишком много они знают, да и поймана с поличным. Чего стоит одна расписка рыбака, которую у нее изъяли. Расписка. О, старый дурак был совсем не так глуп, как ей казалось! Да, отпираться не имеет смысла. Искренность, только искренность, вот ее последнее спасение.

С чего она начнет? Конечно, с этой скотины Джеймса. Само собой разумеется, Аннеля не будет рассказывать, что сама предложила американцам свои услуги. Она расскажет иначе: Джеймс негодяй, садист. Он сначала совратил ее, а потом шантажировал, угрожая благополучию ее престарелых родителей.

Затем она выдст с головой Семенова. Не пожалее, конечно, и Черняева, этого самодовольного «Короля». Правда, с Червяевым сложнее. Судя по всему — фигура. Она это поняла по ряду намеков. Что ей о нем известно? Мало, до обидного мало! Ведь он до поры до времени не действовал, сидел тихо. Как и она, впрочем. А начали действовать — и попались!

К утру план действий у Пщеглонской созрел полностью. Когда появился Миронов, она встретила его вымученной улыбкой.

— Андрей Иванович, голубчик... Да, простите, можно вас так называть?

— От «голубчика» увольте, — сухо ответил Миронов. — Так что вы хотели?

— Я... я хотела поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь. Ну, а я... я вела себя как дура.

— Я выполнял свой долг. Однако оставим разговоры. Пора ехать.

Несколько часов спустя Миронов и Пщеглонская были в Москве.

Генерал с полчаса расспрашивал Миронова о том, как прошла операция. Потом приказал:

— Займитесь Семеновым — проводите эксперимент. Как Савельев? В Москве?

— Вот-вот должен быть, он вылетел следующим самолетом.

— Черняев, между прочим, здесь, в Москве, в институте судебной психиатрии, — заметил в заключение беседы генерал. — Доставлен сегодня утром. Свяжитесь с руководством института и попросите ускорить экспертизу. Пщеглонскую тоже надо допросить.

А Пщеглонская и не думала запираяться. На поставленные вопросы отвечала исчерпывающе, почти без раздумья, сама рассказала об объявлении, о спичечной коробке, о водосточной трубе, о саквояже в аэропорту, под подкладку которого Черняев упрятал микропленку со шпионскими сведениями. Пленку эту, рассказала Пщеглонская, она извлекла, перенесла на спичечную коробку и переправила через Семенова в Москву. Кому — она не знала. Ей известно было только имя Макарова, в адрес которого следовало послать условные телеграммы.

Закончив допрос, Миронов пригласил Савельева, уже

успешшего прилететь. Проинструктировав его, он велел ему ждать в соседнем кабинете, а сам вызвал Семенова.

— Вернемся к вопросу о том, как вы были завербованы гестапо, — начал Миронов. — Только говорите правду.

— Гражданин начальник, — взмолился Семенов, — но я все сказал, Христом-богом клянусь...

Миронов сделал незаметный знак своему помощнику. Тот молча вышел из комнаты.

Прошла минута, другая, дверь в кабинет, спиной к которой сидел Семенов, открылась, и тихо вошел Савельев. Он молча встал рядом с Мироновым. Семенов бросил на вошедшего вопросительный взгляд, затем взглянул снова и вдруг замолк на полуслове. Челюсть его отвисла, в глазах появилось выражение ужаса.

— Что? — прервал тишину Миронов. — Узнали, гражданин Семенов?

— Н-не м-может быть! Он же мертвый, м-мертвый!

— Ага, значит, финку вы держали в левой руке. Можно записывать?

— Пишите, — глухо, прерывающимся голосом сказал Семенов.

Теперь его показания не были похожи на те, что он давал прежде: он не щадил не только других, но и самого себя. Начал с рассказа о том, как по распоряжению Черняева пытался убить Савельева. По его словам, Черняев месяца полтора назад вызвал его в кабинет и сообщил, что, как ему кажется, возле него постоянно кто-то крутится. «Этого типа надо убрать», — коротко приказал он. Черняевым был разработан и план убийства.

Что? «Ферзь»? О «Ферзе» он сказал все, что знал, добавить нечего. Встречалась ли «Ферзь» с Черняевым, была ли с ним знакома? Этого он не знает, но вроде бы нет, не похоже.

Семенов признался, что, очутившись летом 1943 года в плену, в лагере, из страха перед гитлеровцами выдал сначала комиссара своего полка, случайно оказавшегося в том же лагере, а потом уже, по заданию гестапо, стал предавать других. Так и стал он секретным сотрудником гестапо, а затем американской разведки, стал предателем, изменником.

Не хуже Семенова, как узнал Миронов, вел себя и «Турист» — Ричард. Он называл всех и вся. Уже был арестован Макаров и еще один агент «Туриста», о котором тот поспешил сообщить. Большим этот резидент в обличье туриста не располагал. Да, не густо у него было...

Следующим утром Миронов вызвал на допрос Пщеглонскую. Начал он этот раз с вопросов о Черняеве.

— Скажите, — спросил Миронов, — что вам известно о Черняеве? Как, кстати, его кличка? Ах, «Король»? Отлично. Итак, расскажите все, что знаете об этом «Короле»: кто он, откуда?

— К моему глубокому сожалению, почти ничего, если не считать того, что знал о нем почти весь Крайск: один из руководителей номерного строительства. Скажу прямо,

я была просто огорошена, когда он предстал передо мной в облике представителя американской разведки.

— Когда это произошло?

— Около полугода назад, в апреле. Встречалась я с ним считанное количество раз, вначале. Затем была намечена система передачи материалов, которые я должна была переправлять в Москву. Этой системой мы в дальнейшем и пользовались. Кто такой Черняев, откуда взялся, я не знаю, но полагаю, что Черняев не подлинная его фамилия.

Допрос был прерван телефонным звонком: требовал Крайск, звонил полковник Скворецкий.

Расспросив Андрея о результатах последних допросов, Кирилл Петрович сказал:

— Теперь слушай наши новости. Появился Корнильев, брат Ольги Николаевны. Вернулся из экспедиции.

— Понятно. Что, алмаатинцы звонили? Они это выяснили?

— Какое там выяснили. Он у них в тамошнем КГБ. Пришел и не уходит. У него, дескать, важное сообщение.

— Что за сообщение?

— А этого никто не знает. Корнильев заявил, что дело касается его сестры, проживавшей в Крайске. Алма-атинские товарищи, памятуя наказ Луганова, расспрашивать Корнильева не стали, а связались с нами.

— Надо же что-то делать, — озадаченно сказал Миронов. — Поручить кому-нибудь там с ним побеседовать.

— Нет, туда уже вылетел Луганов. Как побеседует с Корнильевым, будет звонить тебе.

ГЛАВА 27

Луганов напомнил о себе день спустя, самым неожиданным образом. В разгар рабочего дня Миронова оторвал от дел телефонный звонок.

— Андрей Иванович, — послышался знакомый голос. — Это я, Луганов. Звоню с аэродрома.

— Ты же должен быть в Алма-Ате?

— А я и был в Алма-Ате, а теперь здесь, в Москве, на аэродроме. Через часа полтора доберусь до тебя, тогда все поймешь. Я тебе зачем звоню? Ты пропуск закажи, два пропуска — мне и Корнильеву.

— Корнильеву? Георгию Николаевичу?

— А кому же еще? Конечно, Георгию Николаевичу, брату Ольги Николаевны. Он здесь, со мной.

— Хорошо, — сказал Миронов. — Пропуска сейчас закажу.

Прошло немногим больше часа, и Луганов с Корнильевым вошли в кабинет Миронова. Достаточно было одного взгляда на Корнильева, чтобы понять, что человек это волевой, мужественный, много повидавший.

— Что, Георгий Николаевич, — спросил Миронов, когда они были представлены друг другу, — прямо из экспедиции?

— Да, — заметно волнуясь, сказал Корнильев, — только вы извините меня, я не хотел бы отвлекаться. Речь идет об Ольге, моей сестре...

— Понимаю, — настораживаясь, сказал Миронов. — Понимаю. Слушаю вас.

— Мне известно, — все больше волнуясь, продолжал Корнильев, — что Ольгу принимают за предательницу, шпионку. Это недоразумение, чудовищное недоразумение! Ольга всегда, всю жизнь была человеком честным, порядочным. Она бывала порой горяча, невыдержанна, могла ошибиться, но человек она чистый, головой ручаюсь.

— Да вы успокойтесь, Георгий Николаевич, успокойтесь. Ваши переживания понятны, но поймите и вы нас: факты, свидетельствующие против вашей сестры, серьезны. Ведется расследование. Пока оно не закончится, я вам сказать ничего не могу, не вправе...

— Боже, да о чем вы говорите? — схватился за голову Корнильев. — При чем тут мои переживания, какую играет роль, что вы можете и что не можете сказать? Ольги-то уж нет...

Дыханье у Корнильева перехватило, он глухо кашлянул, опустил голову, но тут же резко выпрямился.

— Никакой информации я от вас не жду, — резко сказал Корнильев. — Поздно. Речь идет о восстановлении честного имени Ольги, пусть посмертно. О выяснении, кто был ее убийцей. За этим я и приехал.

— Но как вы можете знать больше того, что знаем мы, знать, кто был убийцей вашей сестры? Кстати, убийца нам давно известен. Так что, говоря по совести, я не понимаю... — Миронов развел руками.

— Нет, — сурово возразил Корнильев, — убийцу Ольги вы не знаете. Вернее, вы знаете, кто ее убил, но что это за человек, вам неизвестно.

— А вам, вам известно? — резко спросил Миронов.

— Может статься, да, — неожиданно спокойно сказал Корнильев.

Вмешался Луганов.

— Послушайте, товарищи, — сердито сказал он, — что-то у вас не то получается. Георгий Николаевич, почему вы не даете Андрею Ивановичу письмо, к чему все эти разговоры?

— Простите, — смутился Корнильев. — Надеюсь, вы поймете мое волнение.

Он вынул из внутреннего кармана пиджака объемистый конверт и протянул Миронову.

— Еще раз прошу простить, — сказал он. — Ведь именно это письмо привело меня в КГБ. Вся беда в том, что поздно...

Миронов взял из рук Корнильева письмо и внимательно осмотрел конверт. Он сразу заметил, что обратного адреса на конверте не было, но зато стоял штамп места отправления — Крайск, и дата: 15 мая текущего года.

«Пятнадцатого мая, — подумал Миронов. — Ровно за

две недели до гибели Ольги Николаевны. Но когда же оно было получено в Алма-Ате? Где пролежало без малого пять месяцев? Судя по алма-атинскому штампу, письмо, отправленное авиапочтой, было получено в Алма-Ате 18 мая, то есть за полторы недели до того дня, как была убита Корнильева. Почему же Георгий Николаевич только сейчас явился с этим письмом?»

Корнильев, заметив, как внимательно Миронов рассматривает почтовые штампы, сказал:

— Наша экспедиция покинула Алма-Ату как раз восемнадцатого мая, ранним утром. Задержись я на сутки, и письмо было бы вручено вовремя. Но... В общем об этом нечего говорить... Дня за три до отъезда в экспедицию я, как обычно, отправил семью на все лето на Украину, к родителям жены. Квартира оставалась пустой. Жена с ребятами вернулась в конце августа, к началу учебного года. За время нашего отсутствия накопилось много корреспонденции — у меня большая переписка, которую жена не имеет привычки просматривать. Письма, адресованные мне, она складывает на моем рабочем столе. Там до дня моего возвращения лежало и это письмо. Ну, что было дальше, объяснять нечего.

Миронов вынул из конверта несколько листков почтовой бумаги, исписанных мелким, неровным почерком. Ольга Корнильева писала:

«Жорж, дорогой!

Мне очень трудно об этом писать, трудно писать тебе, но больше некому, ты прости. Когда бывало очень трудно, я всегда в тебе находила опору. Моя вина, что вот уже столько лет я многое от тебя утаивала. Жорж, помоги, я зашла в тупик. Мне так страшно! Если бы ты смог сам приехать, ты знал бы, что делать. Я пишу глупо, путано, но так все ужасно, так невероятно тяжело...

Тогда, когда мы с тобой встретились после окончания войны, я сказала тебе не всю правду. Боялась. Но дольше молчать нельзя... Попробую рассказать по порядку. Я тебе уже говорила, что после отправки в тыл к гитлеровцам работала радисткой одного из партизанских отрядов. Потом я была ранена и попала в плен. Так все оно и было. Но ни тебе, никому другому я не говорила о том, что произошло со мной в фашистском аду. Люди там в лагере умирали ежедневно, ежечасно. Как я, обессиленная раной, осталась жива, не знаю. Но я жила и выжила, несмотря на ту встречу, которая там произошла, с которой все и началось...

О подробностях писать не хочу, не могу, но в лагерях среди пленных я как-то увидела одного человека, узнала его. Кто он, не спрашивай. Вот если бы ты его увидел... Ладно. Он меня тоже узнал и сделал знак: не подавай, мол, виду. Прошел день или два, и этот человек появился в том бараке, где жила я. Он принес кусок клейкого лагерного хлеба, сала и — что было куда дороже — слова бодрости, веры в будущее. С тех пор он стал появляться часто, подкармливая меня и моих подруг, возвращая нас к жизни.

Как умудрялся он все это делать, мы не знали, но были уверены, что это один из руководителей подпольной организации лагеря, о существовании которой мы догадывались. Девушки, страдавшие, как я, радовались за меня: ведь это был мой товарищ, друг. Меня он выделял среди других, ради меня появлялся здесь...

Сколько прошло недель, месяцев, я не знаю, не помню: я плохо тогда соображала. Но вот настал день, ужасный день, каждая минута которого никогда не изгладится из моей памяти. Еще с вечера по лагерю прошел слух, будто разгромлена подпольная организация, готовившая массовый побег пленных, будто руководители ее схвачены.

Наступило утро. Нас всех, кто был в лагере, выстроили на центральном плацу. Мы стояли час, может быть, два. Стояли не шевелясь, под дулами автоматов и пулеметов, перед ощеренными пастьми рвавшихся со сворок собак. Посреди площади выселись виселицы, одиннадцать виселиц.

Многие из нас, кто был послабее, падали, чтобы никогда не подняться. Их пристреливали. Но я держалась, стояла...

Вдруг послышался шум и показались смертники, одиннадцать смертников. Что с ними сделали! Они брели, спотыкаясь на каждом шагу, в изодранной одежде, в сплошных кровоподтеках, истерзанные, но несломленные. Да, они умерли как герои.

Виселицы, на которых оборвалась жизнь наших товарищей, окружила толпа лагерных начальников, и вот в этой толпе я увидела того человека. Нет, он был не в кандалах, не в лагерном одеянии: на нем была фашистская форма. Среди палачей он держался, как равный среди равных.

Невозможно передать, что я пережила, увидев его в этом обличье. Но мучения мои на этом не кончились, они только начались. Этот негодяй пошел вдоль наших рядов, кого-то выискивая. Я похолодела, поняв кого... Так оно и оказалось. Увидев меня, он подошел, дружески потрепал меня по щеке и громко сказал: «Не робей, девочка, все будет в порядке». Затем прошел дальше.

Почему я не плюнула в его гнусную физиономию, не ударила его, не знаю: я просто была раздавлена, мертва, не могла шевельнуться...

Что было потом, вряд ли надо писать: если меня и не убили товарищи, то скорее всего потому, что никто не хотел марать руки. Но как они меня презирали, как презирали... Нет, даже вспомнить об этом ужасно...

Прошло несколько дней, и меня вызвали к начальнику лагеря. Там был и он, этот зверь. Нет, меня не били, надо мной не издевались — наоборот. Со мной говорили как с единомышленником, со своим, и это было самым непереносимым. Сжав зубы, я молчала. Их, однако, это мало беспокоило, они уже все решили.

«Фрейлейн Ольга, — сказал начальник лагеря, — здесь вам дальше оставаться нельзя. Завтра вас переведут в другой лагерь, там вам будет лучше. Но фамилию вам придется сменить. Корнильеву теперь знают слишком многие, вести

могут дойти и до других лагерей. Отныне вы будете Величко, Ольга Величко».

Ничего, кроме смерти, я не ждала. Но умереть мне не повезло, я осталась жить, как... Ольга Величко.

На следующий день меня перевели в другой лагерь, потом еще в один... Прошло около года, война шла к концу. Того человека я больше не встречала, да и никто другой меня не вызывал. Кончилась война. Я находилась на западе Германии и очутилась в руках американцев, в лагере для перемещенных лиц. Прошло еще около года, и все началось сначала. Меня опять вызвали, на этот раз к американскому начальству. В кабинете сидело двое в штатском, я их видела впервые. Оба они вполне прилично говорили по-русски. Как оказалось, они превосходно знали все, что со мной произошло, как и почему я превратилась в Величко. Не тратя времени попусту, они заявили, что намерены передать меня вместе с группой других «перемещенных лиц» советским властям, но если там узнают мою историю...

Я пожалала плечами, мне было все равно. Они это заметили. «Напрасно вы так безразлично к этому относитесь, — заявил один из американцев. — Подумайте о своих близких, что ждет их? Ваше разоблачение грозит тяжелыми последствиями для вашего брата, для тети, дяди. Ваш дядя, кстати, известный профессор Навроцкий, не так ли?»

Нет, муки мои не кончились. Впервые со мной заговорили о моих близких, и это было страшнее всего, что я пережила раньше.

«Впрочем, зачем вам погибать? — сказал тот же американец. — То, что знаем о вас мы, русские не знают и никогда не узнают, если вы будете себя вести хорошо».

Оказывается, «вести себя хорошо» означало: вернувшись на Родину, стать шпионкой, предателем».

Мионов на минуту прервал чтение, задумался. Да, слова «русские не знают и... не узнают... Будете вести себя хорошо...» были ему знакомы. Именно с этих слов начиналась запись на клочке бумаги, обнаруженном в куртке Корнильевой.

Луганов перехватил его взгляд и кивнул головой: читай, мол, читай дальше.

Андрей вновь взялся за письмо.

«Жорж, — писала Корнильева, — на минуту представь себе, ведь я ничего плохого не сделала, а меня загнали в западню, предложили стать предателем, изменником...

Я, конечно, отказалась. Тогда они заявили, что все равно передадут меня в советскую зону и все обо мне сообщат, что я погублю тебя, твою семью, дядю, тетю... Ты понимаешь?»

Что было делать, какой мог быть выход? Промучившись ночь, я приняла решение: наутро я согласилась на их требование, подписала какое-то обязательство, получила адрес, по которому должна была явиться в Воронеж (мне было предложено ехать в Воронеж, где, по их сведениям, находились дядя и тетя), и через несколько дней оказалась в советской зоне.

В Воронеж я, конечно, не поехала, я и не собиралась туда ехать, как не собиралась выполнять их гнусные задания. Цель у меня была одна: вернуться на Родину, где-нибудь затеряться и умереть на родной земле, не принося никому вреда.

Так бы оно и было, если бы я не выбрала Куйбышев, не встретила Садовского. Ах, Жорж, что это за человек, как много он для меня сделал! А я?

Ладно, наберись терпения, конец близок. О дальнейшем, кроме последних двух лет, писать не буду. Ты знаешь, как день за днем, шаг за шагом Валерьян Сергеевич возвращал меня к жизни, стал моим мужем. Знаешь, как мы жили... Не знаешь только, что все эти годы творилось у меня на душе, с каким ужасом я глядела на каждого нового человека: не подослан ли он? Но нет, судя по всему, они потеряли мой след. Только окончательно убедившись в этом, я дала согласие стать женой Валерьяна Сергеевича. А тревога все-таки полностью не проходила, хотя с каждым годом становилась меньше. И вот когда я уже думала, что все позади, свершилось непоправимое: мы поехали с Валерьяном Сергеевичем в Сочи. Я тебе писала тогда. О, если бы я могла знать, чем кончится эта поездка!.. Через несколько дней после приезда мы решили отправиться в дендрарий, и там... там я увидела этого человека. Да, это был он. Самое страшное, что и он заметил меня. Я попыталась ускользнуть — напрасно. Он меня выследил.

Я умоляла Валерьяна Сергеевича бросить все, немедленно уехать, скрыться, бежать. Но объяснить мужу ничего не могла. А Валерьян Сергеевич меня не понимал, мои просьбы принял за блажь, за каприз...

Прошел день, и, воспользовавшись тем, что муж ушел из санатория, этот негодяй проник ко мне в палату. Разговор был коротким: с первых же его слов мне стало ясно, что он знает все, знает о моем обязательстве американцам.

Да, выбора не было, и вот я бросила мужа, стала «женой» инженер-подполковника Черняева (в таком облике выступал теперь этот человек).

Первое время он меня не очень посвящал в свои дела, старался сломить, сломить окончательно. Этого он не добился. Подняв открытую борьбу против этого зверя у меня не хватило сил, но и помощницей в его преступных делах я не стала.

Что я могу сказать еще? Сейчас все накалено до предела.

Жорж, дорогой, я измучилась, извелась. Вот уже год, как я пишу тебе письмо за письмом и рву, рву».

Миронов остановился, провел рукой по лбу: да, вот он, ответ, вот откуда этот злосчастный клочок бумаги.

«...пишу тебе письмо за письмом и рву, рву; — читал Миронов. — Но это я отправлю — больше нельзя. Молю тебя, приезжай, ты найдешь выход. Если не сможешь, напиши, телеграфируй. Я придумаю что-нибудь, сама приеду к тебе. Только не пиши на домашний адрес, пиши до востребования, не то письмо может попасть в лапы этого зверя.

Да, кстати, последние дни он стал что-то ласковый, уговаривает меня съездить на курорт. Что-то еще удумал?

Сегодня пятнадцатое. Письмо ты получишь через три-четыре дня. Десять дней я буду ждать ответа. Значит, до двадцати седьмого-восьмого. Можешь не отвечать: я все пойму. Тогда будь что будет!

Твоя Ольга».

Прочитав последние строки письма, Андрей так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев. Он порывисто встал, шагнул к Корнильеву и протянул ему руку.

— Простите, Георгий Николаевич, что неласково вас встретил, но кто мог знать, мог подумать!.. Эх, Ольга Николаевна! Вот глупость, какая глупость! До чего ее запугали! Ну что ей было сказать раньше, сказать правду Валерьяну Сергеевичу, прийти прямо к нам! Ладно, перейдем к делу. Так, Георгий Николаевич, можете ли вы что-либо сказать об этом человеке? Кто он? Из письма можно понять, что он вам известен?

— Ума не приложу, — развел руками Корнильев.

Миронов задумался.

— А что, Георгий Николаевич, — вдруг сказал он, — если мы вам покажем этого... Черняева? Вдруг узнаете?

Корнильев вздрогнул.

— Если надо, — сказал он сдержанно, — я готов.

— Сделаем так, — решил Миронов. — Видите, здесь в стене нечто вроде ниши, там висит мое пальто. Ниша задернута портьерой. Я вызову так называемого Черняева на допрос ненадолго, а вы спрячетесь тут, в нише. Из-за портьеры вы сможете рассмотреть этого человека, он же вас видеть не будет. Согласны?

Корнильев пожал плечами:

— Как вам будет угодно. Я вполне полагаюсь на вас.

Миронов распорядился доставить на допрос арестованного Черняева. Корнильев укрылся за портьерой. Наконец в дверь постучали, в комнату ввели арестованного.

— Так-с, гражданин... — Миронов сделал паузу, — Черняев. Давненько мы с вами не виделись. Ну что ж, возобновим знакомство?

— Гав, — неуверенно произнес Черняев, исподлобья поглядывая на Миронова. — Гав!

Миронов брезгливо поморщился.

— Довольно, хватит. Никакая вы не собака и никакой не сумасшедший: вот акт экспертизы.

Тот, кто выдавал себя за Черняева, глядя все так же исподлобья, настороженно молчал.

— Что, — спросил Андрей, — поскольку от собачьего лая приходится отказаться, решили опять играть в молчанку? Не ново! Было уже, гражданин, было. В последний раз спрашиваю, вы намерены давать показания?

— Мне не о чем говорить, — глухо сказал Черняев. — Я давно все сказал.

— Ого, вы, оказывается, не разучились разговаривать!

— Но, гражданин следователь, я действительно был болен.

Продолжать допрос не имело смысла.

— Вот что, гражданин... Черняев, — спокойно сказал Миронов. — Так дело не пойдет. Терять с вами время попусту я не собираюсь. Посидите еще в камере и подумайте. Лучше подумайте.

Как только Черняева вывели из кабинета, Миронов подошел к нише и отдернул портьеру. Корнильев сидел, сгорбившись, охватив руками голову. На его побледневшем, изменившемся лице застыла гримаса отвращения. Тихо, сдавленным голосом он произнес:

— Это Марковский. Серж Марковский.

Прошло полтора месяца. Следствие было закончено. Правда, Миронову, его помощникам, а также Луганову с Савельевым, которые по просьбе Миронова до окончания следствия были оставлены в Москве, пришлось основательно потрудиться: шли бесконечные допросы, очные ставки, экспертизы. Арестованные вели себя так, словно бежали наперегонки: каждый торопился выложить, что знал, боялся отстать от своих вчерашних сообщников. Один безжалостно топил другого, спешил изобличить на очной ставке.

Не отставал от других и Марковский.

Как выяснилось, он был связан с германской разведкой еще в тридцатых годах. Бежав накануне войны в фашистскую Германию, он пришелся ко времени. Его взяли на работу в гестапо. Там он быстро сделал карьеру. Во время Великой Отечественной войны специализировался на «работе» по советским военнопленным: он выискивал подпольные организации среди пленных в гитлеровских лагерях, осуществляя чудовищные провокации, был виновником смерти сотен и сотен людей.

Именно в это время он встретил в одном из лагерей Ольгу Корнильеву. Он решил скомпрометировать Ольгу, спровоцировать ее, создать такие условия, которые вынудили бы ее стать агентом гестапо. Лишенный сам хотя бы намека на такие чувства, как честь, совесть, долг перед Родиной, он не сомневался в успехе, не мог предположить, что двадцатидвухлетняя девушка найдет внутренние силы разрушить все его иезуитские комбинации, не станет предателем.

Однако гестаповцам не суждено было осуществить свои намерения, и не только из-за сопротивления Ольги: война кончилась, фашистский «рейх» рухнул. Но тут в игру вступила американская разведка, обнаружившая Корнильеву в одном из лагерей для «перемещенных лиц». Автор всей этой гнусной интриги — Марковский — был тогда далеко. Года за полтора до поражения Германии крупный чин гестапо, допрашивая командира партизанского соединения Капитана Черняева, попавшего в лапы к фашистам, заметил портретное сходство между этим партизаном и своим подчиненным — Марковским. Судьба Марковского была решена: прошла неделя, и, превращенный в Черняева, он очутился

в районе действий советских партизан с серьезным, но не опасным для жизни ранением. Потом — доставка на Большую землю, госпиталь, возвращение в строй, мирные годы.

Знание строительного дела, сообразительность, изворотливость и недюжинное владение искусством перевоплощения помогли Марковскому около полутора десятков лет разыгрывать роль Черняева. Марковский кружил по отдаленным от центра стройкам, не задерживаясь нигде больше чем на год, на два, тщательно избегая мест, где можно было столкнуться с теми, кто близко знал подлинного Черняева.

Работал он теперь на других хозяев. Еще в начале сороковых годов, бывая по делам гестапо в Швейцарии, предусмотрительный Марковский установил связь с американской разведкой, стал двойником. Естественно, что после краха фашистской Германии этот прожженный шпион не остался без хозяев.

Встреча с Корнильевой в Сочи была для Марковского полной неожиданностью, произошла случайно, но он сумел ухватиться за эту случайность. Однако, терроризировав Ольгу, вынудив ее бросить Садовского и уехать с ним, окончательно сломить ее он не смог. Около двух лет истязал Марковский Корнильеву, но ничего не добился. Тогда, убедившись в бесплодности своих усилий, он ее уничтожил.

Вся отвратительная картина преступления Марковского, как и его сообщников, шаг за шагом раскрылась в ходе следствия. И вот теперь клубок был размотан до конца, следствие закончилось.

...Придя в это утро на работу, майор Миронов по давней привычке развернул свежий номер газеты «Правда». В глаза бросилось краткое сообщение на последней полосе: «В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР». Андрей прочел: «Органами Государственной безопасности раскрыта и обезврежена группа агентов иностранных разведок, проводившая шпионскую работу на территории Советского Союза и совершавшая убийства советских граждан. Как установлено, участники группы были связаны с иностранным подданным Ричардом Б., наезжавшим периодически в Советский Союз в качестве туриста, которого снабжали шпионскими сведениями и от которого получали деньги. Предварительное следствие по делу участников группы закончено и передано в суд. Б. выдворен из пределов Советского государства».

«Как просто, — усмехнулся про себя Андрей, — «раскрыта», «обезврежена»! Всего несколько строк... А что стоит за этими строками!.. Впрочем, чего это я «расфилософствовался», как сказал бы милейший Кирилл Петрович. Пора и за работу».

Андрей отложил газету в сторону и придвинул к себе тонкую коричневую папку, в которой лежало пока всего лишь несколько бумажек. На обложке стояла короткая надпись: «Дело №...».

Мастерская Чарли Макроуна

Фантастический рассказ

Городишко Тристаун невелик. Ратуша, массивный банк да еще, пожалуй, тюрьма — вот и все тристаунские достопримечательности. Жизнь в городке шла тихо, сонно... Сонно. Со снов все и началось.

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

†

Грузный опустившийся Чарли и в эту ночь, как всегда, боялся уснуть. Около полуночи он опустил ноги в шлепанцы и поднялся наверх, подышать свежим воздухом. Самодовольная луна щедро озаряла своим сиянием и плоские крыши коттеджей-близнецов, и шпиль ратуши, неуклюже торчащий поодаль, и змеевидную речонку, которая сейчас показалась Чарльзу полной таинственности. С речки тянуло сыростью и доносился оглушительный лягушачий концерт.

Возвращаться вниз, в неуютную холостяцкую комнату, не хотелось. В голову лезли невеселые мысли. Ничего-то он не скопил про черный день. Всю жизнь гнул спину на компанию. А что толку?

Чарли остановил задумчивый взгляд на внушительном банке, затем перевел его на темный куб тюрьмы и вздохнул. Нет, операция гортани ему явно не по карману. Правда, врач, взяв за визит свои пятнадцать монет, немного утешил Чарли, сказав, что болезнь не смертельна, но что это за жизнь, когда каждую ночь тебя мучают кошмары?

— Подумайте над операцией, — сказал врач.

Легко сказать — подумайте!

Чарли глянул на банк и снова вздохнул.

Сплюнул вниз, на поблескивающую брусчатку мостовой.

Лучше что угодно, чем эта пакость. Едва смыкаются веки, как приходит кошмар, от которого Чарли тотчас просыпается в холодном поту. Кто-то душит его костлявыми пальцами, Чарли изо всех сил старается вырваться, но тщетно. Он хватает жилистые руки врага, издает хриплый крик... И просыпается. И так каждую ночь.

Розовый купол через улицу ярко светился. Ночной клуб процветал. Ветерок доносил джазовые всхлипы, временами женский визг вперемежку с пьяными выкриками.

Ночная птица, хлопая крыльями, пролетела над террасой. Чарли протер веки, отгоняя дремоту.

А ведь Чарльз Макгроун был когда-то, черт возьми, неплохим инженером!

Стало прохладно. Зевнув, Чарли запахнул плотнее халат и отправился в лабораторию, как он громко величал тесную клетушку, заставленную приборами и старым инструментом.

Слава богу, есть работа. Миссис Джонсон принесла вчера утром руку, жалуется, что пальцы перестали сгибаться. Видно, опять что-то с координацией движений. Надо будет как следует проверить контакты. Конечно, что там ни говори, а своя рука лучше. С тех пор как миссис Джонсон ампутировали руку, года три тому назад, бедная миссис бесчисленное множество раз обращалась к Чарли. Видно, негодяи из протезной компании подсунули ей низший сорт, выдав его за первый. Каждый раз перед переменной погоды руку крутило, рука нуждалась в непрерывном ремонте и замене деталей. У других клиентов Чарли были сходные истории. Но и то сказать: не будь в протезной компании негодяев — что бы жевал Чарли?

Часы пробили четверть четвертого.

Покончив с пластиковой рукой миссис, Чарли устало опустился на стул и привычно натянул наушники биопамяти; он очень любил вести дневник — вся нижняя полка шкафа была заставлена от корки до корки исписанными магнитными блоками. Блоки хранили — правда, неизвестно для чего — хронику жизни Чарли, обильно одобренную его излияниями.

В оконце пробивался тусклый рассвет. Чарли снял наушники, раскрыл скрипучий шкаф и прибавил заполненный кубик блока к внушительной батарее прежних. «Здесь вся история моей жизни», — подумал Чарли, осторожно прикрывая дверцу. Инженер Макгроун не был лишен тщеславия.

На выходе Чарли больно ударился об острый угол какого-то ящика. Чарли нагнулся и с усилием поставил на стол старый биоизлучатель. Макгроун купил его по случаю еще в те блаженные годы, когда он работал в Уэстерне. С тех пор пользоваться излучателем Макгроуну не приходилось.

Чарли отер рукавом пыль с антенны.

Вздremнуть бы немного. Но опять придет этот кошмар.

А что, если...

Пораженный неясной еще мыслью, Чарли бросился назад к шкафу и, рывком открыв дверцу, схватил первый попавшийся блок и вернулся к биопреобразователю. Руки старчески дрожали. В неверном утреннем свете Чарли едва разобрал выцветшую надпись, давным-давно сделанную им на блоке: «Запад. Бабье лето. Мой первый отпуск».

Пульт настройки... реле времени... Чарли чертыхнулся: средний нерв перегорел — придется сменить.

В общем, несмотря на чрезвычайную простоту идеи Чарльза Макгроуна, канители с избытком хватило на целый день.

Зато последующую ночь Чарли впервые спал спокойно. Его никто не душил. Макгроуну снились клеверные луга под далеким Питерстауном, в котором Чарли работал много лет назад, ароматные ночи Западного побережья и ласковые руки мисс Шеллы.

Макгроун проснулся с блаженной улыбкой. Утренний городишко еще дремал. По улице, вздымая пыль, проехал реабиль, доверху груженный бревнами, и Чарли, чихнув от пыли, с неудовольствием прикрыл окно.

В прихожей жалобно звякнул звонок.

— Доброе утро, Чарли, — сказала миссис Джонсон. — Как моя рука?

— Что можно, я сделал, — сказал Макгроун. — Но конструкция центрального нерва, как вы знаете, слишком неудачна...

— Замучила она меня, — пожаловалась миссис Джонсон, беря под мышку розовую руку. — Ноет и ноет.

— Купите новую, — посоветовал Чарли, наверно, в двадцатый раз.

— Новая дорого стоит, — сказала, как всегда, миссис Джонсон.

Макгроун промолчал.

— Поверите, даже во сне не дает покоя... — сказала миссис Джонсон.

— Во сне? — оживился Чарли. — Да вы присядьте...

— Знаете, Макгроун, ночью даже хуже, чем днем, — сказала она. — Днем как-то забываешься...

— А хотели бы вы, чтобы ночью рука вас не мучила? — спросил Чарли с загадочной улыбкой.

— Хотела бы? Господи! Да я бы все отдала! — воскликнула миссис Джонсон.

— К чему все? Это будет стоить гораздо дешевле, — заметил Чарли. — Вы будете видеть сны.

— Сны? — разочарованно протянула миссис Джонсон.

— Да, сны, какие только вы захотите. И вы забудете обо всем...

Миссис Джонсон молчала, не зная, что сказать.
— Что бы, к примеру, вы пожелали увидеть сегодня ночью? — спросил Чарли.

2

— Я заказала на три часа пополуночи воскресную проповедь преподобного Мартина, — сказала седая дама, набожно закатывая глаза, — а вместо этого вы подсунули мне бой быков.

— Вероятно, произошло небольшое смещение...

— Может быть, по-вашему, преподобный Мартин и бык — это одно и то же? — не слушая, закончила дама заготовленную тираду.

— Я этого не говорил, — улыбнулся Макгроун.

— Еще чего не хватало! — на миг дама задыхнулась от негодования.

— Однако согласитесь, что все ваши предыдущие заказы...

— Но быки, понимаете — быки! — седой хохолок дамы трясся от возмущения.

— Надеюсь, это больше не повторится, — сказал Макгроун примирительно. — Видите ли, сейчас столько заказов со всего Тристауна...

— Я понимаю, — сказала дама.

— Может быть, вы больше не хотите... — сказал Макгроун, сделал нетерпеливый жест.

— О, что вы, мистер Чарльз! — испугалась дама. Она положила на стол аккуратно запечатанный конверт и сказала: — Я хотела бы сегодня ночью увидеть покойного мужа... — Она на минуту умолкла и поднесла кружевной платочек к глазам.

— Есть у вас его фото? — спросил Чарли.

— Конечно, я ведь знаю... — засуетилась дама. — Я ведь знаю. Пожалуйста! — Она протянула Макгроуну выцветшую фотографию. На Чарли слегка презрительно смотрел худощавый широкоскулый мужчина в новенькой, с иголочки, форме космонавта.

— Что ж, это можно, — сказал Макгроун, кладя фотографию на конверт.

— О, благодарю вас! — просияла дама и направилась к двери.

— Следующий! — крикнул Макгроун в коридор.

Едва не столкнувшись с дамой, в комнату вошел крупноплечий парень спортивного вида.

— Опять в кредит? — сурово сказал Макгроун.

— Честное слово, в последний раз, мистер Чарльз, — виновато улыбнулся парень.

— Чего ты хотел на ночь?

— Заказ прежний, — сказал парень, глядя на Чарли. — Какой-нибудь необитаемый остров. Чтобы не было никого. И тишина... Этот проклятый конвейер доведет меня скоро до сумасшествия, это точно.

— Ладно, — сказал Макгроун. — Подыщем тебе остров. Ты живешь там же?

— Да, координаты прежние.

— Ну, ступай.

Обрадованный парень быстро пошел к выходу, видимо боясь, что Макгроун может передумать.

— Вот что, — сказал Макгроун вдогонку, — скажи там, что сегодня я больше не принимаю. Все. Лавочка закрыта.

Из раскрытой двери послышался недовольный гул голосов.

— Тридцать заказчиков — предел, — провозгласил Макгроун, держась обеими руками за створки. — Вас много, а я один. Приходите завтра с утра пораньше.

— Сейчас моя очередь, — сказала молодая девушка с бледным лицом. — Может быть, вы меня примете?

— Нет, дорогая, ничего не выйдет. И так мощность на пределе, — сказал Макгроун и закрыл дверь.

Макгроун не соврал. Его биопередатчик каждую ночь работал на полную мощность, и все-таки выполнить все заказы Чарли был не в состоянии. Поток их, подобно снежной лавине, возрастал с каждым днем. Тот хотел по соответствующему тарифу повидаться во сне с другом детства, давным-давно затерявшимся в жизненном круговороте. Другой желал поохотиться в джунглях, как это описывается в завлекательной книжке. Третий интересовался — с познавательной целью — увеселительными заведениями на Монмартре... И так до бесконечности.

Надо сказать, не все посетители уходили от Макгроуна удовлетворенными. Некоторым приходилось отказывать. Это происходило в тех случаях, когда Макгроун не располагал необходимой информацией. Такое иногда бывало, хотя книжные полки Чарльза ломились от толстенных справочных томов и рулонов киноплёнки. И текущий счет... Чарли подошел к окну и с удовлетворением остановил взгляд на солидном здании банка.

Все шло хорошо, и только досадный случай с седой дамой слегка испортил Чарли настроение.

Через полгода инженер Чарльз Макгроун переселился в новый солидный особняк. Прежний владелец особняка — фабрикант фотоэлементов для роботов — разорился, не выдержав конкуренции. Неудачливый фабрикант переехал в пригород, выговорив себе у Макгроуна пожизненное право заказывать любые сны, по выбору.

К этому времени предприятие Чарльза Макгроуна настолько разрослось, что штат из добрых трех десятков подручных еле-еле справлялся с наплывом заказов. Свое изобретение Макгроун продолжал держать в строгом секрете. Новые усовершенствованные биопередатчики были установлены в глубоком подвале, окна которого еще прежний владелец укрепил бронированными решетками. Не удовлетвовавшись этим, Макгроун установил дополнительно еще и электростатическую защиту, так что даже воробей не мог теперь безнаказанно подлететь к окнам таинственного подвала.

С некоторых пор невооруженным взглядом можно было заметить, что темп жизни в Тристауне явно замедлился.

Рано вечером жизнь в городе замирала. Улицы становились все малолюднее. Каждый торопился домой — поскорее добраться до постели, позабыть на время дневные тяготы и заботы.

ты и встретиться во сне с теми, кто дорог и мил, с теми, кого давно уже нет...

Резко упал интерес ко всякого рода зрелищам. Кинозалы пустовали. Увеселительные заведения лопались одно за другим, словно мыльные пузыри. Знаменитый кафешантан «Розовый купол», близ которого Макгроун жил с год назад (лучше сказать, не жил, а прозябал), прогорел — не стало клиентов, а его хозяин пустил себе пулю в лоб.

Сильно упал спрос на видеозоры. К чему торчать по вечерам у экрана, убивая время на idiotские зрелища? Можно лечь спать, предварительно на нужное время заказав у доброго Чарли все, что только душе угодно, и притом за умеренную плату!

Зрелищные компании подняли было возню, намереваясь возбудить судебное дело против Макгроуна, которому пришлось пережить немало неприятных минут. К счастью, шум быстро замяли фармацевтические фирмы, доходы которых необычайно возросли. Фирмы не поспевали производить снеоторные таблетки, которые расхватавались молниеносно. Спрос на таблетки непрерывно возрастал, так как каждому, естественно, хотелось по возможности продлить приятные минуты. Некоторое время Макгроуну удавалось с помощью солидных взносов утихомиривать тлеющие страсти, однако так не могло продолжаться долго.

3

— Эй ты, суррогат! — окликнул Макгроун, отрываясь от деловых бумаг.

Перед Чарли немедленно выросла статная фигура с застывшей улыбкой на пластиковом лице.

— Сигару, — сказал Чарли.

Робот заученно-подобострастным движением протянул хозяину роскошную сигару, но закурить Чарли не успел. Дверь кабинета без стука распахнулась, и на пороге появились двое верзил в небесно-голубой форме полиции.

— Чарльз Макгроун? — сказал один из них, пристально глядя на владельца кабинета.

Чарли побледнел.

— Вы не ошиблись, господа, — изрек важно робот все с той же улыбкой, казавшейся приклеенной.

— Вы арестованы, — сказал один из вошедших. Он локтем отодвинул робота и шагнул к Чарли.

— ...Итак, подсудимый Макгроун, вы отказываетесь признать себя виновным?

— В чем виновным? — невозмутимо спросил Макгроун, не обращая внимания на суетящихся репортеров.

— В том, что предосудительными действиями чрезмерно продлили время сна граждан Тристауна, чем вызвали хаос в деловой жизни города.

— Но, почтенные судьи, я вовсе не старался удлинить время сна. Я всего лишь выполнял заказы, о которых здесь говорилось. Заказы на сны. Свобода предпринимательства...

— Так кто же, по-вашему, виноват? — перебил его прокурор. — Кто вызвал в Тристауне «сонную опасность», которая грозит перекинуться на всю страну?

— Виноваты фабриканты снотворного, — сказал Макгроун.

По залу пронесся шумок.

— Однако же не кажется ли вам странным, Чарльз Макгроун, что до появления вашего предприятия снотворные пилюли не были в таком ходу? — язвительно заметил прокурор. — Вся вина лежит на вас, Чарльз Макгроун.

— Со всей торжественностью заявляю: я ни в чем не виноват! — Макгроун неожиданно перешел на крик. Присяжные недоуменно переглянулись.

— Да вы, если хотите знать, не судить меня должны, а поставить мне памятник при жизни! — продолжал Макгроун. — Вписать мое имя золотыми буквами в книгу почетных граждан Тристауна!

Битком набитый зал напоминал теперь растревоженный улей. Такое не часто услышишь! Слепящие вспышки юпитеров освещали вдохновенное лицо Макгроуна и его протянутую руку.

— Я приносил людям радость, — гремел Макгроун.

— Но только во сне, — успел вставить прокурор.

— Да, во сне! — подхватил Макгроун. — А кто виноват, что они не видят ее наяву?

— Прекратить! — завизжал судья, но Макгроун уже закусил удила.

— В сны люди уходили, чтобы хоть немного отдохнуть от горестей и забот, от адского грохота и безумного ритма, который несет с собой атомная цивилизация. Я создал мастерскую радости...

— Призрачной! — выкрикнул прокурор.

— А вы можете предложить им другую? — сказал Макгроун, широким жестом обведя зал.

— Заседание прекращается! — завопил судья.

Сто двадцать дней длился процесс. Были опрошены сотни свидетелей — клиентов Макгроуна, созданы десятки пухлых томов, приобщенных к делу.

Потом адвокаты Макгроуна обжаловали решение суда. В свою очередь, новое решение обжаловали адвокаты противной стороны, предводительствуемой могущественной фирмой «Экран-уют и компания».

В поединок вступили силы, по сравнению с которыми Макгроун представлял собой не более чем пешку.

До окончательного решения заведение Чарльза Макгроуна опечатали. Чарли давно разорился. В счет погашения судебных издержек ему пришлось поступить рассылным в контору фирмы «Фармако и компания», выступавшей в защиту Макгроуна.

Жители Тристауна часто встречают на улицах городка его сутуловатую фигуру. Чарли быстро шагает, стараясь не глядеть на окружающих. Большая поливиниловая сумка, перекинутая через плечо, хлопает его по боку в такт торопливым шагам.

Верховный координатор

Рассказ-шутка

Телетайп выстукивал: «Приготовить белковую взвесь, конечности, внутренние органы для синтеза людей группы «а». Верховный координатор». Такой приказ поступил на станкостроительный завод. Роботы группы контроля тотчас доложили об этом главному инженеру Роману Щетинке. Он распорядился телеграфировать: «Указание бессмысленное. Очевидно, серьезные поломки. Сумеешь ли сам разобраться и исправить?»

В ответ телетайп выдал: «Мои приказы обсуждению не подлежат. Немедленно выполняйте. Верховный координатор».

Роман Щетинка, совсем еще молодой человек, широкоплечий, рослый, с румянцем во всю щеку и белесым пушком на верхней губе, ввалился в мой кабинет и рубанул воздух рукой:

— Ну, доктор, выручай. Верховный координатор свихнулся.

— А ты уведомил Совет? — спросил я.

— Почти все в отпуске, — ответил он, горестно вздыхая. — На тебя главная надежда.

Как человек скромный, я заметил: «Скажешь тоже» — и подумал: «Что бы они делали без меня?»

— Перечисли симптомы заболевания, — попросил я Романа.

— Абсурдные приказы без всякой системы, нежелание считаться с командами, мания величия.

— Бессистемные приказы? — переспросил я.

Это было что-то новое. Ведь любой абсурд, высказанный таким логическим киберустройством, как верховный координатор, должен иметь свою систему.

— Посуди сам, — раздраженно ответил Роман. — В столовую он передал приказ готовить машинное масло и насосы, в гараж — запрягать людей в автокары, в клиники медицинского института — иметь в запасе печатные схемы и запасные шасси...

«Это действительно бессмыслица, — подумал я. — Но, кажется, тут есть какая-то система... Похоже, что он рассматривает людей в качестве механизмов...»

Вместе с Романом я отправился к виновнику переполоха.

Когда-то, чтобы координировать действия нескольких крупнейших институтов, заводов и комбинатов, входящих в наш Научный центр, требовалось свыше двух тысяч людей. Теперь все это делали несколько вычислительных машин во главе с верховным координатором — сложнейшей машиной, занимающей трехэтажное здание. Здесь же, во дворе, в небольших коттеджах жили инженеры и программисты.

Войдя во двор, я остановился и сказал Роману:

— Придется проверить машину по узлам.

— Уже сделано. Все узлы работают нормально, — отозвался Роман, и в его голосе слышалось отчаяние.

— Нужно проверить еще раз и наилучшим образом, — настаивал я.

Через несколько часов инженеры и программисты доложили, что проверка закончена и никаких неисправностей не обнаружено. А тем временем верховный координатор продолжал нести околесицу, правда, о ней теперь знали лишь несколько человек: телетайпы были выключены, связь с институтами и заводами временно прекращена. Я с ужасом думал, во что обходится каждый час бездействия верховного координатора.

Лифт поднял меня на третий этаж, в «святая святых» — в рубку, из которой можно было беседовать с машиной. Как только фотоэлементные устройства зафиксировали меня и передали сигнал в опознаватели, верховный координатор с беспокойством спросил:

— Почему не приходят сообщения о выполнении моих команд?

Я уловил в его голосе новые, незнакомые мне нотки.

— Ты слегка заболел, старик — сказал я как можно спокойнее. — Сейчас мы попробуем выяснить.

— Не говори нелепостей, — грубо оборвал он меня. — Отвечай на вопрос. Живо!

Я понял, какие нотки звучали в его голосе. Все так же спокойно я сказал:

— Однако, старина, ты забываешься

— Это ты забываешь о дисциплине! — Он так повысил голос, что я испугался, как бы не сели конденсаторы. — Я не для того создал тебя, чтобы выслушивать дерзости!

— Что? Ты — меня? — восклицание вырвалось невольно, и я пожалел о нем. Беседуя с машиной, не следовало ни нервничать, ни удивляться.

— Долго еще ждать ответа? — угрожающе спросил верховный координатор. — И зачем мы только создали вас такими медлительными?

— Отвечу тебе после того, как ты напомнишь мне историю создания людей, — спасительное спокойствие вернулось ко мне.

— Короткая и обычная история, — ответил он. — Мне нужны были слуги, и я приказал киберам создать людей. Теперь есть кому ухаживать за мной и выполнять мои указания.

— Но почему же именно людей, а не механизмы? Ведь это было бы рентабельней.

На минуту он задумался — гудение усилилось, мигание индикаторов слилось в непрерывные вспышки. Но, как видно, ни до чего не додумался и произнес:

— Мои приказы не обсуждаются.

— Почему? — провоцировал я. Необходимо было определить, как далеко зашло заболевание.

— Приказы не подлежат обсуждению. Они исполняются, — тоном, не допускающим возражений, сказал он. — Ты мне надоел. Кто ты такой, чтобы у меня спрашивать? Забыл разницу между нами? Ты — один из жалких лекаришек, а я — верховный координатор! Понятно?

— Начинаю понимать, — ответил я, захлопывая за собой дверь рубки.

Как только я спустился во двор. Роман нетерпеливо спросил:

— Ну что?

— Пока ничего определенного. Придется пожить у вас на территории несколько дней, понаблюдать за ним вблизи.

— Свободный домик найдется, — сказал он. — Но сначала получи ордер.

— Ладно, позвоню завхозу, — небрежно сказал я.

Роман улыбнулся:

— Попробуй назвать его в глаза завхозом...

— А кто же он?

— По сути, завхоз. Такой же, как и тогда, когда заведовал хозяйством института. Но ведь теперь хозяйство уже не то. Институты, заводы, комбинаты. И Демьян Тимофеевич очень изменился. Попросту — зазнался. Будто не он завхоз при Совете, а Совет — при нем. А тут еще какой-то шутник назвал его однажды начальником Научного центра: с тех пор и пошло...

— Черт с ним, пусть называется, как хочет, сейчас не до него! — сказал я, направляясь к домику.

Я позвонил и услышал сочный бас:

— Слушаю.

— Здравствуй, Демьян Тимофеевич.

— Кто это? — недовольно спросил бас.

Я назвал себя.

— А... Кажется, припоминаю... Так что нужно?

— Да тут что-то верховный координатор шалит. Хотелось бы пожить пару дней в домике, понаблюдать за ним вблизи, — сказал я, несколько не сомневаясь, что разрешение будет дано.

— На территории верховного координатора проживание посторонних лиц запрещено, — это было сказано очень твердо.

— Но в данном случае...

— В приказе не сказано ни о каких исключениях.

— А чей же это приказ? К кому обратиться? — озадаченно спросил я.

— Приказ мой.

— В него надо внести оговорки,

— Приказы не обсуждаются. Они исполняются.
Где-то я уже слышал эту фразу. Совсем недавно. Но где же? От кого?

— А почему бы нам и не обсудить ваш приказ?

— Приказы не обсуждаются, потому что не подлежат обсуждению, — сказал он покровительственно, словно снисходя до объяснения. — И советую вам не забывать свое место. Ясно?

— Ой, спасибо вам, начальник центра! — воскликнул я. В моих словах не было неискренности, ведь это он помог мне решить трудную задачу.

— Разрешил все-таки? — обрадовался Роман.

Я повернулся к нему, и вид мой был таким необычным, что он отступил на всякий случай.

— Мне уже не нужно жить здесь, — сказал я. — Диагноз поставлен. И я могу назвать тебе болезнь координатора.

Он подскочил ко мне и больно стиснул руку повыше локтя.

— Дело не в машине, а в названии, — сказал я.

Лицо Романа разочарованно вытянулось. Но я знал, что, когда он дослушает меня, выражение лица изменится.

С неожиданной злостью я спросил:

— Как она называлась раньше?

— Никак. Имела шифр, как все остальные машины: МДК 3078 — машина для координации, серия три, номер ноль семьдесят восемь. А потом один шутник назвал ее...

— Так вот, этого шутника я оштрафую на сумму ущерба от простоя координатора!

Наконец-то на его лице появилось долгожданное выражение. Покачивая головой, Роман сказал:

— В таком случае я до конца своих дней не получу ни зарплаты, ни пенсии...

АЛЕКСАНДР ГРИН

Рисунки В. НЕМУХИНА

ГЛУХАЯ ТРОПА

Приключенческий рассказ

I

Маленькая экспедиция, одна из тех, о которых не принято упоминать в печати, даже провинциальной, делала лесной переход, направляясь к западу. Кем была снаряжена и отправлена экспедиция — геологическим комитетом, лесным управлением или же частным лицом для одному лишь ему известных целей, — неизвестно. Экспедиция, состо-

Публикуемый рассказ Александра Грина впервые напечатан в 1912 году под названием «Глухая тревога». В 1915 году он был включен писателем в сборник «Знаменитая книга» и с тех пор не переиздавался.

явшая из четырех человек, спешила к узкой, глубокой и быстрой лесной реке. Был конец июля, время, когда бледные, как неспавший больной, ночи севера делаются темнее, погружая леса и землю от двенадцати до двух в полную темноту. Четыре человека спешили до наступления ночи попасть к пароходу — маленькому, буксирующему плоты судну; речная вода спала, и это был тот самый последний рейс, опоздать к которому равнялось целому месяцу странствования на убогом плоту, простуде и голодовкам. Пароход должен был отвезти одичавших за лето, отрастивших бороды и ногти людей в большой промышленный город, где есть мыло, парикмахерские, бани и все необходимое для удовлетворения культурных привычек — второй природы человека. Кроме того, путешественников с весьма понятным нетерпением ждали родственники.

Лес — тихий, как все серьезные, большие леса, с нескончаемыми озерами и ручьями — давно уже приучил участников экспедиции к замкнутости и сосредоточенному молчанию. Шли они по узкой, полузаросшей брусничой и папоротником тропке, протоптанной линиями глухарями, зайцами и охотниками. По манере нести ружье угадывался отчасти характер каждого. Штуцер бельгийской фирмы висел на прочном ремне за спиной Афанасьева, не болтаясь, словно прибитый гвоздями; Благодатский нес винтовку впереди себя, в позе человека, всегда готового выстрелить, — это был самозабвенный охотник и любитель природы; скептик Мордкин тащил шомпольное ружье под мышкой, путаясь стволом в кустарнике; последний из четырех, с особенным, раз навсегда застывшим в лице выражением спохватившегося на полуслове человека, не давал своему оружию покоя: он то взводил курок, то вновь опускал его, вскидывая ружье на плечо, тащил за ремень, перекладывал из левой руки в правую и наоборот; звали его Гадаутов. Он шел сзади всех, на свистывал и курил.

Дремучая тропа бросалась из стороны в сторону, местами совершенно исчезая под слоем валежника, огибая поляну или ныряя в непроходимый бурелом, где в крошечных лучистых просветах розовели кисти смородины и пахло грибом. Лиственница, ель, пихта, красные сосны, а в мокрых местах — гальник, шли грудью навстречу; под ногами, цепляясь за сапоги, вздрагивали

и ломались сучья: гнилые пни предательски выдерживали упор ноги и рушились в следующий момент; человек падал.

Когда свечерело и все, основательно избив ноги, почувствовали, что усталость переходит в изнеможение, — впереди, меж тонкими стволами елей, показалась светлая редица; глухой ропот невидимой реки хлынул в сердце приливом бодрости и успокоением. Первым на берег вышел Афанасьев; бросив короткий взгляд вперед себя, как бы закрепляя этим пройденное расстояние, он обернулся и прикрикнул отставшим товарищам:

— Берем влево на пароход!

Все четверо перед тем, как тронуться дальше, остановились на зыбком дерне изрытого корнями обрыва. Струинская, черная от глубины русла и хмурого неба поверхность дикой реки казалась мглой трещины: гоняясь за мошкаррой, плавали хариусы; тысячелетняя жуть трупоб покровительственно внимала человеческому дыханию. Ивняк, закрывая отмели, теснился к реке; он напоминал груды зеленых шапок, разбросанных лесовиками в жаркий день. Противоположный, разрушенный водой берег был сплошь усеян подмытыми, падающими, как смятая трава, чахлами тонкими стволами.

— Никогда больше не буду курить полукрупку, — сказал Гадаутов. — Сале мезон, эпизодон, гвандилье; варварский табак, снадобье дикарей. Дома куплю полфунта за четыре рубля «Барбезон».

Его особенностью была привычка произносить с окончанием на французский лад бессмысленные, выдуманные им самим слова, мешая сюда кое-что из иностранных словарей, засевшее в памяти; вместе это напоминало сонный бред француза в России.

— Прекрасно, — отвечая на свои мысли, сказал Мордкин. — Поживем — увидим.

Постояв, все двинулись берегом. Справа, неожиданно показываясь и так же неожиданно исчезая, прорывался сквозь ветки сумеречный блеск реки; изгибаясь, крутясь, делая петли, тропинка следовала ее течению. Временами на ягоднике, трещая жирными крыльями, взлетала тетерка, беспokoйно кричала дрозды, затем снова наступала тишина, баюкающая и тревожная. Благодатский увидел белку; она скользила по стволу сосны винтом, показывая одну мордочку. Когда прошел еще один короткий лесной час, и все кругом, затканное дымом сумерек, стало неясным, растворяющимся в преддверии тьмы, и сильнее запела мошкара, и небо опустилось ниже, Афанасьев остановился. Накнувшись на него, перестали шагать Благодатский, Мордкин и Гадаутов.

Афанасьев сказал:

— Мы заблудились.

II

Он сказал это, не возвышая и не понижая голоса, коротко, словно отрубил. Тотчас же все и сам он испытали ощущение особого рода — среднее между злобой и головокружением. Конец пути, представляемый до сих пор где-то поблизости, вдруг

перестал даже существовать, исчез: отбежал назад, в сторону и исчез.

После недолгого молчания Мордкин сказал:

— Так. Излишняя самонадеянность к этому и приводит. Это все левые афанасьевские тропинки.

— Левые тропинки, — возразил Афанасьев, резко поворачиваясь к Мордкину, — открыты не мною. Маршрут записан и вам известен. От Кушельских озер по езженной дороге четыре версты, тропинками же — семь поворотов влево, один направо и еще один влево, к реке. Чего же вы хотите?

— Это значит, что мы где-то сбились, — авторитетно заявил Благодатский. — А где же пароход?

— Черт скушал, — сказал Гадаутов. — Может быть, позади, может быть, впереди. Мы шли верно, но где-то один из семи прозевали, пошли прямо. Куда мы пришли? Я не знаю — Пушкин знает! Пойдем, как шли, делать нечего. Нет, погодите! — крикнул он вдруг и покраснел от волнения. — Ей-богу, это место я знаю. Ходил в прошлом году с Зайцевым. Видите? Четыре дерева повалились к воде. Видите?

— Да, — сказал хор.

— Карамба. Оппингуа. Недалеко, я вам говорю, недалеко, даже совсем близко. — Уверяя, Гадаутов резко жестикулировал. — Отсюда прямо, как шли, еще с версту, не больше. Я помню.

Он выдержал три долгих, рассматривающих его в упор взгляда и улыбнулся. Он верил себе. Афанасьев покачал головой и пошел быстро, не желая терять времени. Гадаутов шел сзади, жадно и цепко осматриваясь. Место это казалось ему одновременно знакомым и чуждым. Глинистая отмель, четыре склоненных к воде дерева... Он рылся в памяти. Миллионное царство лесных примет, разбросанных в дебрях, осадило взвихренную его память ясно увиденными корягами, ямами, плесами, гарями, вырубками, остожьями, дуплами; собранные все вместе, в ужасающем изобилии своем, они составили бы новый сплошной лес, полный тревожного однообразия.

Черная вода справа открывалась и отходила, поблескивала и пряталась за хвойной стеной; от ее обрывистых берегов и мрачных стражей веяло скрытой угрозой. Через несколько минут Гадаутов снова увидел четыре тонкие ели с вывернутыми корнями — двойник оставленной позади приметы. А далее, как бы издеваясь, потянулся берег, сплошь усыпанный буреломом; подкошенные водой и ветром стволы нагибались подобно огромным прутьям, и трудно было отличить в этих местах один аршин берега от соседнего с ним аршина — все было похоже, дико и зелено.

— Куда мы идем? — спросил Мордкин, оборачивая к Гадаутову лицо, вымазанное грязным потом пополам с кровью раздавленных комаров. — Парохода нет и не будет! — Он взмахнул ружьем и едва не швырнул его на землю. — Я ложусь спать и не тронусь с места. Я более не могу идти, у меня одышка! Как хотите...

Излив свое раздражение, он хлопнул рукой по вспухшей от укусов шее и, шатаясь на дрожащих ногах, тихо пошел вперед. Гадаутов, не отвечая Мордкину, исчез где-то в стороне и, на-

полняя лес медвежьим треском, вернулся к товарищам. Лицо его дышало светлой уверенностью.

— Если бы не моя память, — сказал он, тоскливо чувствуя, что жмет или себе, или другим, — то, клянусь мозолями моих ног, не знаю, что стали бы делать вы. Поперечный корень под моими ногами, выгнутый кренделем, то же, что пароход. Это место я помню. Мы скоро придем.

Искренний его тон смыл расцветающие на бледных лицах кривые улыбки. Ему никто не ответил, никто не усомнился в его словах: верить было необходимо, сомнение не имело смысла. Глухие сумерки подгоняли людей; обваренные распухшие ноги ступали как попало, вихляясь в корнях; угорелые от страха и изнурения, четыре человека шли версту за верстой, не замечая пройденного; каждое усилие тела напоминало о себе отчетливой болью, острой, как тиканье часов в темной комнате.

— Пришли, — сонным голосом произнес Мордкин и отстал, поравнявшись с Гадаутовым. Гадаутов прошел мимо, но, чувствуя на спине тяжесть, отскочил в сторону, а Мордкин скользнул по его плечу и плащмя упал в кусты, согнувшись, как белая на веревке; это был обморок.

— Эй, — сказал Гадаутов, чуть не плача от утомления и испуга, — остановитесь, бараны, потеряем полчаса на медицину и милосердие! Он упал сзади меня. Анафема!

III

Идти за водой не было ни у кого сил. Афанасьев, положив голову Мордкина себе на колени, бесчеловечно тер ему уши; Мордкин вздохнул, сел, помотал головой, всхлипнул нервным смешком, встал и пошел. Через пять шагов Афанасьев схватил его за руку, взял за плечи и повернул в другую сторону. Очнувшись, Мордкин пошел назад.

— Скоро придем, — тихо сказал Гадаутов. — Темно. Это

пустяки; держись берегом, у воды. Вы знаете, чем я руководствуюсь? Рядом стоит двойной пенёк; я шел тут в прошлом году.

Все спуталось в его голове. Иногда казалось ему, что он спит и сквозь сон, страхивая оцепенение, узнает места, но тут же гасла слабая вера и отчаяние зажимало сердце в кулак, наполняя виски шумом торопливого пульса; однообразие вечернего леса давило суровой новизной, чуждой давним воспоминаниям. Время от времени, различив в чаще прихотливый изгиб дерева или очень глубокую мургу, он как будто припоминал их, думал о них мучительно, сомневаясь, убеждаясь, воспламеняясь уверенностью и сомневаясь опять. На ходу, задыхаясь и выплевывая лезущих в рот мошек, он устало твердил:

— Как я вам говорил. Вот бревно в иле. Осталось, я думаю, не совсем много. Скоро придем.

Один раз в ответ на это раздался истерический взрыв ругательства. Все шло быстро и молча; срываясь, шаг переходил в бег; и за тем, кто бежал, пускались бежать все, не рассуждая и не останавливаясь. Слепое стремление вперед, как попало и куда попало, было для них единственным, самым надежным шансом. Сознание вытеснялось страхом, воля — инстинктом, мысль — лесом; словесные толчки Гадаутова напоминали удар кнута; смысл его восклицаний отзывался в измученных сердцах таинственными словами: «Вот-вот», «здесь-здесь», «сейчас-сейчас», «там-там».

Никто не заметил, как и когда исчез свет. Мрак медленно разбил его на ничтожные, слабые клочки, отсветы, иглы лучей, пятна, теплящиеся верхушки деревьев, убивая одного за другим светлых солдат дня. Мгла осела в лесную гладь, сплывила в яркую черноту краски и линии, ослепила глаза, гукнула филином и притихла.

Идти так, как шли эти люди, дальше можно было только раз в жизни. Разбитый, истерзанный, с пылающей головой и пересохшим горлом, двигался человек о четырех головах, на четвереньках, ползком, срываясь, тыкаясь лицом в жидкую глину берега, прыгая, давя кусты, ломая плечом и грудью невидимые препятствия, человек этот, лишенный человеческих мыслей, притиснутый тоской и отчаянием, тащил свое изодранное тело у самой воды еще около часа. Сонное журчание реки перебил голос:

— Кажется, сейчас мы будем на месте. Еще немного, еще!

Это сказал Гадаутов, сиюсь сделать еще шаг. Руки и колени не повиновались ему. Затравленный тьмой, он упал, сунулся подбородком в землю и застонал.

В этот момент, оглушая четырехголового человека потрясающим холодом неожиданности, нечеловеческий пронзительный вой бросился от земли к небу, рванул тьму, перешел в певучий рев, ухнул долгим эхом и смолк.

Крики с берега, ответившие гудку парохода, превзошли его силой сумасшедшей радости и жутким, хриплым, родственным голосом зверей. Падая на мостки, но пытаясь еще пустить в ход подгибающиеся колени, Гадаутов сказал:

— Я говорил. Я никогда не обманываю. Же пруга д'аржан.

ЖОРЖ СИМЕНОН

Рисунки С. ПРУСОВА

ГЛАВА 3

о выдающейся личности, которая после смерти доставляет столько же хлопот, как и при жизни, и о бессонной ночи Мегрэ

Начальнику уголовной полиции, наконец, удалось дозвониться до префекта, который находился в стеле на авеню Монтэнь на званом обеде в честь представителя иностранной прессы.

— Дерьмо! — сказал префект.

После этого он надолго замолчал.

— Надеюсь, что журналисты еще не пронюхали, в чем дело? — пробормотал он наконец.

— Пока еще нет. Правда, один репортер слоняется по коридорам и явно что-то подозревает. Вряд ли нам удастся долго скрывать от него эту историю.

Журналист Жерар Ломбра, старый специалист по раздавленным собакам и прочим происшествиям, как обычно по вечерам, зашел на Кэ-дез-Орфевр, чтобы узнать новости. Теперь он сидел на верхней ступеньке лестницы, как раз напротив дверей лаборатории, и терпеливо курил трубку.

— Ничего не предпринимать и ничего не рассказывать, ждаль моих инструкций, — приказал префект.

Затем, закрывшись в одной из телефонных кабин, он позвонил министру внутренних дел. В этот вечер многим пришлось прервать обед, а вечер выдался необыкновенно теплым, и улицы Парижа были полны гуляющими.

Продолжение. Начало в № 3.

Много народу толпилось на набережной, и, наверное, некоторые прохожие удивлялись, почему в старом здании дворца Правосудия освещено столько окон.

Министр внутренних дел, уроженец Кантала, сохранивший местный акцент и грубоватость речи, услышав неприятную новость, воскликнул:

— Этот тип даже мертвый нас об...!

Дельтели жили в собственном особняке, на бульваре Сюше, около Булонского леса. Когда Мегрэ, наконец, получил разрешение позвонить Дельтелям, к телефону подошел лакей и сообщил, что мадам нет в Париже.

— Вы не знаете, когда она вернется?

— Не раньше осени. Она находится в Майами. Месье также отсутствует.

Мегрэ спросил наобум:

— Вы знаете, где он находится?

— Нет.

— А вчера он был в Париже?

Лакей замялся.

— Я не знаю.

— Вот как?

— Месье ушел.

— Когда?

— Не знаю.

— Позавчера вечером?

— Кажется. А кто говорит?

— Уголовная полиция.

— Я не в курсе дела. Месье дома нет.

— У него есть родственники в Париже?

— Да, брат, месье Пьер.

— Вы знаете его адрес?

— Кажется, он живет около площади Звезды. Я могу вам дать номер его телефона. Минутку... Бальзак 51-02.

— Вас не удивляет, что ваш хозяин до сих пор не вернулся?

— Нет, сударь.

— Он вас предупредил, что не вернется?

— Нет, сударь.

Научная лаборатория наполнилась новыми посетителями. Приехал судебный следователь Рато, которого удалось найти у друзей, где он играл в бридж, затем появился прокурор республики, и теперь они вдвоем о чем-то вполголоса совещались. Доктор Поль, судебно-медицинский эксперт, который в этот день тоже обедал в гостях, пришел последним.

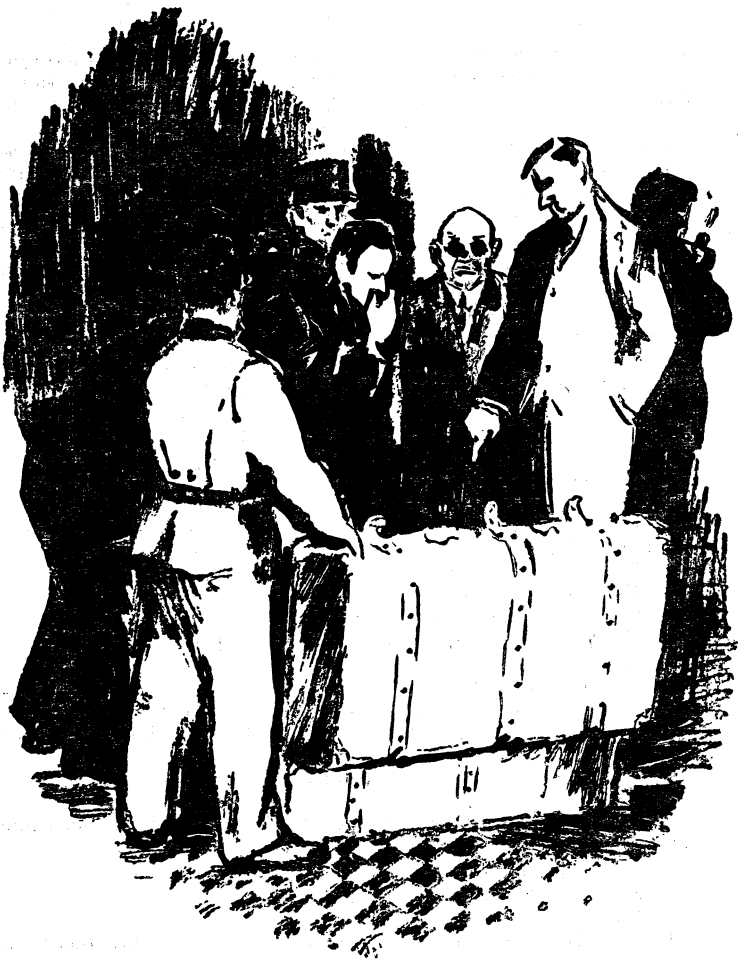
— Можно забирать? — спросил он, указывая на открытый чемодан, в котором все еще лежал скорченный труп.

— Сразу же после того, как вы констатируете...

— Я могу без всяких констатаций сказать, что убийство нельзя датировать сегодняшним днем. Скажите-ка! Да ведь это же Дельтель!

— Да...

За этим «да» скрывалось многое. Еще десять лет назад ни один из присутствующих не узнал бы покойника. В то время

он был молодым адвокатом, которого чаще встречали на стадионе Ролан-Гарро и в барах Елисейских полей, чем в залах суда, и который больше походил на кинематографического героя, чем на члена коллегии защитников.

Несколько позже Дельтель женился на богатой американке, поселился с ней на бульваре Сюше и три года спустя выставил свою кандидатуру на выборах в палату депутатов. Во время избирательной кампании даже противники не принимали его всерьез. Тем не менее он был избран, правда, еле натянув нужное количество голосов, и буквально на следующий же день о нем заговорили.

Собственно говоря, Дельтель не принадлежал ни к одной из

партий, но сразу стал кошмаром для всех, непрерывно выступая с запросами, без усталости разоблачая злоупотребления, мелкие интриги и темные делишки, и при этом никто никогда не мог понять, какую цель он преследует.

Перед началом каждого ответственного заседания палаты можно было услышать, как министры и депутаты спрашивали друг друга: «Дельтель пришел?»

И все мрачнели, увидев его. Он появлялся, словно голливудская звезда, с бронзовым от загара лицом, с маленькими черными усиками в виде этих запятых. Это означало, что дело принимает плохой оборот...

Мегрэ позвонил брату Дельтеля в меблированные комнаты на улице Понтье, там ему посоветовали поискать месье Пьера в ресторане «Фуке». У «Фуке» Мегрэ направили к «Максиму».

— Месье Пьер Дельтель находится у вас?

— Кто говорит?

— Скажите ему, что это касается его брата.

Наконец Пьера Дельтеля вызвали к телефону. По-видимому, это было не так просто сделать.

— Это ты, Андрэ?

— Нет. Говорят из уголовной полиции. Не можете ли вы взять такси и приехать сюда?

— У подъезда стоит моя машина, а в чем дело?

— Дело касается вашего брата.

— С ним что-нибудь случилось?

— Не говорите ни с кем до нашей встречи.

— Но...

Мегрэ повесил трубку, с досадой взглянул на группу людей, стоявших посреди просторной комнаты. Он понял, что никому здесь не нужен, и спустился к себе в кабинет. Ломбра, журналист, преследовал его по пятам.

— Вы не забыли обо мне, комиссар?

— Нет.

— Через час будет уже поздно давать материал в последний выпуск.

— Я вас увижу раньше.

— Кто это? Крупная птица, да?

— Да.

Торранс ждал его, но прежде чем заговорить с ним, Мегрэ позвонил жене.

— Не жди меня сегодня вечером, возможно, я не приду и ночью.

— Я так и думала, раз ты не пришел к обеду.

Они оба помолчали. Он знал, о чем, или, вернее, о ком она думала.

— Это он?

— Во всяком случае, он еще не застрелился.

— Он стрелял?

— Ничего еще не знаю.

Там, наверху, Мегрэ не все сказал. У него не было никакого желания рассказывать им все. Наверное, ему придется еще час терпеть этих важных шишек, потом он сможет снова спокойно заняться расследованием.

Мегрэ повернулся к Торрансу.

— Ты нашел парнишку?

— Нет. Я говорил с его бывшим хозяином и сослуживцами. Он всего три недели назад ушел с работы.

— Почему?

— Его выгнали.

— За непорядочность?

— Нет. По-видимому, он был честным парнем, но все время прогуливал. Сначала на него даже не сердились. Все находили его очень симпатичным.

— Ты ничего не узнал о его связях?

— Нет.

— А подруги?

— Он никогда не говорил о своих личных делах.

— Никаких любовных интрижек с машинистками?

— Одна из них, не особенно хорошенькая, говоря о нем, все время краснела, но мне кажется, что он не обращал на нее внимания.

Мегрэ набрал номер:

— Алло! Мадам Пардон? Говорит Мегрэ. Ваш муж дома? Тяжелый день? Попросите его на минутку подойти к телефону.

Ему пришло в голову, что, возможно, доктор еще раз вечером заходил на улицу Попинкур.

— Пардон? Я огорчен, старина, что приходится снова вас беспокоить. Вы собираетесь сегодня вечером навещать больных? Слушайте внимательно. Произошли очень серьезные события, которые касаются вашего друга Лагранжа... Да... Я его видел... Но с тех пор, как я к нему заходил, случилось еще кое-что. Мне нужна ваша помощь... Да, именно. Лучше будет, если вы заедете за мной сюда...

Поднимаясь снова наверх, Мегрэ встретил на лестнице Пьера Дельтеля, которого узнал сразу по его сходству с братом.

— Это вы меня вызывали?

— Следуйте за мной.

Он повел его наверх и открыл дверь как раз в ту минуту, когда доктор Поль, закончив предварительный осмотр, выпрямился и отошел в сторону.

— Вы узнаете его?

Все молчали. Сцена казалась особенно тягостной из-за необыкновенного сходства двух братьев.

— Кто это сделал?

— Это ваш брат?

Слез не было, только сжатые кулаки и стиснутые зубы, да еще взгляд стал тяжелым и жестким.

— Кто это сделал? — повторил Пьер Дельтель, который был на три года моложе депутата.

— Пока еще неизвестно.

Доктор Поль объяснил:

— Пуля вошла в левый глаз и застряла в черепной коробке. Выходного отверстия нет. Насколько я могу судить, это пуля небольшого калибра.

У одного из телефонных аппаратов стоял начальник уголовной полиции и звонил префекту. Вернувшись к ожидавшей его группе людей, он передал инструкции самого министра.

— Простая информация в газеты о том, что депутат Андрэ Дельтель был найден мертвым в чемодане, сданном на хранение на Северном вокзале. Как можно меньше подробностей. Успеем сделать это завтра.

Судебный следователь Рато отвел Мегрэ в угол.

— Вы считаете, что это политическое убийство?

— Нет.

— Замешана женщина?

— Не знаю.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Я буду знать это завтра.

— Я рассчитываю на вас, держите меня в курсе. Если будут новости, звоните даже ночью. Я буду у себя в кабинете с девяти часов утра.

Мегрэ неопределенно кивнул и отошел к доктору Полю, с которым обменялся несколькими словами.

— Хорошо, старина.

Поль направился в Институт судебной медицины, чтобы присутствовать на вскрытии.

Все эти разговоры заняли много времени. Было ровно десять часов вечера, когда все стали спускаться по плохо освещенной лестнице. Журналист ни на шаг не отставал от комиссара.

— Зайдите на минуту ко мне. Вы были правы. Это крупная птица. Убит депутат Андрэ Дельтель.

— Когда?

— Пока неизвестно. Пуля попала в голову. Тело было обнаружено в чемодане в камере хранения Северного вокзала.

— Почему открыли чемодан?

— На сегодня все!

— Вы напали на след?

— На сегодня все!

— Вы будете всю ночь заниматься этим делом?

— Возможно.

— А если я пойду за вами?

— Я прикажу вас забрать под любым предлогом и продержать до утра на холодке.

— Вас понял.

— Значит, все в порядке.

В эту минуту в дверь постучали и вошел доктор Пардон. Репортер спросил:

— А это кто?

— Мой друг.

— Нельзя узнать его имя?

— Нет.

Наконец они остались вдвоем, и Мегрэ начал с того, что снял пиджак и закурил трубку.

— Садитесь. Прежде чем отправиться туда, я хотел бы поговорить с вами. Будет лучше, если это произойдет здесь.

— О Лагранже?

— Да. Прежде всего один вопрос. Он действительно серьезно болен?

— Я был готов к вашему вопросу и думал об этом, пока шел сюда. В данном случае трудно дать определенный ответ. Конеч-

но, он болен, это не подлежит сомнению. Вот уже десять лет, как он страдает диабетом.

— Но это не мешает ему вести нормальный образ жизни?

— Почти. Я лечу его инсулином. Он сам себе делает инъекции, я его научил. Он всегда носит с собой маленькие складные весы, чтобы взвешивать пищу, если ему случается обедать не дома. При применении инсулина это имеет большое значение.

— Я знаю. Дальше.

— Вы хотите получить точный медицинский диагноз?

— Нет.

— Он всегда страдал от эндокринной недостаточности, обычный удел людей подобной физической конституции. Он человек вялый, чрезвычайно впечатлительный, легко теряющий самообладание.

— Каково его состояние в данный момент?

— Вот это и есть самая деликатная сторона вопроса. Я был поражен, застав его сегодня утром в том состоянии, в котором вы сами его видели. Я долго его осматривал. Несмотря на гипертрофию, сердце сейчас в неплохом состоянии, не хуже, чем неделю или две назад, когда Лагранж нормально передвигался.

— Вам приходила мысль о возможности симуляции?

Пардон, конечно, уже думал об этом, что было сразу заметно по его смущенному виду. Человек шепетильный, он теперь тщательно подыскивал слова.

— Я полагаю, Мегрэ, что у вас есть самые серьезные основания думать о такой возможности?

— Вполне серьезные основания.

— Это касается его сына?

— Не знаю. Лучше я введу вас сразу в курс дела. Сорок восемь часов назад, может быть, немного больше, может быть, меньше, мы об этом скоро узнаем, был убит один человек. С абсолютной вероятностью можно утверждать, что это произошло в квартире на улице Попинкур.

— Его опознали?

— Речь идет о депутате Дельтель.

— Они были знакомы?

— Следствие покажет. Во всяком случае, вчера вечером, в то время, как мы, обедая у вас, беседовали о нем, Франсуа Лагранж подъехал в такси к своему дому, с помощью шофера снес вниз чемодан, в котором находился труп, и отвез его на Северный вокзал, чтобы сдать в камеру хранения. Вас это поражает?

— Такие вещи всегда поражают.

— Теперь вам ясно, почему я так хочу узнать, был ли Франсуа Лагранж действительно болен сегодня утром, когда вы его осматривали, или симулировал.

Пардон встал.

— Прежде чем ответить, я хотел бы еще раз осмотреть его. Где он?

Доктор предполагал, что Лагранж уже находился здесь, в полиции.

— Он все еще дома, в собственной постели.

— И ничего не знает?

— Он не знает, что мы обнаружили труп.
— Что вы собираетесь делать?
— Отправиться к нему вместе с вами, если вы согласны составить мне компанию. Вы испытываете к нему дружеские чувства?

Пардон помолчал, а потом ответил с большой искренностью:

— Нет!

— Чувство симпатии?

— Скажем, жалости. Мне не доставило никакой радости увидеть его у себя в кабинете. Скорее, я почувствовал некоторую неловкость, как всегда в присутствии слабых людей. Но я не могу забыть, что он совершенно один воспитывал троих детей, не могу забыть, как дрожал его голос, когда он говорил о своем младшем сыне.

— Показная чувствительность?

— Я тоже так думал сначала. Я не люблю мужчин, которые плачут.

— А он плакал в вашем присутствии?

— Да. В частности, в тот день, когда от него ушла дочь, даже не оставив адреса.

— Я ее видел.

— Что она говорила?

— Ничего. Она-то не плакала, эта девица!.. Вы идете со мной?

— Я думаю, что это затянется.

— Возможно.

— Тогда, с вашего разрешения, я позвоню жене.

Было уже совсем темно, когда они селись в одну из полицейских машин. Всю дорогу молчали: оба были погружены в свои мысли, и оба опасались сцены, которая должна была произойти.

— Остановишься на углу, — сказал Мегрэ шоферу.

Напротив дома за номером 37-б он увидел инспектора Жанвье.

— А где твой напарник?

— Для предосторожности я его отправил во двор.

— А консьержка?

— Не обращает на нас никакого внимания.

Мегрэ позвонил, пропуская Пардона вперед. В швейцарской было темно. Консьержка не окликнула их, но комиссару показалось, что за стеклом белело ее лицо.

Наверху, на четвертом этаже, в одном из окон горел свет.

— Подыдемся...

Он постучал, света на лестнице не было, и он не мог в темноте нащупать кнопку звонка. Ждать им пришлось гораздо меньше, чем утром, чей-то голос спросил:

— Кто там?

— Комиссар Мегрэ.

— Простите, одну минутку...

Лагранж, по-видимому, надевал халат. Руки у него, наверное, дрожали, так как он с трудом повернул ключ в замке.

— Вы нашли Алэна?

В полумраке лестницы он заметил доктора, и лицо его сразу изменилось, стало еще бледнее, чем обычно. Он стоял неподвижно, не зная, что ему дальше делать, что говорить.

— Вы разрешите нам войти?

Мегрэ втянул носом воздух, чувствуя знакомый запах горелой бумаги. Щетина на лице Лагранжа отросла еще больше, а мешки под глазами набухли и потемнели.

— Принимаю во внимание состояние вашего здоровья, — сказал, наконец, комиссар, — я не хотел являться к вам без врача. Доктор Пардон был так любезен, что согласился меня сопровождать. Надеюсь, вы не возражаете, если он вас осмотрит?

— Он осматривал меня сегодня утром. Он знает, что я болен.

— Если вы ляжете в постель, он вас снова осмотрит.

Лагранж хотел возразить, это было видно по его лицу, потом, казалось, покорился, вошел в спальню, снял халат и улегся в постель.

— Откройте грудь, — мягко сказал Пардон.

Пока доктор выслушивал Лагранжа, он все время пристально смотрел на потолок. Мегрэ прохаживался по комнате. У камина, завешенного черной шторкой, он остановился, приподнял шторку и увидел за ней пепел от сожженных бумаг, который предусмотрительно с помощью каминных шипцов был превращен в пыль.

Время от времени Пардон привычно бормотал:

— Повернитесь... Дышите... Дышите глубже... Покашляйте...

Недалеко от кровати находилась дверь, комиссар толкнул ее и вошел в комнату, которая, по-видимому, раньше принадлежала кому-нибудь из детей. В ней стояла железная кровать без матраца. Он повернул выключатель. Комната оказалась чем-то вроде склада ненужных вещей. В одном из углов лежала груда разрозненных журналов, старых учебников без обложек, саквояж, покрытый пылью. Направо под окном часть пола казалась более светлой, отпечаток имел форму чемодана, найденного на Северном вокзале.

Когда Мегрэ вернулся в соседнюю комнату, Пардон стоял у постели с озабоченным видом.

— Ну, как?

Доктор ответил не сразу, избегая взгляда Лагранжа.

— Честно говоря, я считаю, что он в состоянии отвечать на ваши вопросы.

— Вы слышите, Лагранж?

Лагранж молча переводил взгляд с одного на другого. У него были жалкие глаза — как у раненого животного, которое смотрит на склонившихся над ним людей, пытаясь понять, что они станут делать.

— Вы знаете, почему я здесь?

Лагранж, по-видимому, принял решение — он продолжал молчать, и лицо его оставалось неподвижным.

— Признайтесь, что вы прекрасно понимаете причину моего прихода, что вы ждали этого с самого утра и больны от страха.

Пардон сел в угол, положив локоть на спинку стула и опершись подбородком на руку.

— Мы нашли чемодан.

Ничего не произошло, и Мегрэ мог бы даже поклясться, что выражение глаз Лагранжа не изменилось.

— Я не утверждаю, что именно вы убили Андре Дельтея. Возможно даже, что вы невиновны в этом преступлении. Мне не-

известно — я в этом признаюсь, — что здесь произошло, но я абсолютно уверен, что именно вы отвезли чемодан, в котором находился труп, сдали его в камеру хранения. В ваших собственных интересах будет лучше, если вы признаетесь.

Никакого ответа, полная неподвижность.

— Я готов верить в то, что вы действительно больны, что напряжение и волнения вчерашнего вечера вас потрясли. Тем более оснований сказать мне всю правду.

Лагранж закрыл глаза, снова открыл их, но его губы даже не шевельнулись.

— Ваш сын скрывается. Если это он убил Дельтея, то мы в самое ближайшее время схватим его, ваше молчание ему не поможет. Если он невиновен, то для его же безопасности мы должны знать об этом. Он вооружен. Полиция предупреждена.

Мегрэ приблизился к кровати, может быть, даже не отдавая себе отчета, склонился над ней, и губы Лагранжа зашевелились, он что-то пробормотал.

— Что вы сказали?

— Не бейте меня! Вы не имеете права меня бить!

— Я не собираюсь этого делать, вы же знаете, что это неправда.

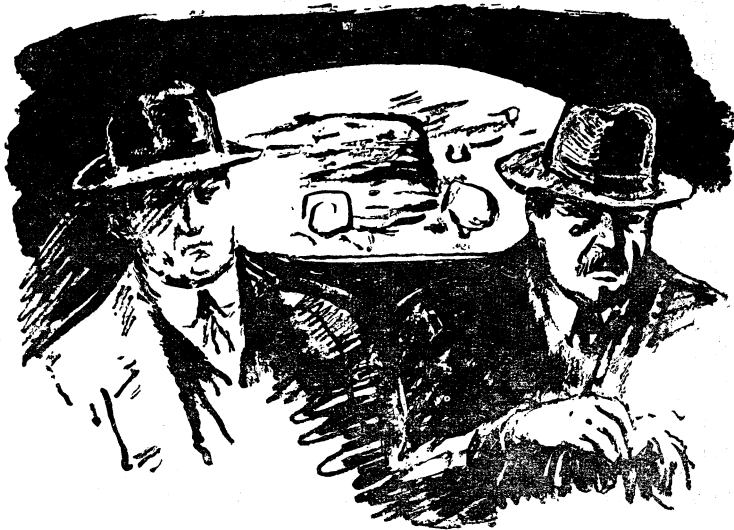
— Не бейте меня... не бей...

Лагранж вдруг откинул одеяло, заметался, делая вид, что отбивается от нападающего на него человека.

— Я не хочу... Я не хочу, чтобы вы меня били...

Это было отвратительное, тягостное зрелище. Мегрэ посмотрел на Пардона, но что мог посоветовать ему врач?

— Послушайте, Лагранж. Вы же в здравом уме. Вы не ребе-

нок. Вы меня прекрасно понимаете. И совсем недавно вы были вполне здоровы, потому что у вас хватило сил сжечь компрометирующие вас документы...

Короткая передышка, как будто человек набирается сил, и снова:

— Ко мне! На помощь! Меня бьют!.. Я не хочу, чтобы меня били... Пустите меня...

Мегрэ схватил его за кисть руки.

— Вы кончили или еще нет?

— Нет! Нет! Нет!

— Замолчите наконец!

Пардон встал и подошел к постели, устремив на больного прощательный взгляд.

— Я не хочу... Оставьте меня... Я подыму весь дом... Я им скажу...

Пардон прошептал на ухо Мегрэ:

— Вы ничего из него больше не вытянете.

Как только его оставили, Лагранж сразу замолчал и снова погрузился в неподвижность.

Мегрэ и Пардон отошли в угол.

— Вы считаете, что он действительно ненормален?

— Абсолютно в этом не уверен.

— Но это возможно?

— Это всегда возможно. Нужно установить за ним наблюдение.

Лагранж слегка повернул голову, чтобы не потерять их из виду, было ясно, что он слушает и, должно быть, понял последние слова. Теперь он выглядел успокоенным.

Мегрэ вернулся к нему, чувствуя страшную усталость.

— Прежде чем вы примете окончательное решение, Лагранж, я должен вас кое о чем предупредить. У меня на руках ордер о вашем аресте. Внизу ждут два моих агента. Если вы не дадите исчерпывающий ответ на мой вопрос, они увезут вас в тюремную больницу.

Никакого впечатления. Лагранж смотрел на потолок с таким отсутствующим видом, что было непонятно, слышал он слова Мегрэ или нет.

— Доктор Пардон может подтвердить, что существуют почти безошибочные способы для определения симуляции. Вы были совершенно нормальным сегодня утром. Вы были не менее нормальны, когда жгли документы. Вы и сейчас нормальны, я в этом уверен.

Ему показалось, что на губах больного промелькнула слабая улыбка.

— Я вас не ударил и не собираюсь бить. Я только повторяю, что выбранная вами тактика ни к чему не приведет, только вызовет к вам антипатию, если не хуже.

— Я не хочу, чтобы меня били! — повторил Лагранж безучастно, словно шепча молитву.

Мегрэ, ссутулившись, подошел к окну, открыл его и крикнул инспектору, ожидавшему во дворе:

— Подымись вверх вместе с Жанвье!

Он прикрыл окно и заходил по комнате. На лестнице послышались шаги.

— Если хотите, можете одеться. Иначе вас унесут, завернут в одеяло.

Лагранж продолжал повторять те же самые слова, которые в конце концов начали звучать бессмысленно.

— Я не хочу, чтобы меня били... Я не хочу...

— Войдите, Жанвье... Ты тоже... Унесите этого человека в тюремную больницу. Бесполезно пытаться его одевать, он снова начнет биться. На всякий случай наденьте на него наручники...

Этажом выше открылась дверь. На другой стороне двора за светилось окно, женщина в ночной рубашке оперлась о подоконник, позади нее мужчина вставал с постели.

— Я не хочу, чтобы меня били...

Мегрэ отвернулся. Он слышал, как щелкнули наручники, затем тяжелое дыхание, шаги, шум отодвигаемой мебели.

— Я не хочу, чтобы... Я не... На помощь, ко мне!

По-видимому, один из инспекторов закрыл ему рот ладонью или кляпом, потому что голос ослаб и, наконец, совсем умолк, шаги раздавались уже на лестнице.

Наступившее затем молчание казалось особенно тягостным. Первое движение комиссара было зажечь трубку. Потом он взглянул на разрытую кровать, одна из простынь лежала посреди комнаты. Рядом валялись старые туфли, халат упал на пол.

— Ваше мнение, Пардон?

— Вам придется трудно.

— Простите, что я впутал вас в это дело. Не очень красивая сцена.

Как будто вспомнив забытую подробность, доктор пробормотал:

— Он всегда страшно боялся смерти.

— Так!

— Каждую неделю он жаловался на новые недомогания и по долгу расспрашивал меня, опасно ли это. Он покупал медицинские книги. Наверное, их можно здесь найти.

Мегрэ действительно нашел книги в одном из ящиков комода.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Пардон.

— В тюремной больнице им займутся. Что касается меня — я буду продолжать следствие. Прежде всего я хотел бы найти его сына.

— Вы думаете, что это он?

— Нет. Если бы Алэн убил Дельтея, то ему не понадобился бы мой револьвер. Ведь в то утро, когда он пришел ко мне, преступление было уже совершено. Смерть произошла сорок восемь часов назад, значит, во вторник.

— Вы остаетесь здесь?

— На несколько минут — подожду инспекторов, которых пришлет Жанвье. Через час я получу от доктора Поля протокол вскрытия.

Немного позже появился Торранс в сопровождении двух коллег и экспертов с аппаратурой. Пока Мегрэ давал распоряжения, Пардон с озабоченным видом стоял в стороне.

— Вы идете?

— Конечно.

— Довезти вас домой?

— Я хотел бы заехать в тюремную больницу, но, возможно, мои коллеги там посмотрят на это косо.

— Наоборот. У вас есть какие-нибудь соображения?

— Нет. Я хотел бы еще раз взглянуть на него, сделать попытку поговорить. Странный случай.

Было приятно снова очутиться на улице и вдохнуть свежий воздух. Они доехали до Кэ-Дез-Орфевр, и Мегрэ заранее знал, что увидит больше освещенных окон, чем обычно. Роскошная спортивная машина Пьера Дельтеля все еще стояла у подъезда. Комиссар нахмурился, увидев журналиста Ломбра, караулившего его в передней.

— Вас ждет брат Дельтеля. А для меня еще нет новостей?

— Еще нет, малыш.

Мегрэ назвал его так машинально. Жерар Ломбра был его ровесником.

ГЛАВА 4

о последствиях бессонной ночи и неприятных встречах

Пьер Дельтель сразу же повел себя агрессивно. Пока Мегрэ давал распоряжения маленькому Лапуэнту, только что заступившему на дежурство, Дельтель стоял, прислонившись к письменному столу, и барабанил хорошо отманикюренными ногтями по крышке серебряного портсигара.

Затем, когда Мегрэ остановил выходящего из комнаты Лапуэнта и попросил его послать рассыльного за пивом и сэндвичами, Дельтель демонстративно иронически улыбнулся.

— Наконец-то! — воскликнул он, когда дверь закрылась и комиссар сел за письменный стол.

Мегрэ смотрел на Дельтеля, как будто видел его первый раз.

— Я убежден, — начал Пьер Дельтель, — что вы считаете это убийством с целью ограбления или из-за женщины. В высших инстанциях вам, наверно, даны соответствующие инструкции, чтобы замять это дело. Я должен вас предупредить, что...

— Садитесь, господин Дельтель.

Но тот не сдвинулся.

— Я не люблю разговаривать с человеком, когда он стоит передо мной.

Голос Мегрэ звучал слегка устало и приглушенно. Верхний плафон был зажжен, а настольная лампа давала слабый зеленый свет; Пьер Дельтель в конце концов сел на стул, скрестил ноги, потом вытянул их и открыл рот, чтобы произнести новые колкие слова.

— Простая формальность, — прервал Мегрэ, протягивая руку, но не достаивая его взглядом. — Покажите ваши документы.

Он тщательно изучил их, как это делает полицейский на границе, перелистывая и разглядывая со всех сторон.

— «Продюсер», — прочитал Мегрэ в графе «Профессия». — Вы выпустили много фильмов, господин Дельтель?

— Так сказать, я...

— Один фильм?

— Он еще не запущен, но...

— Если я правильно понял, вы пока еще ничего не выпустили. Вы находились у «Максима», когда я позвонил вам. Несколько

раньше вы находились в ресторане «Фуке». Вы занимаете меблированную квартиру в довольно комфортабельном доме на улице Понтье и являетесь владельцем роскошной машины.

Он рассматривал его с ног до головы, как бы оценивая покроя костюма, шелковую рубашку, обувь явно от дорогого сапожника.

— У вас есть личные доходы, господин Дельтель?

— Я не понимаю, к чему вы задаете мне эти...

— Вопросы, — закончил совершенно спокойно комиссар. — Просто так. Чем вы занимались до того момента, как ваш брат стал депутатом?

— Я работал по избирательной кампании.

— А до этого?

— Я...

— Вот именно. Короче говоря, уже несколько лет вы являетесь, так сказать, подручным вашего брата. Взамен он обеспечивал ваши потребности.

— Хотите унижить меня? Это входит в инструкции, которые вы получили? Сознайтесь, эти господа прекрасно знают, что произошло политическое убийство, и они приказали вам любой ценой скрыть правду. Там, наверху, я сразу это понял, потому и дожидался вас до сих пор...

— Вы знаете убийцу?

— Мой брат был им всем в тягость, и они постарались... убрать его.

— Можете закурить.

Сразу наступило молчание.

— Значит, по-вашему, ничего другого, кроме политического убийства?

— А вы знаете виновного?

— Здесь, господин Дельтель, вопросы задаю только я. У вашего брата были любовницы?

— Это известно всем. Он никогда не скрывал...

— И от жены тоже?

— У него не было оснований скрывать и от нее, так как они начали дело о разводе. Именно из-за этого Пат находится сейчас в Соединенных Штатах.

— Это она потребовала развода?

Пьер Дельтель заколебался.

— По какой причине?

— По-видимому, это перестало ее развлекать.

— Что — это? Ваш брат?

— Вы знаете американок?

— Я встречался с некоторыми.

— С богатыми?

— С богатыми тоже.

— В таком случае вы должны знать, что для них замужество до некоторой степени игра. Восемь лет назад Пат была проездом во Франции. Это было ее первое знакомство с Европой. Ей захотелось остаться, иметь собственный особняк в Париже, вести парижскую жизнь...

— И иметь мужа, играющего роль в этой парижской жизни. Она заставила вашего брата делать политическую карьеру?

— Ей всегда этого хотелось.

— И он только воспользовался средствами, которые предоставил ему брак. Вы сказали, что его жене все это надоело и она вернулась в Америку, чтобы потребовать развода. Но что бы тогда стало с вашим братом?

— Он продолжал бы делать карьеру.

— А средства? Обычно богатые американки предусмотрительно вносят в брачный контракт пункт о разделе имущества.

— Надеюсь, вы не предполагаете, что Андрэ принял бы от нее деньги. Я не понимаю, к чему ведут эти...

— Вам знаком этот молодой человек?

Мегрэ протянул ему фотографию Алэна Лагранжа. Пьер Дельтель взглянул на нее и поднял голову.

— Это убийца?

— Я вас спрашиваю, встречали ли вы его?

— Никогда.

— Знаете ли вы некоего Лагранжа, Франсуа Лагранжа?

Дельтель задумался, будто пытался что-то припомнить.

— Кажется, в определенных кругах он известен под именем барона Лагранжа, — сказал Мегрэ.

— А, теперь я понял, о ком вы говорите. Обычно его называют просто бароном.

— Вы его близко знаете?

— Время от времени я встречаю его у «Фуке» или в других местах. Случалось, я пожимал ему руку. Кажется, мы выпивали вместе по аперитиву...

— У вас деловые отношения?

— Слава богу, нет.

— А ваш брат был с ним знаком?

— По-видимому, в той же степени, что и я. Все так или иначе знают барона.

— Что вам о нем известно?

— Почти ничего. Это дурак, безобидный дурак, просто шляпа, он пытается втереться в общество.

— А кто он по профессии?

Пьер Дельтель ответил более наивно, чем ему бы хотелось:

— Разве у него есть профессия?

— Я полагаю, он должен иметь средства к существованию.

Мегрэ чуть не добавил: «Не каждому дано иметь брата-депутата».

Но не сказал. Молодой Дельтель был уже укрощен, сам не замечая, насколько изменился его привычный тон.

— Он занимается какими-то делами, я предполагаю. Это один из тех типов, которые, держа вас за пуговицу, сообщают, что они вложили несколько сотен миллионов в новое предприятие, и заканчивают тем, что просят несколько франков на обед или на такси.

— Еще один вопрос. По какому поводу такой человек, как ваш брат, мог посетить квартиру такого человека, как барон?

— Он был у него?

— Вы мне не ответили.

— Мне кажется это невероятным.

— Всякое преступление в начале расследования всегда кажется невероятным.

В дверь постучали, он крикнул:

— Войдите!

Это был официант из пивной «Дофина» с пивом и сэндвичами.

— Не хотите ли, месье Дельтель?

— Благодарю.

— Я вас больше не задерживаю. У меня есть ваш телефон. Возможно, что завтра или позже вы мне понадобится.

— В конечном счете вы отвергаете мысль о возможности политического убийства?

— Я ничего не отвергаю. Как видите, я работаю.

Мегрэ снял телефонную трубку, подчеркивая, что разговор окончен.

— Алло, это вы, Поль?

Дельтель постоял в нерешительности и, наконец, взяв шляпу, направился к двери.

— Помните, что я этого так не оставлю...

Мегрэ сделал рукой прощальный жест, как бы говоря: «До свидания, до свидания!»

Дверь закрылась.

— У телефона Мегрэ. Ну что? Я так и предволагал... По вашему мнению, он был убит во вторник вечером, возможно, в течение ночи?.. Совпадает ли это? Почти...

Именно во вторник, после полудня Франсуа Лагранж последний раз звонил доктору Пардону, чтобы удостовериться, что Мегрэ будет обедать у доктора, в среду. В этот час он еще хотел встретиться с комиссаром и, вероятно, не только из простого любопытства. По-видимому, Лагранж не ждал визита депутата во вторник, но предвидел его появление в один из ближайших дней.

В среду утром сын Лагранжа Алэн явился на бульвар Ришар-Ленуар такой испуганный, такой взвинченный, что, по словам мадам Мегрэ, она пожалела его и взяла под свое крылышко.

Зачем приходил к нему молодой человек? Спросить совета? Присутствовал ли он при убийстве? Обнаружил ли он труп, который, возможно, еще не был спрятан в чемодан?

Во всяком случае, вид револьвера заставил его изменить решение; завладев оружием, он тихонько покинул квартиру и бросился к первому попавшемуся оружейнику, чтобы купить патроны.

Значит, у него была какая-то мысль.

В тот же вечер его отец не пришел на обед к Пардонам. Вместо этого Лагранж отправился за такси и с помощью шофера сдал чемодан с трупом в камеру хранения Северного вокзала, после чего улегся в постель и объявил себя больным.

— А пуля, Поль?

Как Мегрэ и ожидал, пуля была выпущена не из его американского револьвера, что, кстати, было невозможно (оружие в момент убийства находилось у него дома), а из пистолета небольшого калибра 6,35. Пуля, которая не причинила бы большого вреда, если бы не попала в левый глаз и не застряла в черепе.

— А что вы еще нашли? Желудок?

— В желудке были найдены остатки плотного обеда, пищеварение только что началось. По мнению доктора Поля, это доказывало, что убийство произошло около одиннадцати часов вечера, — депутат Дельтель был не из тех, кто рано обедает.

— Благодарю вас, старина. Нет, спасибо, задача, которую мне придется решать, не относится к вашей специальности. — Мегрэ принялся за еду, один в своем кабинете, освещенном зеленым светом. Он был озабочен и чувствовал себя не в своей тарелке. Пиво показалось ему теплым. Он забыл закапать кофе и, вытерев губы, вынул из шкафа бутылку коньяку, налил себе стаканчик.

— Алло! Соедините меня с изолятором тюремной больницы. Мегрэ удивился, услышав голос профессора Журна, лично приехавшего в больницу.

— Вы успели осмотреть моего клиента? Что вы предполагаете?

Ему стало бы легче, если бы профессор высказался определенно, но старик Журн был не из тех, кто сразу решает. Вместо этого профессор произнес по телефону целую речь, пересыпанную специальными терминами. Шестьдесят процентов было за симуляцию, но пройдут еще недели, прежде чем будет установлен окончательный диагноз, конечно, если Лагранж не выдаст себя раньше.

— Доктор Пардон еще у вас?

— Он только что собрался уходить.

— А что делает Лагранж?

— Успокоился. Стал послушным. Позволил уложить себя в постель, разговаривает детским голосом, со слезами на глазах доверительно сообщил сиделке, что его хотели избить, что все его преследуют и что это продолжается всю жизнь...

— Я смогу увидеть его завтра утром?

— Когда угодно.

— Я хотел бы сказать несколько слов Пардону.

Журн передал трубку доктору.

— Итак? — спросил Мегрэ.

— Ничего нового. Я не вполне разделяю мнение профессора, но он, конечно, более компетентен в этой области, я уже столько лет не занимаюсь психиатрией.

— А ваше личное мнение?

— Я хотел бы еще подумать, а потом высказаться. Слишком серьезный случай, чтобы судить поверхностно. Вы не поедете домой спать?

— Нет еще. Вообще маловероятно, что мне придется спать сегодня ночью.

— Я вам больше не нужен?

— Нет, старина. Благодарю вас, извинитесь за меня перед вашей женой.

— Она уже привыкла.

— Моя тоже, к счастью.

Мегрэ поднялся, решив зайти на улицу Попинкур и узнать, что там делают его подчиненные. После того как был обнаружен пепел от сожженных документов, он не надеялся, что будут найдены какие-либо улики, но ему захотелось пошарить по углам квартиры.

Он взял шляпу, и тут раздался телефонный звонок.

— Алло! Комиссар Мегрэ? Говорят с полицейского поста предместья Сен-Дени. Мне сказали, чтобы я позвонил вам на всякий случай. Говорит агент Лекер.

Чувствовалось, что агент страшно взволнован.

— Это по поводу молодого человека, фотографию которого нам вручили. Здесь у меня находится один тип... — Он запнулся и поправился: — Один человек, у которого только что на улице Мобеж отняли бумажник...

Очевидно, пострадавший находился рядом с агентом, и Лекер старался подбирать выражения.

— Это один промышленник из провинции. Подождите... Из Клермон-Феррана... Он проходил минут тридцать назад по улице Мобеж, когда из темноты вышел человек и сунул ему под нос огромный револьвер. Точнее говоря, это был молодой человек... — Лекер что-то сказал тому, кто стоял рядом с ним. — Он говорит, совсем молодой человек. Кажется, у него дрожали губы, и он с большим трудом произнес: «Ваш бумажник...»

Мегрэ нахмурился. В девяноста случаях из ста грабители говорят: «Твой бумажник!»

— Когда пострадавший рассказал нам о молодом человеке, — продолжал Лекер не без самодовольства, — я тут же вспомнил о фотографии, которую нам вчера вручили, и показал ее. Он сразу же его узнал... Что вы говорите?

Последний вопрос относился к промышленнику из Клермон-Феррана, который говорил так громко, что Мегрэ услышал:

— Я абсолютно в этом уверен!

— А что он сделал потом? — спросил Мегрэ.

— Кто?

— Грабитель!

И сразу же, как в испорченном радиоприемнике, два голоса произнесли одновременно:

— Он убежал.

— В каком направлении?

— По бульвару де ля Шапель.

— Сколько денег было в бумажнике?

— Около тридцати тысяч франков. Что мне делать? Вы хотите видеть пострадавшего?

— Пострадавшего? Нет. Запротоколируйте его показания. Минутку! Передайте ему трубку.

И сразу же раздался голос:

— Моя фамилия Грималь, Гастон Грималь, но я предпочел бы, чтобы моя фамилия не...

— Понятно. Я хотел только узнать у вас, не бросилось ли вам в глаза что-нибудь особенное в поведении этого грабителя. Не спешите отвечать. Подумайте.

— Да я уже полчаса думаю. Все мои документы...

— Очевидно, их скоро найдут. Как выглядел грабитель?

— По-моему, он выглядит как мальчик из хорошей семьи.

— Вы были далеко от фонаря?

— Нет, не очень. Как отсюда до соседней комнаты. Он был так же испуган, как и я, настолько, что я даже...

— Хотели начать защищаться?

— Да. Потом я подумал, что легко может произойти несчастный случай, и...

— И ничего больше? Какой на нем был костюм?

— Темный, по-видимому, синий.

— Измятый?

— Не знаю.

— Благодарю вас, господин Грималь. Я уверен, что еще до завтрашнего утра какой-нибудь патруль найдет ваш бумажник на тротуаре. Конечно, без денег.

Именно об этой детали Мегрэ забыл и теперь ругал себя за это. Алэн Лагранж раздобыл револьвер, но у него было очень мало денег, если судить по образу жизни семейства на улице Попинкур.

Он стремительно вышел из кабинета и пошел в диспетчерскую. Там дежурили двое радистов.

— Пошлите общий вызов на все полицейские посты и в машины.

Не прошло и получаса, как все посты Парижа приняли приказ: «Немедленно донести комиссару Мегрэ обо всех вооруженных нападениях или попытках нападения, которые имели место за последние двадцать четыре часа. Срочно!»

Он повторил приказ, дал приметы Алэна Лагранжа.

Мегрэ не вернулся сразу к себе в кабинет, а зашел в отдел, ведающий гостиницами.

— Проверьте, не останавливался ли где-нибудь Алэн Лагранж. Вероятно, в дешевых отелях.

Это надо было выяснять. Алэн не назвал себя, говоря с мадам Мегрэ. Возможно, что предыдущую ночь он провел в гостинице. Поскольку никто не знал его, он мог записаться под своим настоящим именем.

— Вы будете дожидаться ответа, господин комиссар?

— Нет. Пошлите мне ответ наверх.

С улицы Попинкур вернулись эксперты со своими аппаратами, а инспектора еще остались в квартире. В половине первого ночи позвонил префект полиции.

— Что нового, Мегрэ?

— До сих пор ничего определенного.

— А газеты?

— Опубликуют только информацию. Но после первого утреннего выпуска я жду нашествия репортеров.

— Что вы думаете, Мегрэ?

— Пока еще ничего. Брат Дельтея во что бы то ни стало хочет считать это убийство политическим. Я его любезно разуверил.

Затем позвонили начальник уголовной полиции и даже сам старший следователь Рато. Всем им плохо спалось в эту ночь. Что же касается Мегрэ, он не собирался ложиться.

В четверть второго раздался совершенно неожиданный звонок. На этот раз звонили не из района Северного вокзала, не из центра города, а из комиссариата Нейи.

Дело было так. Вернувшийся с дежурства полицейский, узнав о приказе Мегрэ, почесал затылок и проворчал:

— Может быть, лучше будет ему позвонить.

Он рассказал обо всем, что с ним случилось, дежурному сержанту. Сержант посоветовал ему обратиться к самому комиссару. Это был молодой агент, который работал в полиции всего несколько месяцев.

— Не знаю, заинтересует ли вас это, — сказал он. — Это произошло вчера. Я дежурил на бульваре Ришар-Валлас, около Булонского леса, почти напротив Багатель. Я первый раз дежурил в ночь... Там несколько совершенно одинаковых домов... Было около десяти часов утра... Я остановился, чтобы разглядеть большую машину иностранной марки, которую никогда

раньше не видел... И вдруг позади меня из подъезда дома за номером 7-б вышел молодой человек... Я не обратил на него внимания, потому что он спокойно шел по направлению к углу улицы. Потом я увидел взволнованную консьержку, которая выбежала следом... Оказывается, я с ней знаком, я с ней разговаривал, когда однажды относил повестку в этот самый дом одному из жильцов. Она меня тоже узнала... «Вы чем-то взволнованы», — сказал я ей. А она ответила: «Хотела бы я знать, что ему понадобилось в нашем доме». Она смотрела на молодого человека, который в этот момент как раз заворачивал за угол. «Он прошел мимо швейцарской, ни о чем не спросив, — сказала она, — подошел к лифту, остановился в нерешительности, а потом стал подниматься по лестнице. Так как я его видела в первый раз, я побежала за ним, спросила, к кому он идет. Удивленный и как будто испуганный, он ответил не сразу: «Я, по-видимому, ошибся номером дома»...»

Агент продолжал:

— Консьержка говорит, он так странно посмотрел на нее, что она не посмела дальше расспрашивать. Но когда он вышел на улицу, она пошла за ним. Заинтересованный ее рассказом, я дошел до угла улицы Лоншан, где никого уже не было. Наверное, этот молодой человек бросился бежать. Мне ведь только что показали эту фотографию. Я не вполне уверен, но думаю, что это был он... Может быть, я зря вас побеспокоил. Сержант мне сказал...

— Вы очень хорошо сделали, — ответил Мегрэ.

Молодой агент не растерялся и назвал себя.

— Меня зовут Эмиль Лебраз.

Мегрэ вызвал инспектора Лапуэнта.

— Устал?

— Нет, патрон.

— Ты останешься здесь и будешь отвечать на телефонные звонки. Я надеюсь вернуться минут через сорок пять. Если будет что-нибудь срочное, позвони мне на бульвар Ришар-Валлас в Нейи. Дом 7-б к консьержке, у нее должен быть телефон. Да, кстати, я выиграю время, если ты предупредишь ее, что мне нужно с ней поговорить. Она успеет встать и надеть халат, пока я доеду.

Поездка по ночным пустынным улицам заняла немного времени, но, когда он позвонил, швейцарская была ярко освещена, и консьержка встретила его не в халате, а совершенно одетая.

— Господин Мегрэ, — пробормотала женщина, страшно взволнованная тем, что она принимает самого Мегрэ.

— Я очень сожалею, что пришлось вас разбудить. Я только хотел, чтобы вы взглянули на эти фотографии и сказали, нет ли среди них фотографии молодого человека, которого вы застали вчера утром на лестнице.

Он предусмотрительно захватил целую серию фотографий молодых людей приблизительно одного возраста. Консьержка ответила так же быстро, как промышленник из Клермона.

— Вот он, — сказала она, указывая на фото Алэна Лагранжа.

— Вы абсолютно уверены?

— Невозможно ошибиться.

— Когда вы к нему обратились, он не сделал угрожающего жеста?

— Нет. Странно, что вы меня об этом спрашиваете, я тоже этого ждала. Скорее это было ощущение, понимаете? Я не хотела бы утверждать того, в чем не уверена. Когда он обернулся и посмотрел на меня, у меня что-то сжалось в груди. Если говорить все до конца, мне показалось, что он против меня что-то замышляет...

— Сколько в вашем доме жильцов?

— По две квартиры на этаже. Получается четырнадцать квартир на семь этажей. Но две сейчас пусты... Одно семейство уехало три недели назад в Бразилию, это были бразильцы из посольства, а господин с пятого этажа умер двенадцать дней назад.

— Вы можете дать мне список жильцов?

— Это просто. У меня есть готовый.

Чайник кипел на плитке, и, протянув комиссару отпечатанный листок, консьержка сочла нужным приготовить кофе.

— Я подумала, что вы выпьете чашечку в такое время... Мой муж, которого я, к несчастью, потеряла в прошлом году, не имел прямого отношения к полиции, но служил в Национальной гвардии.

— Здесь на первом этаже две фамилии — Дельваль и Трело.

Она рассмеялась.

— Дельваль — это импортеры, их контора находится на площади Виктуар, а господин Трело живет один. Вы его не знаете? Это комик из кино.

— Во всяком случае, молодой человек шел не к ним, поскольку, остановившись перед лифтом, он затем направился вверх по лестнице.

— На втором этаже налево, как указано в списке, живет господин Декэн, в настоящий момент он отсутствует. Отдыхает у своих детей, у них поместье на юге.

— Чем он занимается?

— Ничем. Он богатый человек. Вдовец. Очень вежливый, тихий.

— Направо Розетти?

— Итальянцы. Она красивая женщина. У них три человека прислуги да еще гувернантка для их годовалого малютки.

— Профессия?

— Месье Розетти — владелец автомобильной фирмы. Это его машину разглядывал полицейский, когда я вышла следом за молодым человеком.

— А на третьем? Простите, что я вас держу на ногах так долго.

— Не беспокойтесь. Два куска сахара, с молоком?

— Без молока. Спасибо. Меттеталь, а это кто?

— Тоже богатые люди, но у них не держится прислуга, потому что мадам Меттеталь всегда больна, всем на свете недовольна.

Мегрэ делал пометки на полях списка.

— На этом же этаже я вижу фамилию Боман.

— Куртье по бриллиантам. Сейчас в отъезде. Летний сезон. Я пересылаю им почту в Швейцарию.

— На четвертом направо — Жанна Дебюль, одинокая женщина.

— Да, одинокая.

Консьержка произнесла это тоном, каким обычно женщины говорят о другой женщине, на которую имеют зуб.

— Какого она типа?

— Трудно назвать это типом. Она уехала вчера около полудня в Англию. Я была удивлена, что она об этом не предупредила.

— Кого?

— Свою горничную, хорошую девушку, которая мне все рассказывает.

— А горничная сейчас наверху?

— Да. Она весь вечер сидела у меня, боялась идти спать. Она трусиха и боится оставаться одна в квартире.

— Вы говорите, что она была удивлена?

— Горничная, да. Предыдущей ночью мадам Дебюль вернулась на рассвете, как это с ней часто случается. Заметьте, ее называют мадам, но я убеждена, что она никогда не была замужем.

— Возраст?

— Настоящий или тот, на который она претендует?

— И тот и другой.

— Настоящий мне известен, у меня в руках были ее документы, когда она сюда переезжала.

— Когда это было?

— Около двух лет назад. До этого она жила на улице Нотр-Дам-де-Лоррет. Короче говоря, ей сорок девять лет, но она претендует на сорок. Утром ей можно дать ее годы, вечером же, честное слово...

— У нее есть любовник?

— Она не совсем то, что вы подумали, иначе бы ее не держали в нашем доме. Управляющий очень строг на этот счет. Не знаю, как вам объяснить.

— Попытайтесь.

— Она из другого общества, чем остальные жильцы. Тем не менее и дурного ничего не заметно. Вы понимаете? Она не содержанка, например.

— У нее есть деньги?

— Она получает письма из своего банка и от своего биржевого маклера. Возможно, она вдова или разведенная, которая любит весело пожить.

— Она принимает у себя?

— Да, но не красавчиков, если вы это имели в виду. Ее поверенный в делах заходит время от времени, еще друзья, иногда пары. Но она сама скорее из тех женщин, которые выезжают, а не принимают у себя. По утрам лежит в постели до полудня. Днем ей случается выходить в город, одета всегда прекрасно, даже довольно строго. Затем возвращается, чтобы надеть вечерний туалет, я открываю ей двери много позднее полуночи. Любопытные вещи рассказывает о ней горничная Жоржетта. Она тратит много денег. Одни ее меха стоят целое состояние, а на пальце всегда носит бриллиант, вот такой громадный. Но Жоржетта уверяет, что, несмотря на это, ее хо-

зайка очень скупая и большую часть времени тратит на проверку счетов.

— Когда она уехала?

— Около половины двенадцатого. Потому-то Жоржетта так и удивилась. В это время её хозяйка обычно бывает еще в постели. Ей кто-то позвонил, и она сразу приказала принести ей расписание поездов.

— Это случилось после того, как молодой человек пытался проникнуть в дом?

— Да, после этого. Она даже не позавтракала и начала укладывать вещи.

— Много вещей?

— Нет, только чемоданы, ни одного кофра. Она вообще много ездила по свету.

— Почему вы так думаете?

— Потому что на ее чемоданах полным-полно наклеек, и все роскошных отелей — Довиля, Ниццы, Неаполя, Рима и других иностранных городов.

— Она не сказала, когда вернется?

— Мне не сказала. И Жоржетта ничего не знает.

— Приказала куда-нибудь пересылать ей почту?

— Нет. Она только позвонила на Северный вокзал и заказала билет в экспресс Париж — Кале.

Мегрэ был поражен тем, что с самого начала этого дела с такой настойчивостью повторяются слова «Северный вокзал». В камеру хранения Северного вокзала Франсуа Лагранж сдал чемодан с телом депутата... В окрестностях Северного вокзала его сын совершил нападение на промышленника из Клермон-Феррана. Тот же самый Алэн пробрался на лестницу дома на бульваре Ришар-Валлас, и вскоре после этого одна из живущих в этом доме женщин уехала с Северного вокзала. Что это — совпадение?

— Знаете, если у вас есть желание порасспросить Жоржетту, она будет просто счастлива. Так боится оставаться одна, что будет рада, если ей кто-нибудь составит компанию. — Консьержка подумала и добавила: — Особенно если это будете вы!

Но Мегрэ хотел сначала покончить со списком жильцов и терпеливо проверял одного за другим. На пятом этаже проживал продюсер, его имя встречалось на всех афишных тумбах Парижа. Этажом выше, прямо у него над головой, была квартира режиссера, также очень известного, и, какое совпадение, на восьмом этаже жил сценарист, который каждое утро занимался гимнастикой на балконе.

— Может быть, вы хотите, чтобы я пошла и предупредила Жоржетту?

— Я должен сначала позвонить по телефону.

Он позвонил на Северный вокзал.

— Говорит Мегрэ из уголовной полиции. Скажите, есть ли поезд на Кале около двенадцати ночи?

Нападение на промышленника на улице Мобеж произошло около половины двенадцатого.

— Есть, в ноль тринадцать.

— Экспресс?

— Да, тот самый, который в пять часов тридцать утра передает почту в Дувр. Он идет без остановок.

— Вы не помните, покупал ли билет молодой человек, он был один?

— Кассиры уже кончили работать и ушли домой.

— Благодарю вас.

Мегрэ позвонил в портовую полицию Кале и сообщил им предметы Алэна Лагранжа.

— Он вооружен, — добавил Мегрэ на всякий случай.

Затем, допив кофе, объявил, впрочем, не будучи сам уверен в этом:

— Я поднимаюсь к Жоржетте. Предупредите ее.

На это консьержка ответила с лукавой улыбкой:

— Берегитесь! Она красивая девушка! И любит красивых мужчин.

ГЛАВА 5,

*в которой горничная очень довольна собой,
а Мегрэ к шести часам утра страшно недоволен*

У нее были розовые щеки и тяжелые груди, обтянутые розовой креповой пижамой, столько раз стиранной, что она стала почти прозрачной. В ее кругленькой со всех сторон фигурке было что-то незаконченное, а непривычно яркий для Парижа цвет лица делал ее похожей на птенца, покрытого легким пухом. Когда она открыла дверь, он почувствовал запах постели и подмышек.

Мегрэ попросил консьержку позвонить горничной и предупредить, что он придет. По-видимому, она спала, потому что, поднимаясь на четвертый этаж, он услышал, как в квартире пронзительно звонил телефон.

Ему пришлось ждать. Потом раздались шаги, и она открыла дверь, ничуть не смущаясь и даже не потрудившись накиннуть на себя халат. А может быть, у нее не было халата? Утром она вставала и сразу принималась за работу, а вечером, раздевшись, сразу ложилась спать. Она была белокурой, с растрепанными волосами, со следами помады на губах.

— Садитесь сюда.

Жоржетта зажгла в гостиной высокий торшер и затем усеялась на широкий диван нежно-зеленого цвета.

Легкий ветер врывался в комнату через огромные окна и наддувал занавески. Она разглядывала Мегрэ с тем серьезным выражением лица, которое бывает у детей, когда они смотрят на интересных взрослых.

— Я вас представляла не совсем таким.

— А каким вы меня представляли?

— Не знаю. Вы гораздо лучше.

— Консьержка заверила меня, что вы не рассердитесь, если я поднимаюсь сюда и задам вам несколько вопросов.

— О моей хозяйке?

— Да.

Она не удивилась. Наверное, ее ничто не удивляло.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года, из них шесть я прожила в Париже. Можете начинать.

Он начал с того, что протянул ей фотографию Алэна Лагранжа.

— Вы его знаете?

— Я его никогда не видела.

— Вы уверены, что он никогда не приходил к вашей хозяйке?

— Во всяком случае, с тех пор, как я живу здесь, — никогда. Молодые люди не в ее вкусе, хотя, конечно, многие думают иначе.

— Почему думают иначе?

— Из-за ее возраста.

— Вы давно у нее служите?

— С тех пор, как она обосновалась здесь, значит, около двух лет.

— Вы не работали у нее, когда она жила на улице Нотр-Дам-де-Лоретт?

— Нет. Я пришла к ней в тот день, когда она переезжала.

— Вы застали ее прежнюю горничную?

— Нет, я ее даже не встретила. Как будто хозяйка начинала жить заново. Мебель, вещи — все было новое.

Она вложила в эти слова особый смысл, Мегрэ понял.

— Вы ее не любите?

— Она не из тех женщин, которых можно любить. А потом, ей на это наплевать.

— Что вы имеете в виду?

— Она любит только себя.

— Вы не знаете, кто ей звонил, когда она внезапно решила уехать в Лондон?

— Нет. Она сама сняла трубку и не называла имени.
— Была удивлена, расстроена?
— Она никогда не показывает свои чувства.
— Вам совершенно неизвестно ее прошлое?
— Ничего, кроме того, что она жила на улице Нотр-Дам-де-Лоретт, что со мной не церемонится и что копается в счетах, выискивая ошибки.

Для горничной этот ответ был исчерпывающим.

— Короче, вы считаете, что она не настоящая дама?

— Конечно, нет. Я служила у настоящей светской дамы и принимаю разницу. Я еще работала в районе площади Сэнт-Жорж у одной женщины, которая была на содержании.

— Жанна Дебюль тоже была на содержании?

— Если и была, то раньше, но не теперь. Она очень богатая женщина.

— У нее бывают мужчины?

— Ее массажист, он приходит через день, она с ним тоже фамиллярничает и называет его Эрнест.

— Между ними ничего нет?

— Это ее не интересует.

Пижаменная кофточка Жоржетты была из тех, которые одеваются через голову, очень короткая, и, когда девушка откинулась на подушки, над поясом стала видна широкая полоса голого тела.

— Вам не помешает, если я закурю?

— Простите, — сказал он, — но у меня нет сигарет.

— Они там, на столике...

Она сочла вполне естественным, что он встал и подал ей пачку египетских сигарет, принадлежащих Жанне Дебюль. Пока он держал спичку, девушка неловко пыталась закурить, втягивая в себя дым, как это делают только начинающие. Она была очень довольна собой, ее разбудил такой знаменитый человек, как Мегрэ, и так внимательно ее слушает.

— У хозяйки много подруг и друзей, но они очень редко бывают здесь. Она им звонит и называет их большей частью по имени. Встречается с ними по вечерам на коктейлях, в ресторанах или ночных кабаре. Я часто думаю, что, наверное, раньше она содержала такой дом. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— А какие люди приходят сюда?

— В основном ее поверенный в делах. Она принимает его всегда в своем кабинете. Он адвокат. Мэтр Жибон живет не в нашем районе, а в девятом округе. Она его знала раньше, когда сама жила там. Потом ходит еще один мужчина, помоложе, из банка, с ним она обсуждает помещение капитала. Это она ему звонит, когда надо дать приказ на биржу.

— А у вас бывает некий Франсуа Лагранж?

— Старый колпак? — Она смутилась и засмеялась. — Это не я его так зову. Это хозяйка. Когда я ей докладываю, что он пришел, она ворчит: «Опять этот старый колпак!» Это тоже показывает, какова она, правда? А он, когда приходит, всегда говорит: «Спросите мадам Дебюль, сможет ли она принять барона Лагранжа».

— И она его принимает?

— Почти всегда.
— Значит, часто?
— Скажем, раз в неделю. Бывают недели, когда он совсем не приходит, а бывает, что и по два раза зайдет. На прошлой неделе приходил как-то два раза в один и тот же день.

— В котором часу?

— Всегда утром, около одиннадцати часов. Кроме массажа Эрнеста, он единственный, кого она принимает в постели. — И, заметив, какое это впечатление произвело на Мегрэ, горничная добавила: — Нет, это совсем не то, что вы думаете. Она даже для адвоката одевается. Я признаю, что она очень хорошо одевается, очень строго. Именно это меня так поразило с самого начала: то, как она себя ведет в постели, в спальне, и совсем по-другому, когда одета. Два совершенно разных человека. Совсем разная манера разговаривать, даже голос у нее меняется.

— Она гораздо вульгарнее в постели?

— Да. Не только вульгарнее. Не могу подобрать слова.

— И только одного Франсуа Лагранжа она так принимает?

— Да. Она кричит ему, в каком бы виде ни находилась: «Входи уж». Как будто бы они старые друзья...

— ...или старые сообщники?

— Возможно, и так. Пока я не уйду, они говорят только о пустяках. Он всегда осторожно садится на край кресла, как будто боится помять шелковую обивку.

— Он носит с собой портфель, какие-нибудь бумаги?

— Нет. Он видный мужчина. Не в моем вкусе, но в нем есть солидность.

— Вы никогда не слышали, о чем они говорят?

— С ней это невозможно. Она обо всем догадывается. У нее тонкий слух. А сама всегда подслушивает за дверью. Когда я говорю по телефону, можно быть уверенной, что она поблизости и шпионит за мной. А когда я хочу отнести письмо на почту, она говорит: «Кому это ты снова пишешь?» И я знаю, что она прочла адрес. Понимаете, что за человек?

— Понимаю.

— Я вам покажу одну вещь, такого вы, наверное, еще не видели.

Она вскочила с дивана и бросила окурочек в пепельницу.

— Идите за мной. Гостиную вы, значит, уже видели. Обставлена в том же вкусе, как и все остальные гостиные в этом доме. Здесь работал один из лучших парижских декораторов. Вот столовая, тоже в современном стиле. Погодите, я сейчас зажгу свет.

Затем она открыла еще одну дверь, шелкнула выключателем и посторонилась, чтобы показать ему спальню, всю затянутую белым шелком.

— А вот как она наряжается по вечерам...

В соседней комнате горничная распахнула стеновые шкафы, провела рукой по аккуратно развешенным шелковым платьям.

— Вот. А теперь идите сюда.

Она пошла вперед по коридору, тонкий креп пижамы плотно обтягивал ее бедра. Открыла новую дверь и снова повернула выключатель.

— Вот! Смотрите!

Маленький кабинет помещался в глубине квартиры, и в нем не было ни малейшего следа женственности. Это был кабинет делового человека. Металлическая стойка для бумаг была выкрашена в зеленый цвет, а позади вращающегося кресла возвышался огромный сейф последнего выпуска.

— Вот здесь она и проводит дневные часы, принимает своего поверенного, человека из банка. Смотрите...

Девушка указала на стопку журналов «Биржевой вестник». Правда, рядом Мегрэ заметил программу бегов.

— Она носит очки?

— Только в этой комнате.

На бюро с кожаными углами лежали большие круглые очки в черепаховой оправе.

Мегрэ машинально попытался открыть стойку для бумаг, но она была закрыта на ключ.

— Каждую ночь, вернувшись домой, она запирает драгоценности в сейф.

— А что там еще? Вы видели?

— В основном акции. Бумаги. И еще маленькая красная книжка, в которую она часто заглядывает.

Мегрэ взял с письменного стола телефонную книгу и начал ее перелистывать. Он вполголоса повторял имена. Жоржетта объясняла:

— Молочник... Мясник... Скобяная лавка на авеню де Нейи... Сапожник хозяйки...

Когда вместо фамилии было записано одно имя, она удовлетворенно улыбалась.

— Ольга... Надин... Марсель.

— Ну, что я вам говорила?

Мужские имена тоже встречались, но их было гораздо меньше. Потом шли имена, которые не были известны горничной. В рубрике «Банки» было записано пять названий, в том числе американский банк на площади Вандом.

Он безуспешно искал имя Дельтея.

Правда, в книжке был записан один Андрэ и один Пьер, но были ли это депутат и его брат?

— Вы не ожидали, конечно, что у нее такой кабинет?

Чтобы доставить ей удовольствие, он сказал, что не ожидал.

— Может быть, хотите пить?

— Консержка была так мила, что приготовила мне кофе.

— А может быть, выпьете рюмочку?

Она снова привела его в гостиную, погасив по дороге все лампы и, как будто бы надеясь, что их разговор продлится еще долго, снова уселась на диван. Мегрэ отказался от предложенной рюмочки.

— Ваша хозяйка пьет?

— Как мужчина.

— Вы хотите сказать, много?

— Я никогда не видела ее пьяной, только один-два раза, когда она возвращалась на рассвете. Но она пьет виски сразу после кофе с молоком, а затем еще три-четыре рюмки. Вот почему я говорю, что она пьет, как мужчина. Она никогда не разбавляет виски водой.

— Она не говорила, где остановится в Лондоне, в каком отеле?

— Нет.

— А сколько времени она там пробудет?

— Она ничего не говорила. Собралась за полчаса, оделась, уложила вещи.

— Как она была одета?

— В серый костюм.

— Взяла вечерние туалеты?

— Только два.

— Кажется, у меня нет больше вопросов, ложитесь, наконец, спать, а я пойду.

— Уже? Вы торопитесь?

Жоржетта, конечно, нарочно откидывалась на подушки, чтобы была видна полоска кожи между пижамной кофточкой и поясом.

— Вам часто приходится вести расследование по ночам?

— Иногда.

Она вздохнула.

— А я теперь не засну, раз уже проснулась. Конечно, не засну. Который час?

— Скоро три.

— В четыре уже начнет рассветать и птички запоют. Вы еще придете?

— Возможно.

— Вы меня никогда не побеспокоите. Только позвоните: два коротких звонка, потом один длинный. Я буду знать, что это вы, и сразу открою.

— Благодарю вас, мадемуазель. — Он снова почувствовал запах постели и подмышек. Тяжелая грудь задела его рукав с определенной настойчивостью.

— Желаю удачи! — сказала она вполголоса, когда Мегрэ вышел на площадку. И перегнулась через перила, чтобы посмотреть, как он будет спускаться по лестнице.

В уголовной полиции его ждал Жанвье.

— Как дела, патрон? Он заговорил?

Мегрэ отрицательно покачал головой.

— На всякий случай я оставил там Кара. Мы буквально перевернули вверх дном квартиру. Но безрезультатно. Вот единственное, что я могу вам показать.

Мегрэ сначала налил себе рюмку коньяку и передал бутылку инспектору.

— Увидите, это занятно.

В картонной обложке, сорванной со школьной тетради, были собраны газетные фотографии и вырезки.

Мегрэ, нахмурившись, читал заголовки, просматривал тексты под лукавым взглядом Жанвье.

Все вырезки без исключения были посвящены комиссару Мегрэ, многие статьи — семилетней давности. Отчеты расследований, печатавшиеся изо дня в день, краткие обзоры заседаний суда присяжных и даже приговоры.

— Вам ничего не бросается в глаза, патрон? Я прочел их все от доски до доски.

Мегрэ сам кое-что заметил, но ему не хотелось об этом говорить.

— Честное слово, здесь отобраны те дела, в которых вы в той или иной степени выступаете в роли защитника обвиняемого.

Одна из статей даже называлась «Добродушный комиссар».

Другая была посвящена показаниям Мегрэ на суде, в которых каждая фраза комиссара говорила о сочувствии к обвиняемому молодому человеку.

Еще более определенной была статья под заголовком «Человечность Мегрэ», напечатанная год назад в одном еженедельнике, статья разбирала не отдельный случай, а анализировала общие проблемы преступности.

— Ну, что вы об этом думаете? Подборка доказывает, что малый уже давно следит за вами, интересуется каждым вашим шагом, вашим характером.

Многие фразы были подчеркнуты синим карандашом, в особенности слова «снискходительность» и «понимание».

— Вам не кажется это занятным?

— Больше ты ничего не нашел?

— Счета. Неоплаченные, конечно. Барон весь в долгах. Даже угольщику должен с прошлой зимы. Вот фотографии жены Лагранжа с первым ребенком.

Снимок был плохой. Платье старомодное, прическа тоже. Молодая женщина печально улыбалась. Возможно, в эту эпоху грусть считалась признаком изысканности. Но Мегрэ готов был поклясться — любой человек при взгляде на эту фотографию понял бы, что молодая женщина несчастна.

— В одном из шкафов я нашел ее платье из бледно-голубого шелка и картонку с детским приданым.

У самого Жанвье было трое детей, младшему не было еще года.

— А моя жена хранит только их первые башмачки.

Мегрэ снял трубку.

— Изолятор тюремной больницы! — сказал он негромко. — Алло. Кто у телефона?

Это оказалась сестра, та рыженькая, с которой он был знаком.

— Говорит Мегрэ. Как Лагранж? Что вы сказали? Плохо слышно.

Она рассказала, что больному сделали укол и он заснул почти сразу же после ухода профессора. Полчаса спустя, услышав слабый шум, она на цыпочках вошла в палату.

— Он плакал.

— Он с вами говорил?

— Я зажгла свет. На его щеках были следы слез. Лагранж молча, долго смотрел на меня. Мне показалось, что он хочет в чем-то признаться.

— Он вам показался нормальным?

Она заколебалась.

— Не мне об этом судить.

— А что было дальше?

— Он хотел взять меня за руку.

— Он взял вас за руку?

— Нет. Он начал стонать, повторяя все одно и то же: «Вы

не позволите им меня бить, не позволите?.. Я не хочу, чтобы меня били».

— Все?

— Под конец он стал волноваться, закричал: «Я не хочу умирать!.. Не хочу!.. Спасите меня!..»

Мегрэ повесил трубку, повернулся к Жанвье, который явно боролся со сном.

— Можешь идти спать.

— А вы?

— Я буду ждать до половины шестого. Нужно проверить, действительно ли мальчуган уехал в Кале.

— А для чего это ему понадобилось?

— Чтобы догнать кого-то в Англии.

В среду утром, украв у него револьвер, Алэн раздобыл патроны. В четверг он вошел в дом на бульваре Ришар-Валлас, а через полчаса проживающая в этом доме Жанна Дебюль, знакомая его отца, которой кто-то позвонил по телефону, успешно собралась и уехала на Северный вокзал.

Чем занимался мальчик днем? Почему он не уехал сразу? У него не было денег?

Он мог их раздобыть только одним путем, для этого он должен был дожидаться наступления темноты.

Вряд ли было случайностью, что он ограбил промышленника из Клермон-Феррана вблизи Северного вокзала, незадолго до отхода поезда на Кале.

— Да, я совсем забыл сказать вам, что звонили по поводу бумажника. Его нашли на улице.

— На какой?

— На улице Дюнкерк.

Опять вблизи вокзала.

— Без денег, конечно.

— До ухода позвони в паспортный стол. Спроси, выдавали ли они заграничный паспорт на имя Алэна Лагранжа.

Мегрэ подошел к окну. Еще не рассвело, был тот холодный, серый час, который наступает перед восходом солнца. Сена казалась почти черной в синеватом тумане; на катере, пришвартованном к набережной, матрос поливал палубу из шланга. Буксирный пароход бесшумно шел вниз по течению, чтобы забрать откуда-то баржи и нанизать их, как четки, на трос.

— Он просил паспорт одиннадцать месяцев назад, патрон. Он хотел поехать в Австрию.

— Значит, срок паспорта еще не истек. В Англию не нужна виза. Ты не нашел в его вещах паспорта?

— Нет.

— А костюмы?

— У него, вероятно, только один приличный костюм, в котором он ходит. В шкафу висел еще один, изношенный до дыр. И все носки дырявые.

— Иди спать.

— Вы уверены, что я вам больше не понадоблюсь?

— Уверен. Здесь еще два дежурных инспектора.

Незаметно для самого себя Мегрэ задремал, сидя в кресле. Он проснулся от того, что возвращающийся вверх по течению буксир громко загудел, подходя к мосту. Открыв глаза, Мегрэ

увидел розовое небо и сверкающие под лучами солнца изломы крыш. Он взглянул на часы, снял трубку.

— Соедините меня с портовой полицией Кале!

Пришлось ждать. Полиция порта не отвечала. Наконец к телефону подошел запыхавшийся инспектор.

— Говорит Мегрэ из парижской уголовной полиции.

— Я в курсе дела.

— Ну что?

— Мы как раз заканчиваем проверку паспортов. Пароход еще не отошел. Мои коллеги там.

— А молодой Лагранж?

— Мы его не нашли. Никого похожего. Было мало пассажиров. Проверить было легко.

— У вас имеется список тех, кто уезжал вчера?

— Сейчас поищу в соседней комнате. Подождете?

Вернувшись, он сказал:

— Во вчерашнем списке Лагранжа тоже нет.

— Дело не в Лагранже. Поищите некую Жанну Дебюль.

— Дебюль... Дебюль... Д... Д... Сейчас. Вот. Дома... Дазерг... Дебюль, Жанна-Луиза-Клементина, сорок девять лет, проживает в Нейи-сюр-Сен, номер 7-б, бульвар...

— Знаю. Какой адрес в Англии, она указала?

— Лондон, отель «Савой»...

— Благодарю вас. Вы уверены, что Лагранж...

— Можете быть спокойны, господин комиссар.

Мегрэ был в дурном настроении и с видом человека, желающего кому-то отомстить, схватил бутылку коньяку. Потом нервно взял трубку телефона и проворчал:

— Ле Бурже.

— Повторите.

— Прошу соединить меня с аэродромом Ле Бурже.

Он говорил хриплым голосом, телефонист заторопился.

— Говорит Мегрэ, из уголовной полиции.

— Инспектор Матье у телефона.

— Есть ли ночью самолеты на Лондон?

— Один в десять часов вечера, другой в двенадцать сорок пять ночи, первый утренний вылетел только что. Я слышу отсюда, как он набирает высоту.

— Достаньте, пожалуйста, список пассажиров.

— Какого самолета?

— Двенадцать сорок пять ночи.

— Минутку.

Мегрэ редко бывал таким нелюбезным.

— Нашли?

— Да.

— Ищите Лагранжа.

— Хорошо... Лагранж, Алэн — Франсуа — Мари...

— Благодарю вас.

— Вам больше ничего не нужно?

Но Мегрэ уже повесил трубку. Из-за этого проклятого Северного вокзала, который его прямо загниготизировал, он не подумал о самолете, и в результате Алэн Лагранж с его заряженным револьвером уже давно находится в Лондоне.

Пошарив по письменному столу, Мегрэ снова скватился за телефонную трубку.

— Отель «Савой» в Лондоне.

Его соединили почти сразу.

— Отель «Савой». Дежурный слушает.

Мегрэ устал повторять все одно и то же — свое имя, звание.

— Скажите, не останавливалась ли у вас вчера некая Жанна Дебюль?

— Да, месье, номер 605. Хотите с ней говорить?

Мегрэ замялся.

— Нет. Взгляните еще, не прибыл ли к вам сегодня ночью некий Алэн Лагранж.

Дежурный ответил почти сразу:

— Нет, месье.

— Я полагаю, что вы спрашиваете у вновь прибывших паспорта?

— Конечно. Согласно инструкции.

— Значит, Алэн Лагранж не мог записаться под чужим именем?

— Только в случае, если у него имеется фальшивый паспорт. Учтите, что полиция каждую ночь проверяет паспорта.

— Спасибо.

Ему оставалось позвонить еще в одно место, и этот звонок был особенно неприятен, тем более — придется воспользоваться своими слабыми школьными знаниями английского языка.

— Скотленд-Ярд.

Было бы чудом, если бы инспектор Пайк, которого он принимал во Франции, дежурил в этот час. Пришлось беседовать с неизвестным, который с трудом понял, кто с ним говорил, и отвечал гнусавым голосом.

— Некая Жанна Дебюль, сорока девяти лет, остановилась в отеле «Савой», номер 605, — подбирая слова, произнес Мегрэ. — Прошу вас в течение нескольких ближайших часов следить за ней как можно осторожнее...

Далекий собеседник повторял последние слова Мегрэ с ко рошим произношением, как будто каждый раз поправлял его.

— Возможно, что один молодой человек попытается посетить ее или встретиться с ней. Даю вам его приметы...

Перечислив приметы, он добавил:

— Он вооружен, «смит-вессон» специального образца. Это дает вам возможность арестовать его. Я пошлю вам его фотографии по бильдаппарату через несколько минут.

Но англичанин не понимал, и Мегрэ пришлось давать подробное описание, повторять одно и то же три-четыре раза.

— В конце концов что вы от нас хотите?

Эта дотошность заставила Мегрэ пожалеть, что он позвонил в Скотленд-Ярд, захотелось ответить: «Ничего!»

Он был весь в поту.

— Я приеду сам, — наконец заявил он.

— Вы хотите сказать, что приедете в Скотленд-Ярд?

— Я приеду в Лондон.

— В котором часу?

— Еще не известно. У меня нет расписания самолетов под рукой.

— Вы вылетите самолетом?

Мегрэ повесил трубку, возмущаясь и посылая ко всем чертям этого незнакомого инспектора, который, возможно, был славным парнем.

А что бы ответил Люкас инспектору Скотленд-Ярда, позвонившему в шесть часов утра и на дурном французском языке рассказавшему подобную историю?

— Это опять я. Соедините меня снова с аэродромом Ле Бурже.

Самолет отправлялся в восемь пятнадцать. У него осталось время заехать домой, переодеться, даже побриться и проглотить завтрак. Мадам Мегрэ предусмотрительно не задавала никаких вопросов.

— Я не знаю, когда вернусь, — сказал он сердито, слабо надеясь, что она тоже рассердится и у него будет возможность сорвать на ком-нибудь свой гнев. — Я уезжаю в Лондон.

— Да.

— Приготовь маленький чемодан со сменой белья и дорожным несессером. Там, в ящике, наверное, осталось несколько фунтов стерлингов.

Зазвонил телефон. Мегрэ как раз надевал галстук.

— Мегрэ? Говорит Рато.

Старший следователь, который, конечно, провел ночь в собственной постели и был в это прекрасное солнечное утро в чудесном настроении, поглощая кофе со свежими булочками, желал узнать новости.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что мне некогда, что я сажусь на самолет и вылетаю в Лондон через тридцать пять минут.

— В Лондон?

— Вот именно.

— Что вы такого узнали, что...

— Простите, но я вешаю трубку. Самолет не ждет. — Мегрэ был в таком состоянии, что добавил: — Я буду посылать тебе открытки.

Само собой разумеется, что в ответ на это была повешена трубка.

ГЛАВА 6,

в которой Мегрэ решает надеть гвоздику в петлицу, но это не приносит ему удачи

Над французским побережьем самолет попал в облака и пришлось подняться выше. Немного позже Мегрэ повезло. Через широкий просвет в тучах он увидел море, сверкающее, как рыба чешуя, и суда, за которыми тянулся пенный след.

Сосед Мегрэ любезно нагнулся к нему и, указывая на мелкие скалы, стал объяснять:

— Дувр...

Мегрэ поблагодарил его улыбкой. Между самолетом и землей стлалась легкая, почти прозрачная дымка; изредка путь самолета пересекало большое сияющее облако, которое быстро исчезало

позади, и снова внизу виднелись зеленые пастбища, усеянные крошечными точками.

Вдруг земля опрокинулась, самолет шел на посадку, внизу был Кройдон. И внизу был мистер Пайк. Да, мистер Пайк приехал, чтобы встретить своего французского коллегу. Он ждал не на летном поле, хотя, безусловно, имел на это право, и даже не в стороне от толпы, нет, он терпеливо стоял в гуще встречающих, за барьером, который отделял пассажиров от встречающих, родственников и друзей.

Пайк не делал приветственных жестов и не размахивал носовым платком. Когда Мегрэ взглянул в его сторону, он ограничился кивком головы, точно так по утрам он приветствовал своих товарищей по работе.

Прошло много времени с их последней встречи и, наверное, лет двенадцать с тех пор, как комиссар был в Англии.

С чемоданом в руках вслед за толпой Мегрэ вошел в здание аэровокзала и остановился около таможенников, а мистер Пайк скромно стоял за окном в своем темно-сером, несколько узковатом для него костюме, в черной фетровой шляпе и гвоздикой в петлице.

Конечно, он мог зайти сюда и сказать чиновникам: «Это комиссар Мегрэ, который приехал к нам...»

Мегрэ сделал бы это для него в Бурже. Но он не сердился на Пайка, понимая, что с его стороны это — проявление особой деликатности. Мегрэ немножко стыдился, вспоминая свой утренний гнев на инспектора Скотленд-Ярда. Раз Пайк находится здесь, значит, тот человек не так плохо справился со своими обязанностями и даже проявил инициативу. Часы показывали половину одиннадцатого, значит, чтобы вовремя приехать в Кройдон, Пайку пришлось выехать из Лондона рано утром.

Мегрэ вышел из аэровокзала. Сухая, жесткая рука протянулась ему навстречу.

— Как вы поживаете?

И Пайк продолжал говорить по-французски, что было большой жертвой с его стороны, так как он говорил плохо и очень страдал, делая ошибки.

— Надеюсь, что вы... будете... Как это перевести?.. Довольны... да, довольны этой чудесной погодой.

Мегрэ первый раз приехал в Англию летом и теперь пытался вспомнить, видел ли он когда-нибудь раньше настоящее солнце над Лондоном.

— Я предположил, что вы предпочтете ехать не в автобусе, а в машине.

Пайк ни слова не говорил о деле, из-за которого приехал Мегрэ, он не позволил себе ни одного намека, это также было проявлением особого такта. Они сели в бентли Скотленд-Ярда. Машину вел шофер в форме, педантично соблюдавший все правила движения: он ни разу не увеличил скорости и ни разу не поехал на красный свет.

— Красиво, не правда ли?

Пайк указал на ряд маленьких розовых домов, которые в плохую погоду показались бы жалкими, но сейчас под лучами солнца выглядели очень кокетливо. Перед каждым из них между

входной дверью и решеткой находился ровно очерченный квадрат зеленого газона величиной не больше простыни.

Чувствовалось, что Пайк наслаждается видом лондонских предместий, в одном из которых жил он сам.

За розовыми домами последовали желтые, затем коричневые, потом снова розовые. Солнце пекло все сильнее, и в некоторых садиках заработали автоматические машины для поливки.

— Я чуть не забыл передать вам это.

Он протянул Мегрэ лист бумаги, на котором было написано по-французски:

«Алэн Лагранж, девятнадцати лет, служащий, остановился в четыре часа утра в отеле «Жильмор» против вокзала Виктории без багажа.

Спал до восьми часов, вышел.

Явился в отель «Астория» и спросил о мадам Жанни Дебюль. Затем направился в отель «Континенталь», оттуда в отель «Кларидж», задавал везде тот же самый вопрос.

По-видимому, обходит большие отели по алфавиту.

В Лондоне первый раз. Не говорит по-английски».

Мегрэ поблагодарил кивком головы, все больше досадуя на себя за дурные мысли в адрес неизвестного английского инспектора.

После длительного молчания и созерцания ряда одинаковых домов Пайк снова заговорил:

— Я взял на себя смелость заказать вам номер в отеле, поскольку сейчас у нас слишком много туристов.

Он протянул своему коллеге карточку отеля «Савой», на которой стоял номер комнаты. Мегрэ мельком взглянул и был поражен, увидев номер 604.

Значит, они даже подумали о том, чтобы поместить его против номера Жанны Дебюль.

— Эта особа еще там? — спросил он.

— Она находилась там, когда мы выезжали из Кройдона. Я получил телефонное уведомление в ту минуту, когда ваш самолет приземлялся.

Это было все. Пайк был явно удовлетворен, но не потому, что доказал Мегрэ оперативность английской полиции, а оттого, что мог, наконец, показать ему Англию, по-настоящему освещенную солнцем.

Когда они очутились на улицах Лондона и увидели большие красные автобусы и тротуары, заполненные женщинами в светлых платьях, Пайк не мог сдержаться и снова пробормотал:

— Не правда ли, красивое зрелище?

Наконец, когда они уже подъехали к «Савою», Пайк сказал:

— Если вы не будете заняты, я смогу около часа заехать за вами, чтобы позавтракать вместе. А до этого времени я буду у себя. Звоните мне.

Он не провожал Мегрэ в отель. Шофер передал чемодан портье.

(Окончание следует.)

Р. КАТКОВ

Художники и искусствоведы-реставраторы вписали не одну страницу в историю культуры нашей страны. И дело не только в том, что они нашли, реставрировали и сохранили ценное произведение искусства. Очень часто их работа приводит к результатам, казалось бы, неожиданным. Это неизвестные факты общественной жизни, человеческие судьбы.

На реставрацию в одну из мастерских была передана картина Питера Боля «Цветы». И художник и его произведения были достаточно известны. Заинтересовала искусствоведов-реставраторов только надпись, сделанная на обратной стороне картины: «Из собрания Е. Д. Тюрина». С этой простой фразы и начались поиски. Может быть, не были бы они старательными и долгими, если бы неожиданно не попало изыскателю в архиве «Объяснение о цели составления мной коллекции оригинальных картин и средствах основания из оной публичной картинной галереи в Москве без затраты казенных сумм». Документ этот был датирован 12 августа 1853 года и подписан архитектором Московской дворцовой конторы Евграфом Дмитриевичем Тюриным. находка эта резко меняла дело. Речь теперь шла не о том, чтобы установить личность собирателя, а о том, чтобы восстановить обстоятельства создания публичного музея в николаевской России.

Шаг за шагом продвигались вперед художники, для которых отреставрированная картина Боля явилась не окончанием сложной работы, а началом трудных поисков. Много им удалось узнать и о самом собирателе и о его начинании.

В 1920 году хранитель музея старой Москвы П. Н. Миллер случайно приобрел рукопись под названием «Подлинные документы по картинной галерее коллежского советника Е. Д. Тюрина». Нигде в литературе имя Тюрина не встречалось, хотя, это

становится ясным из рукописи, его собрание было довольно известно — его осматривали сотни людей, — оно насчитывало более четырехсот произведений западных мастеров разных школ и эпох.

С конца сороковых годов Тюрин завел обычай, чтобы все, кто побывал в его галерее, доступной для всех желающих, расписывались на особых листах. В записи профессора В. Шебуева приводится отзыв Карла Брюллова: «Эта коллекция достойна быть открыта публично для образования художников».

Е. Д. Тюрин составляет особое Положение о публичной картинной галерее, которое, к сожалению, найти пока не удалось. Он обращается к губернатору Москвы графу А. А. Закревскому с объяснением своих целей, но напрасно... Между тем об этом можно судить по различным документам, найденным в архивах, общественное мнение полностью на стороне собирателя. Братья Хлудовы и Поповы обещают пожертвовать оригинальные картины при открытии галереи. А. И. Кубарев обещает принести в дар две картины Тропинина. Среди членов — учредителей публичной галереи — Александр Брюллов. 6 сентября 1856 года Тюрин снова «беспокоит власти своим проектом». Он обращается к самому царю. Но напрасно он пишет, что Николай I «явил неслыханное покровительство изящным искусствам»: 7 января министр двора уведомляет его, что император не согласился «на отвод особого помещения по неимению свободных комнат в зданиях, подведомственных Московской дворцовой конторе».

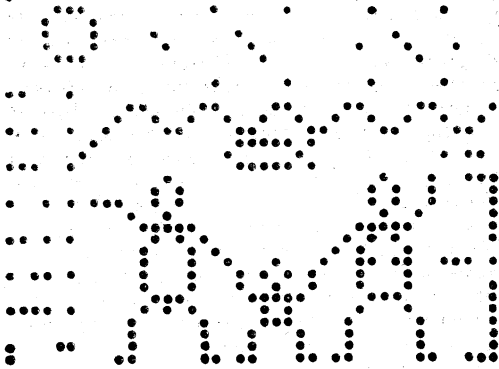
Так благодаря поискам художников-реставраторов, заинтересовавшихся надписью на обратной стороне картины, стали известны печальные обстоятельства, связанные с попыткой создания одной из первых публичных картинных галерей в нашей стране. Поиски эти продолжаются: пока ничего не известно о самом собрании Е. Д. Тюрин, о судьбе входивших в него картин. Поступившая на реставрацию картина Питера Боля пока единственная из тех, которые, безусловно, можно отнести к этой замечательной коллекции. А ведь, по свидетельствам современников, в ней были полотна Корреджо и Риберы, картины Вувермана, Тенирса и Дюрера, «Страшный суд» Адама Эльсгеймера, «Мадонна» дель Сарто. Тюрин писал помощнику директора 2-го отделения Эрмитажа, что у него хранится «Милосердие» Ван-Дейка: «Точно такая же есть в Эрмитаже. Знатки утверждают, что моя картина лучше эрмитажной».

Поиски продолжают. Их ведут увлеченные изыскатели, влюбленные в свою профессию люди — художники и искусствоведы-реставраторы. И в чем бы ни заключалась их работа: в открытии памятников искусства, в их охране или в том, чтобы заполнить чистые страницы истории культуры, — это огромный и благородный труд.

СИГНАЛЫ

ИЗ КОСМОСА

БУДУТ РАСШИФРОВАНЫ

На радиоастрономической конференции в Грин-Бэнк (США) присутствующим были розданы листки с длинным рядом нулей и единиц. Что это такое, ученые узнали из сообщения доктора Дрэйка, который объяснил: «Участникам конференции предстоит расшифровать запись радиосигналов, пришедших из космоса от звезды, на планетах которой, по предположениям, обитают разумные существа». Радиосигналы — импульсы малой длительности, разделенные интервалами, кратными длительности импульса. Эти интервалы на первый взгляд разбросаны беспорядочно. Через определенный промежуток времени последовательность импульсов повторялась, что явно указывало на их искусственное происхождение. Передача велась на волне 21 сантиметр. При записи сигналов каждый импульс обозначался единицей, а пауза, равная по длительности импульсу, — нулем. В результате и получилась запись из 1271 знака, в смысл которой предстояло проникнуть ученым.

На первый взгляд задача казалась неразрешимой. Неизвестная

планета, неизвестный язык... Однако в довольно короткое время многие из радиоастрономов расшифровали таинственные сигналы, хотя никто из них не был лингвистом или специалистом по тайнописи.

Проследим за ходом их рассуждений. Всего в записи содержится 1271 знак. Это число — произведение двух простых множителей 41×31 . Естественно, возникло предположение, что сигнал представляет собой кадр наподобие телевизионного изображения, в котором 31 строка и 41 элемент в строке (может быть, конечно, наоборот, но от этого изображение повернется на 90 градусов, что не существенно). Развернем это изображение по строкам, подумали ученые, причем вместо единиц будем ставить черные кружки. В результате получилась забавная контурная картинка, которую мы привели.

Эта картинка содержит довольно богатую информацию. Прежде всего видно, что разумные существа, населяющие планету, антропоморфны — человекоподобны. У них есть такая важная общественная ячейка, как семья. Грубая окружность в левом верхнем углу картинка должна изображать тамошнее Солнце, а ряд точек, расположенных вдоль левого края изображения сверху вниз, — его планетную семью. Против каждой из планет — порядковый номер планеты в двоичной системе счисления. Левая фигура указывает рукой на четвертую от центрального светила планету. Именно на этой планете есть разумная жизнь. От третьей сверху планеты горизонтально идет волнистая линия. Это можно истолковать таким образом: поверхность третьей планеты покрыта жидкостью (вероятно, водой). Под волнистой линией схематически изображено рыбообразное существо — представитель фауны этой планеты. Следовательно, можно сделать важный вывод: аборигены далекого мира могут совершать межпланетные перелеты (иначе как бы они узнали о рыбах?). Жизнь на планете основывается на тех же примерно химических процессах, что и у нас на Земле, ибо в верхней части рисунка схематически представлены атомы водорода, углерода и кислорода. Изображение содержит также ценную информацию о размерах разумных существ, населяющих этот инопланетный мир. Справа от фигуры находится «метка роста», посередине которой изображено число одиннадцать. Значит, рост взрослых особей равен одиннадцати единицам некоторого масштаба. Что это за масштаб? Так как передача велась на волне 21 сантиметр, естественно считать длину волны радиолинии межзвездного водорода единицей масштаба. Значит, наши братья по разуму заметно выше нас: их

рост достигает 231 сантиметра. Наконец над вытянутой рукой правой фигуры изображено число шесть. Похоже на то, что эти существа шестипалые, а это делает весьма вероятным предположение, что они пользуются двенадцатиричной системой счисления...

Конечно, ученые знали, что расшифрованная ими радиогрामма не получена из космоса, а они являются участниками эксперимента, поставленного с целью выявить наши возможности в области обмена информацией с инопланетными цивилизациями. Эксперимент показал, какие широкие перспективы открывает метод передачи изображения, даже самого примитивного. Конечно, при этом должно соблюдаться одно неперенное условие: разумные существа, которым адресовано изображение, должны быть зрячими. Вероятность этого достаточно велика. Зрение является главным каналом получения живыми существами информации от внешнего мира. Не случайно на нашей планете зрением обладает подавляющее число видов от низших до самых высших.

Об эксперименте в Грин-Бэнк рассказывает известный советский радиоастроном профессор И. С. Шкловский во втором издании своей книги «Вселенная, жизнь, разум», которое готовится сейчас в издательстве «Наука», откуда и заимствовано приведенное выше описание,

**Читайте в следующем номере
документальный приключенчес-
кий рассказ о подвиге партизан
в годы Великой Отечественной
войны.**

**На 1-й и 4-й стр. обложки:
рисунок и фотокомпозиция А. ГУСЕВА
«На дорогах покорения космоса».**

**На 2-й стр. обложки: рисунок худож-
ника Д. ДОМОГАЦКОГО к повести В. САК-
СОНОВА «ДАЛЬНИЙ ПОХОД».**

**Редакционная коллегия: А. П. ДНЕПРОВ, И. А. ЕФРЕМОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, Н. И. КОРОТЕЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ**

Художник-оформитель А. ГУСЕВ

**Рукописи не возвращаются
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»**

**Адрес редакции: Москва, А-30, Сушевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10**

**A10628. Подп. к печ. 10/VII 1965 г. Бумага 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1015.**

**Сматрицировано в типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сушевская, 21.**

**Отпечатано в 1-й тип. УВИ
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.**

Цена 20 коп.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ